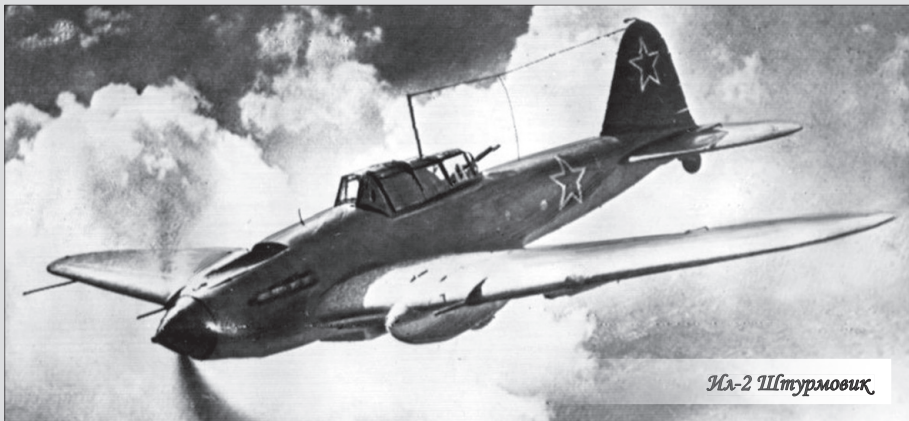

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Ил-2 Штурмовик

Парад 7 ноября 1941 г. в Куйбышеве, посвящённый 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции

Цех по производству самолётов-штурмовиков Ил-2 на заводе №18 в городе Куйбышеве

Самарское областное отделение
Коммунистической партии Российской Федерации

*70-летию Победы советского народа
в Великой Отечественной войне
посвящается*

ДЕТСТВО, ОПАЛЁННОЕ ВОЙНОЙ

Сборник воспоминаний

Самара 2015

Уважаемый читатель!

В России нет семьи, где не сохранялась бы скорбная и благодарная память о Великой Отечественной войне. Победоносное завершение войны дало возможность каждому из нас жить на независимой, свободной земле. С болью и горечью коммунисты констатируют, что всё меньше и меньше остаётся в живых свидетелей и участников Великой Отечественной

войны. Поэтому так важно собрать воспоминания всех, кого война опалила своим дыханием.

Уже написаны тома воспоминаний, мемуаров, романов и очерков – маршалами и рядовыми солдатами – окопниками, теми, кто прошёл дорогами войны и привёл Союз Советских Социалистических Республик к Победе над самым страшным врагом в истории человечества.

Но рассказать всё о войне невозможно. Эта тема никогда не будет исчерпана даже в новых поколениях

ях, которые будут по-своему осмысливать святое, героическое время и жизнь тех людей, чьим временем была страшная война.

Война опалила каждого советского человека: и мужчин, и женщин, и даже детей. И, может быть, именно на детей войны выпало самое тяжёлое бремя. У них было отнято детство! То золотое, беззаботное время, когда перед человеком открывается красота мира, его многообразие, формируется психология человеческих взаимоотношений.

У людей, родившихся за несколько лет до начала войны, и особенно в её огненные годы, радость детства была заменена невиданными бедствиями, мучениями, страхом и страданиями.

Сколько детей стало героями и жертвами войны! Вместе со взрослыми они боролись с врагом, пережили бомбёжки, эвакуацию, издевательства фашистов на оккупированных территориях, ужас ленинградской блокады, раннее сиротство и почти постоянное ощущение голода. И труд, тяжёлый недетский труд, в годы войны, а ещё больше – после войны по восстановлению лежавшей в руинах страны. Это дети сменили погибших и искалеченных войной, надорвавшихся непосильной ношей отцов и матерей, и работали, работали, работали.

Их руками построены тысячи новых предприятий, подняты целинные земли, возведены плотины и электростанции, освоены новые нефтяные залежи, запущены в небо космические аппараты и первый космонавт Земли – Юрий Гагарин. Он тоже из поколения детей войны.

И именно этому героическому поколению при-

шлось испытать ещё одно колоссальное потрясение: уничтожение своего Великого Отечества, стать свидетелями разрушения того, что было создано их трудом. И самое страшное – неблагодарность буржуазных правителей страны, лишивших детей войны в старости достойного материального обеспечения и простого признания их заслуг.

Уже много лет представители так называемой «партии власти» тормозят принятие внесённого коммунистами «Закона о детях войны». А принятые в некоторых регионах законы не предоставляют многого из того, что должно стать выражением благодарности общества за погубленное детство и самоотверженную трудовую юность, за многолетнее активное участие в создании того экономического, духовного и интеллектуального потенциала, которым до сих пор пользуется наша страна.

Сегодня мы представляем сборник воспоминаний – людей, родившихся в период с 1928 по 1945 годы. Книга подготовлена Самарским обкомом КПРФ к 70-летию Великой Победы. Этот сборник – знак уважения и благодарности поколению детей войны. Напоминание о нашем долге перед ними и обещание, что борьба за благополучную жизнь детей войны и упрочение уважения к их вкладу в историю страны будет продолжена.

*А.В. Лескин,
первый секретарь Комитета Самарского
областного отделения КПРФ,
депутат Самарской губернской думы*

ДЛЯ КОГО НАПИСАНА ЭТА КНИГА?

Более трёх лет назад фракция КПРФ в Государственной думе внесла проект Федерального закона «О внесении дополнений в статью 2 и статью 20 Федерального закона «О ветеранах». Он был разработан с целью устранения исторической несправедливости по отношению к детям, которые были лишены детства: наравне со взрослыми, в голоде и холоде, трудились на заводах

и фабриках, в колхозах и артелях – ковали историческую победу над фашизмом. Их отцы оплатили свободу своей кровью, они не щадили себя и верили, что, если и придётся погибнуть в бою, об их детях позаботится страна, ради которой они пошли на смерть.

За это время Государственная дума рассмотрела 11 законопроектов, касающихся детей военного времени, но, увы, ни один не приняла. К категории детей войны, согласно более позднему законопроекту Федерального Собрания, относятся граждане Российской Федерации, родившиеся в период с 22 июня 1928 года по 3 сентября 1945 года, постоянно проживавшие на территории Союза Советских Социалистических Республик в годы Великой Отечественной войны. Ежемесячная денежная выплата детям войны устанавливается в размере 1 тыс. рублей. По данным Министерства социального развития РФ, в

2013 году численность граждан этой категории составляла 13 306 499 человек. Их численность ежегодно уменьшается на 160 тыс. человек. Ежемесячная денежная выплата, по данным Минсоцразвития, уже предоставляется 862 203 гражданам этого возраста. Исходя из этого, численность детей войны, имеющих право претендовать на ежемесячную денежную выплату, сокращается почти на 1 млн. человек. Число граждан, получающих ежемесячную денежную выплату по иным основаниям, а также граждан, не имеющих права претендовать на льготы, в соответствии с действующим законодательством, составляет 1,8 млн. человек. Таким образом, примерно 10,5 млн. человек имеют право претендовать на ежемесячную денежную выплату.

О ЛЬГОТАХ «ДЕТЯМ ВОЙНЫ»

«Единороссовское» большинство Госдумы в очередной раз провалило принятие предложенного КПРФ законопроекта «О детях войны», который гарантировал бы им достойное существование» («Правда» за 3-4 марта 2015 г.).

*Льготы для детей войны
Непосильны для страны –
Это долго будет врать
Нам «едроссовская» рать.
У воров – свои законы
И лазеек миллионы.
Из бюджета деньги красть –
Лучше нет, чем эта сласть.*

*Раздербанят оборонку,
Отойдут потом в сторонку,
Деньги спрятав за бугор.
Пусть докажут: вор – не вор?
Сколько ж ходит потаённых
Тех хапуг, не осуждённых?
Дети фронта, дети тыла,
Многих приняла могила.
Тот, кто жив, живёт без льгот,
У ворюг – их полный рот.
Геннадий Чернышёв*

С целью защиты прав и интересов детей войны была создана Общероссийская общественная организация «Дети войны», которая в своих рядах насчитывает 2 млн. человек, и ряды её растут.

На территории Самарской области создано, и 5 мая 2014 года официально зарегистрировано, её региональное отделение. В организации состоит более 68 тыс. человек – это около четверти из 308 тыс. детей войны, проживающих на Самарской земле. Местные организации созданы практически во всех городах и районах области. Работу с детьми войны ведут коммунисты, сторонники партии и просто активные граждане.

Наша организация добивается повышения внимания и уважения к поколению детей войны как со стороны власти, так и общества.

Закон «О детях войны» – это совершенно понятная для всех законодательная инициатива фракции КПРФ в Государственной думе, главная цель которой – даже не материальная поддержка, а закрепление статуса

этой категории граждан, возможность для них пере-
нять эстафету от ветеранов Великой Отечественной
войны и вести патриотическую работу с детьми, под-
ростками и студентами, нести вахту памяти, чтобы
наши дети не забывали, какое героическое и страш-
ное время было в истории нашей страны.

Не дождавшись принятия Федерального закона,
наша общественная организация обратилась к фрак-
ции КПРФ в областном законодательном собрании. И
25 марта 2014 года Самарская губернская дума при-
няла закон Самарской области **«О мерах социаль-
ной поддержки граждан, родившихся в период с
3 сентября 1927 года по 2 сентября 1945 года»**.
В соответствии с этим законом лица, попадающие
под данную категорию, теперь пользуются правом
первоочередного приёма в медицинских учреждени-
ях и учреждениях социального обслуживания, наря-
ду с лицами, подвергшимися воздействию радиации
на Чернобыльской АЭС, тружениками тыла, участни-
ками и вдовами Великой Отечественной войны и дру-
гими льготниками. Лица, получающие пенсию ниже
2-х величин прожиточного минимума и не являющие-
ся федеральными или региональными льготниками,
получили ежегодную денежную выплату ко Дню По-
беды в 2014 году в размере 1 тыс. рублей. Но часть
детей войны, у которых пенсия выше этого уровня,
выплату не получили.

О законе, принятом в Самарской области, хочется
сказать, что дети войны восприняли его по-разному.
Те, кто получил выплату, звонят и со слезами благо-
дарности выражают признательность, что о них пом-
нят: ведь выплату получили самые нуждающиеся.

Для них это, пусть небольшое, но подспорье. Другие же выражают своё недовольство, полагая, что их обидели: ведь во время войны им также было тяжело, холодно и голодно.

Наша организация, совместно с депутатами-коммунистами разного уровня, будет продолжать добиваться расширения круга получателей льгот согласно областному закону, а также – принятия федерального. Отметим, что сам факт принятия закона – это уже маленькая победа, ведь данный закон принят не во всех областях России. Огромное спасибо нашим депутатам фракции КПРФ в Самарской губернской думе за то, что они смогли его «пробить». Именно – «пробить», т.к. со стороны Самарского правительства было полное непонимание необходимости решения данного вопроса. Приняли закон лишь через полтора года, благодаря упорству коммунистов.

В этом году наша страна отметила юбилейную дату победы над фашизмом. 2015 год проходит под девизом 70-летия Великой Победы. В течение всего года будут проводиться «круглые столы», вечера встреч, патриотические уроки в школах и т.д. В рамках деятельности нашей организации «Дети войны» всем нужно активнее включиться в работу с населением и, особенно, с молодёжью, которой необходимо нести правду о войне. Для проведения таких встреч следует привлекать комсомольскую и пионерскую организации, само существование которых сегодня ярче всего подтверждает связь поколений. Ветераны всегда охотно откликаются на приглашения молодёжи.

Готовя к изданию эту книгу, редакционная коллегия получила много писем детей войны с различны-

ми просьбами и даже требованиями. Однако большинство авторов скромно излагали на бумаге только свои горестные воспоминания о потерянном детстве.

Перечитывая в очередной раз письма-воспоминания, редакционная коллегия представляла тяжёлые картины событий, происходивших в военные и послевоенные годы. Сердце разрывалось от боли и сострадания к детям, на плечи которых легла непомерная тяжесть войны. Все они пишут, что постоянно испытывали чувство холода и голода. Это ужасно, особенно для родителей: видеть глаза ребёнка, желающего покушать, а ты не в состоянии ему помочь. Практически в каждой семье дети умирали от голода и дизентерии. В своих письмах люди говорят о непризнанности, о невнимании со стороны действующей власти. А ведь старшее поколение заслуживает всемерного уважения и внимания. Именно представители этого поколения участвуют в духовно-нравственном воспитании подрастающей молодёжи, передавая ей бесценный жизненный опыт поколения детей войны. Руководствуясь их опытом, принципами, установками, можно остановить распространение равнодушия, эгоизма, немотивированной агрессивности у подрастающего поколения.

Никто и ничто не сможет умалить подвиг 14 миллионов детей, вынесших на своих плечах все тяготы и лишения военных и послевоенных лет. Именно поэтому издаётся наша книга, которая, как мы надеемся, оставит в сердцах живую память о людях, заслуживающих особого отношения к себе.

Мы должны гордиться подвигами наших отцов и дедов. И в юбилейный, 70-й год Победы советского

народа в Великой Отечественной войне, мы собрали, проанализировали и публикуем воспоминания детей войны, чтобы для молодёжи Самарской области эта книга стала ориентиром в жизни. Книга адресована, прежде всего, внукам и правнукам тех героических мальчишек и девчонок, которые вместе с советским народом приближали победу над фашистской Германией.

*М.А. Ерина,
председатель Самарского регионального
отделения Общероссийской общественной
организации «Дети войны»,
секретарь Комитета Самарского
областного отделения КПРФ*

ПОМНИТЬ ВСЕГДА!

22 июня 1941 года бронированные полчища гитлеровской Германии хлынули через границы нашей Родины. Началась беспощадная война, в которой решалась судьба социалистического Отечества.

На священную борьбу с врагом поднялись миллионы людей. Не было семьи, которой не коснулась бы война. Народ трудящийся становился воюющим народом. Тысячи и тысячи патриотов добровольцами вступали в Красную Армию. Из Куйбышевской области в первые дни войны на фронт ушли 20 тысяч человек. Тысячи наших земляков стали народными ополченцами. Во всех городах и сёлах области было организовано военное обучение – Всевобуч. На территории области развернулось формирование дивизий, бригад, полков и специальных частей Красной Армии, отправлявшихся на фронт.

Волжане с честью пронесли знамя верности советской Отчизне на протяжении всех суровых лет Великой Отечественной войны. На земле и в воздухе, на воде и под водой, от рядового до генерала – везде наши земляки проявляли беззаветное мужество.

Свыше полумиллиона куйбышевцев сражались за свободу и независимость Отечества. Среди них – девять сыновей Прасковьи Еремеевны Володичкиной из посёлка Алексеевка Кинельского района. Шесть сыновей ушли на фронт из семьи сельского кузнеца Василия Дмитриевича Абрамова из деревни Малая Фёдоровка

Елховского района. Пятерых сыновей не дождалась с фронта Парвазана Гильмутдинова из села Старое Ермаково Камышлинского района.

Родина высоко оценила ратный подвиг волжан. Тысячи наших земляков награждены боевыми орденами и медалями. Свыше 200 человек стали Героями Советского Союза, 36 человек – полными кавалерами солдатского ордена Славы.

Велик подвиг тех, кто, одетый в армейские шинели, с оружием в руках защищал Отечество и громил врага на полях сражений. Но не забыть и мужество ковавших победу в тылу. Из западных городов страны, Москвы и Ленинграда в Куйбышев было эвакуировано 125 предприятий. На Волге приняли их и в кратчайшие сроки наладили выпуск необходимой для фронта продукции. В октябре 1941 года в Куйбышев были эвакуированы правительственные учреждения и дипломатический корпус, состоявший из 13 посольств и 6 миссий.

Женщины, подростки, старики по 12-16 часов не отходили от станков, делали самолёты и снаряды, шили военные гимнастерки и сапоги, добывали нефть и сеяли хлеб... Врагу не удалось уморить голодом наш народ, оставить без хлеба армию и города. Своим невероятно тяжёлым трудом, своей стойкостью, самопожертвованием труженики тыла сорвали замыслы фашистов.

Особой заботой в суровые годы войны были окружены дети. Им было тяжелее других. Отцы сражались на фронтах, матери трудились на заводах и на колхозных полях. 18 июля 1941 года Куйбышевский облисполком принял постановление о расширении сети детских садов и детских домов.

В июле стали прибывать первые группы эвакуированных из приграничных районов страны. Женщины – в

лёгких летних платьях, с ребятишками на руках. В области открывались детские дома для размещения эвакуированных детей. В них воспитывались ленинградские, минские, орловские, смоленские, полтавские дети...

В сельских районах области некоторых эвакуированных детей брали на воспитание колхозы, их так и называли «сын колхоза».

В октябре 1941 года на углу Садовой и Вилоновской открыли детскую больницу на 100 коек. За годы войны только на Безымянке было открыто 4 школы на 2 080 мест, 6 детских садов и яслей.

Большое внимание уделялось образованию детей, была сохранена и расширена сеть средних и высших учебных заведений. В 1942 году открылся авиационный институт. В г. Ставрополь-на-Волге в 1941 году был переведён Институт иностранных языков Красной Армии. В июле 1944 года в г. Куйбышеве создано суворовское военное училище. Основным источником пополнения промышленных кадров были школы ФЗО и ремесленные училища. За 1941-1944 годы они подготовили около 70 тысяч молодых рабочих.

Советским правительством даже в годы войны немалое значение придавалось развитию детского и юношеского спорта. Открывались спортивные школы и спортивные базы. Насыщенной была культурная жизнь детей: открыт Театр юного зрителя, после отъезда иностранных дипломатов, в 1943 году, открылся Дворец пионеров на ул. Куйбышевской, в том же году показал свои первые спектакли для детей кукольный театр, расположенный на улице Льва Толстого.

В пионерских отрядах создавались тимуровские команды, участники которых оказывали помощь семьям

фронтовиков, пилили дрова, ходили за покупками, обрабатывали огороды, носили воду, ухаживали за малышами и больными.

В летнее время городские и сельские дети 11-14 лет работали на полях наравне со взрослыми. Было трудно, уставали, недосыпали. Но ни на минуту не сомневались в победе. Огромной ценой была добыта Победа. Война унесла, по разным данным, от 25 до 27 миллионов человеческих жизней. В стране было разрушено 1 710 городов и посёлков городского типа, уничтожено 70 тысяч сёл и деревень, взорвано и выведено из строя 31 850 заводов и фабрик, 1 135 шахт. Посевные площади сократились на 36,8 млн. гектаров. Советский Союз потерял примерно одну треть своего национального богатства.

И всё это предстояло в кратчайшие сроки восстановить. Своими силами. И восстановили! В этом – неоценимая заслуга поколения детей войны. Теперь настало время вспомнить, что именно людям, родившимся перед войной и в годы войны, было труднее всего.

Уходят из жизни фронтовики и те, кто в годы войны работал в промышленности и сельском хозяйстве. Свидетелями страшного времени войны остаются её дети, лишённые детства. Сегодня им по 70-85 лет. Отдать им дань уважения, окружить вниманием и заботой – священный долг нынешних поколений, которые должны всегда помнить, что своей жизнью они обязаны тем мальчишкам и девчонкам, которые в послевоенные годы сделали всё, чтобы наша страна ныне имела возможность последовательно проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, твёрдо отстаивать свой суверенитет.

*Р.П. Поддубная,
кандидат исторических наук, доцент*

Глава 1

ЗДЕСЬ ТЫЛ БЫЛ ФРОНТОМ

Велик подвиг советского солдата, освободившего нашу Родину и всю Европу от фашистской чумы. Но мы не можем и не имеем права забывать и о подвиге простого трудового народа, который во время войны жертвовал всем ради победы. Миллионы стариков, женщин и детей самоотверженно трудились для обеспечения нужд фронта. Рабочие на заводах сутками напролёт стояли у станков, чтобы непрерывно увеличивать выпуск самолётов, танков, снарядов и боеприпасов.

*Нет, мы не видели войны
С разрывом бомб, снарядов воем.
Нас не бросали на костры
И не давил фашист ногою.
Мы дети тыла, те, кого
Тогда счастливыми считали.
Кровь стынет в жилах, если вспомнить,
Что на себе мы испытали.
Над нами было чистым небо,
Но мы часто голодали,
Забыли вкус ржаного хлеба
Да и картошки не хватало.*

В.И. Легков

ЖИВОЙ ГЕРОЙ

Эльмир Аполосович Айзуппе
г. Куйбышев – Самара

В 1941 году мне исполнилось 9 лет. Разумеется, я не сразу осознал весь трагизм произошедшего. Исчез хлеб, ввели карточки на все виды продуктов. Каждый вечер мы переставляли маленькие бумажные флажки красного цвета на большой карте Европы, которая висела над папиным письменным столом. Флажки обозначали линию фронта, которая, как кровавый забор, заползала всё глубже и глубже в нашу страну, отгораживая нас от некогда своих, близких нам, городов и сёл.

В Куйбышев стали прибывать беженцы. Появились они и в нашем доме, для чего жильцов стали «уплотнять». Не миновала сия мера и нашу семью. К нам подселили, «на уплотнение», Степана Кузьмича, бойца Красной Армии. Он был тяжело ранен в спину, лечился, и для поправки его направили в тыл.

Для меня это был живой герой. Я много расспрашивал его о войне. Особенно меня удивил и возмутил рассказ о форсировании рек.

– *А если кто плавать не умеет?* – допытывался я.

– *Да так, как хочешь, кто на доске, кто на бревнышке, кто как,* – невозмутимо говорил Степан Кузьмич.

– *Так и утонуть можно!*

– *И тонули. Война.*

Одно радовало:

– *Вот наши танки, –* утешал меня Степан Кузьмич, – *лучше немецких. Как столкнутся – наш всегда побеждал.*

Радио тогда у всех было включено постоянно, на случай тревоги. И вдруг... Поздним вечером, в декабре, сидим дома, настроение, как всегда в последнее время, скверное. И вот слышим торжественный голос Левитана, возвещающий о победе под Москвой! Радость была неопишуемая. Не помню подробностей, но запомнилось чувство восторга, охватившее всех. Мы сразу бросились переставлять флажки на карте. Впервые на запад. Так и встречали Новый год: с надеждой на полную победу.

Я ВИДЕЛА РАЗРУШЕННЫЕ ГОРОДА И СЁЛА...

Лидия Тихоновна Богуславская
с. Балашейка, Сызранский район

Несмотря на мой возраст, я хорошо помню, своё счастливое довоенное детство в г. Пологи, Запорожской области, на Украине, начало и все годы Великой Отечественной войны, а также послевоенное время.

Мне было почти шесть лет, когда началась война. Помню ежедневные тревожные сводки по радио о ходе военных действий, проводы на войну наших родственников. У папы была бронь, он целыми днями был на работе, передавал транспорт, горюче-смазочные материалы, взрывчатку воинским частям, а по ночам дежурил в истребительном батальоне, созданном для борьбы с диверсионными группами врага. А

мама брала меня с собой, и уходили мы на целый день из дома, потому что мама принимала активное участие в переоборудовании одной из школ под военный госпиталь. А ещё вместе с другими женщинами мы шли на железнодорожный вокзал – встречать поезда с ранеными, угощали их фруктами. До сих пор слышу вой сирены воздушной тревоги, предупреждавшей о приближении вражеских самолётов. Мы бежали и прятались в бомбоубежище в подвале. Не была гул самолётов и взрывы бомб, сбрасываемых на город. Отлично помню, как на железнодорожном вокзале папа провожал нас с мамой в эвакуацию, а сам оставался дома, в Пологах. Это было для меня ужасно страшно: поезд тронулся, а папа всё бежал и махал нам. Было это в конце августа 1941-го.

В Котельниково, Сталинградской области, куда мы были эвакуированы, нас разместили в пригородном овощеводческом совхозе. Жили в маленьком доме, в комнате с хозяйкой, печь топили соломой. Мама ежедневно шла в поле: помогала собирать урожай овощей, и меня брала с собой. В октябре за нами приехал папа, и мы тронулись в далёкий путь, к месту нового назначения папы, на ст. Балашейка. Большую часть пути шли пешком, по бездорожью, вдоль Волги, с рассвета и до ночи, от села к селу. Ночевали на постоянных дворах или в пустых домах. До Саратова у нас были попутчики – тоже семья с детьми из г. Пологи. В те годы не было железнодорожного сообщения между Саратовом и Сызранью. И, чтобы попасть в Пензу, а потом – в Сызрань и Балашейку, папе пришлось разыскать в Саратове временно эвакуированных туда представителей Украины, которые оказали помощь в продвижении к месту назначения. Мы

очень долго ехали: с пересадками и долгими стоянками. На вокзалах сидели по 10-14 дней (такое было трудное, тяжёлое, время). Питались в вокзальных буфетах – каша из овса на воде, кусок хлеба,

кружка кипятка – по эвакуодостоверениям. Однажды, на ст. Пенза-2, папа выменял бублик. Мама разломил его на две половинки и сказала: *«Ешь, Лидочка, и думай, что в одной ручке – булочка, а в другой – колбаска»*. Так я до сих пор помню вкус того бублика.

В Пензе папа получил приказ, доверенность и другую документацию, и мы выехали дальше. Ехали в теплушке, товарным составом, с сотрудниками Всесоюзной геологоразведки. Они ехали в Сибирь. Спали все вместе на нарах, прижавшись друг к другу, дети – в середине. А днём жались вокруг буржуйки. Взрослые на станциях запасались водой, дровами, углём, меняли личные вещи на еду. На ст. Репьевка папа нас высадил, и, пока поезд стоял, успел устроить нас на квартиру, а сам поехал дальше, в г. Куйбышев, для решения огромного количества служебных вопросов, связанных со строительством нового промышленного предприятия. Через несколько дней за нами прислали в Репьевку подростка, на санях, и привезли в Балашейку. А 2 марта 1942 года из Куйбышева приехал папа. Все годы войны наша семья ютилась на частных квартирах, в маленькой комнате правления колхоза.

В годы войны мы, ученики Балашейской начальной школы, учебный год начинали с уборки картофеля в колхозе. Собирали и ссыпали в телегу. Потом колхозницы в ведре варили эту картошку и кормили нас. А зимой на этом поле мы сгребали в длинные сугробы снег, делали снегозадержание.

Отлично помню начало строительства. Сначала рабочие вручную пилили деревья, огромные сосны. Расчищали площадки под заборы. Одновременно велись вскрышные работы, строились административные и жилые здания. Не было ни машин, ни техники – все работы велись вручную. Орудия производства – лопаты, кирки, кувалды, тачки. Были построены: контора, красный уголок, столовая, пекарня, лаборатория, три жилых дома, гараж. Всё это – в лесу. Электричества не было, работали и жили при керосиновых лампах.

Было очень трудное время и всем было тяжело. Папа с мамой целыми днями были на работе. Питание рабочим и служащим выдавалось по карточкам, хлеб тоже – строго по норме военного времени. А на рынке пуд картошки стоил 800 рублей. В мою обязанность входило получение хлеба. И беда, если потеряешь карточку.

Когда фашистские самолёты делали попытки бомбить железнодорожный мост через Волгу, возле Баграков, меня родители не пускали в школу, а брали с собой на работу. Мама работала в лаборатории, поэтому я рано научилась различать марку песка и делать простые анализы взятых в карьере проб.

Во время войны, в послевоенные годы я видела, с какой добротой, вниманием мои родители относились к людям, особенно – к детям.

В Балашейке я окончила десятилетку. Затем учёба в Куйбышеве. Работала в Сызрани и Балашейке до 63 лет – не представляла себя вне коллектива. Я ветеран труда и пенсионер со стажем. Будучи уже на пенсии, написала и издала книгу «Становление» – о родителях, к 100-летию со дня рождения папы.

Когда наша семья осенью 1945 года поехала на Украину, узнать, живы ли родные и близкие, я видела разрушенные города и сёла, мосты через реки... Из г. Запорожья в г. Николаев ехали через Днепр по понтонному мосту, т.к. железнодорожный был разрушен. А потом видела, как быстро наша страна вставала из руин. Строились вокзалы, заводы, фабрики, школы, институты, больницы, музеи, театры и, в первую очередь, жильё для людей.

ПОШЛИ ПО СТОПАМ ОТЦА

Мария Михайловна Бочкарёва
г. Самара

В военные и послевоенные годы моя семья жила в г. Бугуруслане. Мой папа работал грузчиком до войны, сломал ногу и стал инвалидом 3-й группы. В 1936 году закончил курсы счетоводов, стал работать, и заочно учился в педучилище. По окончании педучилища папа был завшколой, затем, в с. Ключевка, преподавал биологию и географию. В мае 1941 года поступил заочно учиться в Куйбышевский пединститут. Началась война. В конце октября 1941 года его забирают в армию, в г. Куйбышев. Он был участником парада

7 ноября. А в конце ноября его отправляют на Ленинградский фронт. Он охранял «Дорогу жизни» на Ладоге, был зенитчиком, сбивал вражеские самолёты. Последние два письма пришли в марте 1943 г. А погиб он в августе того же года. Через 50 лет фамилия папы вернулась на Родину.

Мама осталась одна с тремя детьми и бабушкой. Всю жизнь проработала санитарочкой в поликлинике. Мы испытали лихолетье войны: и голодали, и холодали. Нечем было топить дом, поели всю траву,

ели, как козы, козы нас тоже спасали от голода. Но жизнь боевая кипела в Бугуруслане. Лётное училище превратили в военное, полтора года у нас жили два лётчика-инструктора, через месяц учёбы лётчиков отправляли на фронт. Все школы закрыли, было 9 госпиталей, мы с учительницей каждую субботу, воскресенье ходили в госпитали с концертами: пели, плясали, ставили сценки. Бабушка вязала носки, несколько пар подарили раненым. Мы, дети, шили кисеты. За горой был колхоз, пололи поля, собирали осенью колоски, капустные листья, писали письма на фронт неграмотным женщинам.

Старшая сестра Анна с 8 по 10-й класс работала постоянно. С августа по декабрь: помогали убирать урожай в совхозе, веяли овёс, пшеницу, рубили и солили овощи и капусту. А мы, младшие классы, соби-

рали зелёные листья капусты и тоже её солили. Нам, ученикам, раз в месяц давали недельный талончик, после школы мы ходили обедать: щи, каша, кусочек чёрного хлеба и стаканчик чая, это для нас был праздник. Трудно, но люди всё равно жили в дружбе, верили в победу, свои дома не закрывали на замки. У меня была подруга – еврейка Рая Рубина. Бабушка, бывало, сварит щи из крапивы, забелит козьим молоком, нальёт в глиняный горшок и говорит: «Неси Рубиным, а то они ещё больше голодают».

В городе были буровики-нефтяники, так как перед самой войной нашли много нефти. И тогда собрали много денег и отправили на Безымянку, на строительство самолёта. И, что интересно, – голодали, но люди не болели никаким гриппом. Правда, была малярия и часто угорали в школе, болела голова. Так, может быть, трава и спасала нас от болезней. Когда у нас на квартире жили лётчики, нам привозили машину дров, вот тут мы немного согрелись от холода.

А как любили ходить в драмтеатр и в кино! Это уже после войны. Собирали по копейке, чтобы купить билет. Многие артисты и преподаватели из Москвы так и остались жить в Бугуруслане. После войны открыли учительский институт, где училась моя сестра Аня – математик. Я стала учителем русского языка, зять Володя – физиком, мы пошли по стопам отца. Из его друзей (пятерых) вернулся живым с фронта Михаил Иванович Кузнецов, он закончил институт вместе с моей сестрой Аней. Затем всю жизнь проработал директором 9-ой школы, где мы все учились. Вот такая военная история, тяжёлое лихолетье войны.

НАМ БЫЛО ЖАЛКО ПЛЕННЫХ НЕМЦЕВ

Лилия Сергеевна Гольцева
г. Самара

Мой отец работал начальником политотдела совхоза в селе Пархомовка, Харьковской области. Незадолго до войны мама со мной и братом уехали в Куйбышев. Мы поселились у бабушки в маленькой двухкомнатной квартире, на Арцыбушевской улице. Жилплощадь у бабушки была слишком маленькая для всех проживающих членов семьи. Одну комнату занимала тётя с мужем и дочкой, за печкой ютились бабушка с бабушкой, а в так называемом зале размещались остальные: дядя спал на диване, а мы, вчетвером (ещё у бабушки жила племянница), – на полу, постелив матрас и шубняки. Из-за недостатка места я росла под большим обеденным столом. Бабушка купил мне столик и стульчик, которые хорошо разместились под столом, тётя шила тряпочных куколок, с которыми я играла и очень их любила.

В конце 1939 года мы уехали от бабушки на новое место жительства: улицу Ворошиловскую, ныне Ленинградскую, откуда папу провожали на фронт в 1941 году. Мне было уже 5 лет, и я очень хотела идти на вокзал, но меня почему-то решили не брать и оставили с соседкой. Папа долго со мной прощался, уговаривал, чтобы я не плакала, слушалась и была хорошей девочкой, а он обязательно вернётся домой.

1941 и 1942 годы запомнились тем, что мне всегда хотелось кушать, было холодно, один угол в квартире был покрыт льдом. Я была в квартире почти всегда

одна, так как маму постоянно привлекали к работам на нужды фронта, брат учился в техникуме, и его тоже не было целыми днями дома.

В конце 1941 года в Куйбышев были эвакуированы заводы из Воронежа и Москвы. Заводских работников стали размещать по квартирам на постоянной – уплотнение. К нам поселили двух молодых мужчин, они попались какие-то несознательные, ни с чем не считались. Помню, мама варила какую-то похлёбку, которую называли «затирухой», из мёрзлой картошки, с мукой грубого помола, и оставляла мне на целый день, уходя на работу. А эти мужчины съедали почти всё у меня. Так, постоянно не доедая, я превратилась в дистрофика. Была худящая, с чернотой под глазами, слабела изо дня в день. Мама написала отцу на фронт, на адрес его полевой почты. Не знаю, куда папа обращался, но вскоре их от нас отселили. Оказалось, что вообще в семье, у которых кто-то был на фронте, вселять никого было нельзя.

1942 год для меня был очень тяжёлым, – я постоянно болела, была слабенькая, чуть ли не умирающая, но выжила. Стали получать паёк. В Куйбышев перевели на работу в госпиталь мою тётю и подругу мамы. Они – медики, военнообязанные и их сразу мобилизовали, но потом перевели в Куйбышев, так как у той и другой были дети. Тётя моя стала работать в госпитале, который размещался в одной из школ, а её подруга, тётя Клава, – в госпитале №358, на улице Осипенко, где лежали тяжелораненные.

Раненым давали большие чёрные таблетки из бычьей крови и витамины, для того, чтобы они скорее поправлялись. Не могу судить, как доставала тётя

Клава такие таблетки, но она приносила их и давала мне и своей дочке, с которой я дружила. Таблетки эти были большие, чёрные, солёные на вкус, но полезные. Дочка тёти Клавы не всегда съедала их, так как голодной она не была никогда – у них дедушка работал на молочном заводе, а в военные годы там ещё и выпекали пирожки, которые он имел возможность выписывать для семьи.

Так я окрепла и стала поправляться. Пусть не в полной мере, но что такое – быть голодной, я испытала.

С фронта папа присылал фотографии, смешные открытки, которые вкладывал в письма для меня. В 1944 году я пошла в школу. Записываться в школу я ходила с двумя своими подружками детства. Мы одни, без взрослых, взяв метрики (так тогда называли свидетельства о рождении), пошли в школу.

О трудностях учёбы в школе в военные годы можно много рассказывать – не было в достатке тетрадей, в классах холодно, сидели в пальто и т.д. Вспоминаются часто эпизоды о военнопленных немцах, которых мы впервые увидели недалеко от школы. Их привозили на работу, на стройку дома, на углу улиц Красноармейской и Арцыбушевской. Откуда их привозили и после работы увозили, не знаю, но высаживали немцев неподалеку от нашей школы, на улице Братьев Коростелёвых, где в большом дворе располагались гаражные помещения. Вот туда пленных привозили, а мы иногда видели процесс их высадки из машин, идя в школу.

Не могу объяснить почему, но нам, детям, было очень жалко этих пленных. У них были какие-то жалкие, добрые лица, они так искренне улыбались при виде нас, лепетали какие-то ласково-приветли-

вые слова, играли на губной гармошке. В школе нам ежедневно выдавали булочку с чаем, а второй, сэкономленной, мы угощали этих пленных. Нам было радостно оттого, что мы их угощали, им, наверное, тоже приятно было, так как лица их будто светились радостью от краткого общения с детьми.

День Победы запомнился мне всеобщим ликованием. Почему-то в тот день я была у бабушки на ул. Арцыбушевской. Прибежал дядин друг – завуч школы №81 В.А. Хальдов, с радостными криками о конце войны. Самое интересное, что Хальдов подпрыгнул и начал качаться на дереве, продолжая радоваться. Даже бабушкин пёс Браун не кинулся на него. Все соседи выскочили, начали обниматься, целоваться – ликование!

Папа вернулся домой в конце 1945 года, так как после окончания войны находился ещё в Чехословакии, где располагался эвакогоспиталь 3-й Гвардейской Армии. Встречать папу на вокзале на этот раз не пришлось, он приехал как-то внезапно. Вдруг соседка стучит мне в окно и кричит, что приехал мой папа и выгружается из военного газика, на углу. Я так обрадовалась, выскочила из квартиры, захлопнув дверь, ключи не взяла, раздетая, ничего не помня от радости. Папа долго возился с замком, чтобы открыть его, а потом велел мне собрать всех ребятишек с улицы, с которыми я общалась. Да они и так все сбежались, узнав, что у меня приехал папа. Он дал нам ящик, большую картонную коробку, конфет, которые мы быстро размели. Это были импортные карамельки, фантики – разноцветные, и вкуснее этих карамелек я уже больше ничего не встречала в жизни!

Папа ещё прослужил в армии до 1947 года, а потом уже болезнь не дала ему возможности дальше продолжать службу, и он ушёл в отставку в звании гвардии подполковника, отслужив 30 лет.

ВОЙНА, ЧТО ТЫ НАДЕЛАЛА!

***Тамара Васильевна Донских
г. Сызрань***

Родилась я в 1942 году, в семье рабочих. На войну отца не взяли: он был болен туберкулезом. Работал кузнецом. Когда в 1943 году он умер, мама осталась одна с тремя детьми. Она не работала, жили только за счёт маленького хозяйства. Конечно, коровы-кормилицы у нас не было. Жилось голодно: животы большие, ноги кривые.

Ранние годы я не помню, но со слов матери знаю, что на квартире у нас стояли постояльцы – геологи. Они очень просили отдать им меня. Мама и слушать не хотела, говорила, что, если суждено умереть, – умрём все вместе. Став побольше, помню, что ели всякую траву, дикие лук и чеснок, которые росли по склону горы, к Волге. За счастье считали колбу – спрессованные отруби. Собирали по помойкам рыбы головы. Все, поголовно, были завшивлены, стригли нас наголо, носить было нечего, шили платья тёмные, длинные, на вырост.

В первый класс я пошла в брезентовых тапочках и с тряпочной сумкой. О каком-то веселье мы и не слышали. У всех была одна мечта – поесть досыта. О каких-то пионерских лагерях мы и не знали. Очень

жаль, что и в старости мы не можем съездить на юг, отдохнуть, посмотреть на других.

Всю свою молодость проработала на шахте – рабочий стаж 41 год. Пенсию теперь получаю не самую низкую, но ведь мы практически, как забытые, списанные люди. Есть у нас и трудовые, революционные и военные праздники. Здесь нашей роли, нашего места не видно. Мы не требуем поднять нас до высоты апостолов, но малейшее внимание к детям войны должно быть. Это уже – моральная и материальная сторона общества и государства. Тех, кто заложил фундамент нашего послевоенного развития, надобно не забывать!

МОЁ ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Мария Федоровна Ивушкина
г. Самара

Я тоже из военного детства. Родилась в 1927 году, в деревне Глиновка Елховского района, Заболоцкого сельского совета Куйбышевской области.

Война застала нас далеко от родины, в Узбекистане, в городе Коканде. Папу взяли на фронт, а старшего брата – в армию. Мама работала прачкой в детяслях, а мы с сестрой учились. Ещё был маленький братишка, 1940 года рождения. Хлеб стали давать по карточкам, по 100-150 г на иждивенца, конечно, кроме хлеба, ничего больше не было. Рвали кое-где траву, и мама варила суп без заправок, т.к. этого не было. Всегда хотелось есть. Я думала, что никогда не наемся хлеба. Тяжело об этом думать, говорить, писать, слёзы душат.

По осени мы, школьники, ездили убирать поспевший хлопок на полях (он очень колючий), помогали колхозу.

Закончив 10 классов и получив аттестат зрелости, я уехала домой, на свою родину, т.е. в Куйбышев. Жила у тёти, где, кроме меня, было восемь человек. Спала на полу в домике, обдуваемом со всех сторон ветрами.

Здесь я ходила на хлебозавод №2, что у железнодорожного вокзала, как на работу, убирала всё, что говорили нам (не я одна ходила). За эту работу нам давали по 200 или 300 граммов хлеба. Он был сырой, часто не пропечённый, но какой вкусный был этот маленький кусочек! Когда приехала мама с остальными, я уже работала. Здесь мы сажали картошку за рекой Самарой, по колено в грязи, старались побыстрее, чтобы не высохла земля. Поскольку не хватало подсолнечного масла, мы жарили картошку на воде. Мы так её и называли: «картошка на воде». Питались одной спасительной картошкой. Больше ничего мы не могли купить.

Несмотря ни на что, я закончила курсы машинописи в управлении железной дороги г. Куйбышева, а затем, через какое-то время, – Куйбышевскую юридическую школу. Она мне многое дала. Работала следователем в Тоцком районе Оренбургской области (по направлению прокуратуры СССР). Жила там, когда испытывали атомную бомбу.

Отработав положенный срок, я возвратилась домой, в г. Куйбышев. Работала юрисконсультантом в газовой промышленности в г. Новокуйбышевске, откуда ушла на пенсию. Работая в Тоцком районе, я заочно училась в ВЮЗе в г. Куйбышеве, но госэкзамены мне не пришлось сдавать: сказалось и подвело меня моё здоровье и картошка, жареная на воде.

Теперь я больная, инвалид II группы. Я не ветеран труда. В больницу без посторонней помощи не могу дойти (ноги не идут). Я часто задаю себе вопрос: за что же и за кого мой папа сложил голову и три дяди, и брат?

Но всё-таки, мне кажется с высоты своих прожитых лет, хотя я была голодная, тогда мне было легче, все были ведь живы, и рядом была моя родная мама.

По этому поводу я написала стихи о маме, для себя. Написала я их после войны, и они сохранились до сих пор.

*Не было радости в жизни,
Но виден конец её пути.
Как хотелось бы вернуться
В юность голодную
И снова всё это пройти.
Была юность и хлеба мало,
Эти тяготы, связанные с войной,
Но рядом была моя мама,
И мне легко за её спиной.*

РУССКИЕ СОЛДАТЫ НАС ЖАЛЕЛИ

Валентина Николаевна Козлова (Анненкова)
г. Самара

Родилась я в 1938 году, в семье военнослужащего, под Курском. Летом 1941 г. мы с мамой и сестрой Аллой поехали в Ленинград навестить отца, который там находился на учёбе. С первых дней войны он – на фронте, нам предложили эвакуироваться. Когда мы ехали поездом, попали под бом-

бёжку подо Ржевом. Пришлось покинуть поезд и пробираться лесами в деревню, которая находилась в 100 км от Ржева.

Но в деревне уже были немцы. Маму как жену военного помогли односельчане спрятать. Деревня несколько раз переходила из рук в руки. Когда приходили немцы, нас выгоняли из избы, и

мы сидели в блиндажах. Они ловили кур, всё переворачивали вверх дном. Русские же солдаты нас жалели, угощали чем-нибудь вкусненьким.

Потом пришло известие, что отец в Куйбышеве, и мы поехали туда. Здесь сначала жили в общежитии авиainститута, затем – в Доме сельского хозяйства, на ул. Полевой. Отец работал на «Прогрессе», тогда завод №1. Родных в городе не было, приходилось трудно. Помню, постоянно хотелось есть.

Мы с сестрами посещали Дом пионеров, он находился в Доме сельского хозяйства, научилась танцевать... В 45-м пошла в 1-й класс школы №32, которая тогда была на Полевой, занималась художественной гимнастикой. В 50-м нам выделили две комнаты в квартире у завода «Прогресс». Отец работал на заводе до 65 лет, имел награды.

Я работала в системе образования, самая большая награда для меня – мои ученики, с которыми я общаюсь, встречаюсь.

Сейчас мне больше помнится хорошее – как помогали в годы лихолетья соседи, детская дружба...

НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ ЗАПАХ ХЛЕБА

Валентина Леонидовна Конысова (Большанова)
г. Жигулёвск

Мы жили на Дальнем Востоке, на золотых приисках, когда началась война. Папу с первых дней войны забрали на фронт. Нас в семье было двое, мне было 4 года, сестре 6 лет. Мама работала учительницей, нас одних оставляла дома, закрывала на ключ, т.к. оставлять было не с кем. Давала нам задания и уходила. Мы рано повзрослели. Приходили от отца письма, мама нам читала и рассказывала, что такое война.

Почти всех, кто не работал на золоте, забрали на фронт. Мама по выходным ходила мыть золото. Девиз у всех был один: «Всё для фронта, всё для победы!» Люди трудились, не считаясь со временем. А мы, дети, работали на огородах, ходили в лес за хворостом, ягодами, грибами, благо, тайга этим богата. Старателям давали хлеб, а маме – нет, т.к. она работала учительницей и считалась интеллигенцией.

Мы жили недалеко от магазина, и, когда из пекарни привозили хлеб в магазин, запах был обалденный, я бегала в магазин нюхать хлеб. А булки были белые, пухлые, но хлеб продавали на особые деньги, которые выдавали только старателям. И вот я, нанюхавшись хлеба, возвращалась домой. Мама спрашивала: «Ну что, нанюхалась»? Трудное было наше детство, ни обусть, ни надеть нечего. У нас с сестрой была одна фуфайка на двоих и старые рваные валенки. На улицу ходили по очереди.

На фронте папу сильно ранило, он долго пролежал в госпитале. Выписали его, он приехал домой весь израненный, правая рука совершенно не работала, висела, как плеть. Мы были счастливы, что папа вернулся живой. Но прожил он немного, умер в 53-м году: война сказалась на его здоровье.

БРАКОВАННЫЕ КОРЖИКИ

Надежда Михайловна Котельникова
г. Самара

Шла война. Мне было 3,5 года, а братику – два. Дома мы одни: папа на фронте, мама – на заводе. Мы заперты в просторной светлой комнате, которая находится на 4 этаже большого серого дома на улице Кирова, №5, в городе Пензе.

Мы сидим вдвоём, нам скучно, и я придумываю игру «В доктора». Нахожу тряпицу, типа бинта, и перевязываю брату руку. Но это не то – я ведь «доктор»! И тогда я решаю сделать всё по-настоящему: нахожу лезвие и царапаю брату руку, чуть выше кисти. Появляется капля крови и падает на пол. Я прихожу в ужас от того, что пол грязный – в крови. Начинаю «мыть» пол. Но количество крови всё увеличивается. Тогда я хватаю медный жёлтый таз и подставляю под «раненную» руку брата. Пол спасён, а то, что на дне таза уже лужа крови, меня почему-то не волнует.

К великому счастью, дверь в комнату открывается и входит мама. А дальше: вся в слезах, я кричу диким голосом: «Мамочка, не надо тоненьким ремешком,

возьми широкий». На этом наша свобода и заканчивается. На следующий день я привязана к ножке большого квадратного дубового стола, который застелен клеёнкой. Там, под столом, мой маленький домик и я живу в нём с куклой Катей. Брат привязан в двух метрах от меня к ножке кровати. У него игрушечная пушка, и он с большим удовольствием расстреливает мою куклу Катю. Но нам уже не так скучно: у меня есть одёжная щётка и я всё время «мою» пол в своём домике. У брата несколько карандашей, которые он вставляет в дуло пушки, так стрелять можно бесконечно. Мы довольны, и нам весело.

Я помню всё. Закончилась война, шёл 1946 год. Мы: бабушка, дедушка, мама, папа, я и брат живём на Кубани. Но и на Кубани несладко – голод.

Дедушка работает на ликеро-водочном заводе механиком и зарплату получает патокой. Патока – это чёрная, густая и очень сладкая жидкость. Бабушка из патоки и кукурузной муки делает лепёшки-коржики для продажи. Мы с братом сидим на диване и с вожделием смотрим, как из-под бабушкиных рук появляются коржики. Мы ждём брак, но брака нет. Бабушка укладывает лепёшки в плетёную корзину и идёт на рынок «Новый», который находится недалеко от нашего дома. Мы с братом бежим к воротам и, как два солдата, становимся по обе стороны ворот и ждём бабушку. Вот, наконец, из-за угла появилась знакомая фигура. Бросаемся к ней навстречу, бежим со всех ног с криками: «А брак есть?».

«Есть! Есть!» – отвечает бабуля и даёт нам по половинке коржа. Только потом я узнала, что наша бабушка, Елизавета Михайловна Петрова, специально

не продавала последний коржик, а ломала его и делала брак, чтобы нас накормить.

Вся жизнь – как на ладони. Мне уже 12 лет. Я учусь в школе №36, в городе Краснодаре. За отличную учёбу меня в день рождения пионерской организации делегируют на слёт, который будет проходить в филармонии. Это очень важное и желанное для меня событие, но вот проблема – мне не в чем идти. Слёт – это праздник, и нужна праздничная пионерская форма, которой у меня нет. И тут приходит неожиданное спасение. Весь двор, а это 8 квартир по улице Янковского, 6, тоже озабочен, не меньше меня. И мне несут: тётя Мила – изумительную крепдешиновую синюю юбку, которая сидит на мне идеально, тётя Шура из 4-ой квартиры приносит кремовую блузку с вышитыми манжетами и воротником, тётя Аня из 8-ой квартиры приносит в подарок новые белые носочки с голубой полоской на резинке. Галстук у меня свой – не шёлковый, а сатиновый, у которого концы постоянно закручиваются в трубочки. Крахмалю галстук и две белые атласные ленты. Осталось решить вопрос с обувкой, так как, к моему большому огорчению, из предложенного соседями ничего не подошло. Но тут выход найден, и я крашу свои парусиновые спортсменки густо разведённым зубным порошком, которые, высохнув, делаются ослепительно белыми. Но когда я выхожу, то при каждом шаге зубной порошок осыпается. Целый квартал по улице, где я прошла, был усыпан моими следами. Но радости моей не было предела. Я была счастлива, я верила в людей, верила в светлое будущее.

УЧИЛАСЬ Я В РАЗНЫХ ШКОЛАХ

Валентина Алексеевна Кудряшова
г. Жигулевск

В годы войны наша семья жила в посёлке Жигулевск (ныне – город Жигулевск). За автовокзалом были расположены три улицы: Нагорная, Краевая, Рабочая. Впоследствии дома, расположенные на этих улицах, были снесены, т.к. строилась гидроэлектростанция. В школу я ходила в село Отважное. Между селом и нашим посёлком располагалось колхозное поле, сеяли пшеницу. Ходить приходилось далеко. Жили мы плохо, ни одеть, ни поесть вдоволь – ничего не было. Дом был покрыт соломой, во время дождей внутри дома ставили ведра, тазы, корыта. Весной, когда разливался ручей, я в школу не ходила: не было сапог.

Папа наш в 1942 году погиб на Волховском фронте, была похоронка. Нам с братом (1941 г.р.) платили пособие в сумме 20 рублей. Мама не работала, так как нас было трое. Старший брат, 1929 года рождения, в 1942 г. оставил школу и пошёл работать учеником электрика на нефтепромысел в Яблоневый овраг. Ходил пешком через лес вместе с двоюродным братом. Старшая сестра училась в военно-медицинской академии. В 1942 году стала работать в нашем посёлке врачом.

Чтобы не умереть с голоду, в поле сажали много картошки, до 20 соток. Со своего огорода собирали огурцы, помидоры, капусту, солили. В лес ходили за грибами и орехами.

В апреле 1945 года наш дом подожгли. К этому

времени у нас уже была досчатая крыша. После пожара остались только стены. Пришлось всё начинать заново, сэкономили, чтобы восстановить дом.

Училась я в разных школах. 2 класса закончила в Отважном. Затем, до 7 класса, училась в бараке на ул. Приволжской. В 1952 г. была построена школа на улице Пионерской, где я и закончила 10 классов.

Все детские годы я очень хорошо помню. На новогодних вечерах нам не давали подарков, их просто не было. Один раз, правда, дали по одному печеню. Мы были очень рады. Ещё помню, как мы ходили за хлебом. Утром записывались, а хлеб привозили только в обед. Булку купишь, а пока идёшь домой, все края обгрызёшь – так хотелось есть.

НЕМЦЫ ДЕНЬ И НОЧЬ БОМБИЛИ ВОЛГУ

***Елена Петровна Логачёва
г. Самара***

В 1937 г. всей семьей мы переехали жить в город Сталинград, вернее – в посёлок Красная Слобода, расположенный напротив г. Сталинграда, где был судоремонтный завод. Папу оформили работать первым помощником механика на небольшое судно «Ласточка», а затем – механиком на баркас №17 сталинградского участка пути.

Вскоре с речных судов стали призывать на фронт мужчин, независимо от возраста, и на баркасе стало не хватать команды. Тогда на работу начали принимать и несовершеннолетних: Вера, которой не было 17 лет,

работала матросом; Володя в 14 лет – помощником механика; Юра в 13 лет был маслёнщиком. Мама тоже работала на реке матросом-кочегаром. Здесь работали и здесь же жили, так как мужчин забрали в армию.

Несмотря на то, что папа и капитан имели бронь, их все равно вызывали в военкомат. Папа каждый раз возвращался домой, а капитанов забирали в армию. На судно присылали других капитанов, рулевых и их жён. Всего команда была из 12 человек. Чем было хорошо работать на водных судах в те годы? Так тем, что существовал закон в СССР – у водников был «колпит» – коллективное питание, бесплатное, двухразовое. Это хорошая поддержка!

Наш баркас работал, когда немец уже подошёл к Сталинграду. Участок пути разбомбили, многих забрали в армию, плавучки (т.е. плавучие магазины), которые встречали суда и снабжали продуктами, газетами, книгами и т.п., не стали ходить, т.к. немцы летали и день, и ночь, бомбили Волгу! Бросали мины, бомбили город, который практически лежал в руинах. Немец в 4-х местах вышел к Волге, бомбил любые суда: лодки, моторки, баркасики, как наш и ему подобные. Старались уничтожить строившиеся мосты и переправы через Волгу, которые наш баркас тоже обслуживал.

Мы обслуживали и бакенщиков. Тогда ведь не было

самоходных катеров, все на вёслах, а им надо было запоминать, где немец скинул мину. Бакенщики обязаны были выезжать к этому месту и ставить знак «Мина».

Помню, как с наступлением ночи, многие суда, в т.ч. и наш баркас, выбирали место около высоких крутых яров и вставали на ночь: почти гасили котёл, таскали ветки и укрывали судно, т.е. маскировали. Часов в 11 вечера, женщины и дети, а также мои братья сходили на берег и уходили в лес прятаться. Только папа всегда нас предупреждал далеко в лес не углубляться, т.к. там тоже было небезопасно. По лесу много шаталось всякого люда, в том числе – и дезертиры. Некоторые подавали сигналы для фашистов, куда надо сбрасывать бомбы.

Помнится, что немец разбомбил большой наш пароход «Осетия», который шёл в г. Сталинград с подмогой: везли солдат, лошадей, боеприпасы и многое другое. Первый раз бомба попала в рулевую рубку.

Пароход не смог сняться с якоря и продолжал стоять на том же месте. А вскоре ещё налетели самолёты и добили судно. Утром к нам на баркас пришёл военный и приказал команде идти собирать раненых и везти их в госпиталь. А мама и брат Володя не могли видеть кровь: они тут же упали в обморок.

Однажды под яром стоял пароход «Архимед». Когда наш баркас тоже встал на ночёвку, мы пошли в

лес. А утром узнали, что половина команды этого парохода погибла.

В другой раз, когда мы прятались в лесу, несколько человек из команды решили перебежать лужайку, чтобы попасть в лес погуще. И в этот момент в небе показался самолёт, который стрелял какими-то пулями, которые летели с зонтиками, раскрывались и становилось светло, как днём. Сестра Вера в это время потерялась, мы её искали, но безуспешно. Утром она нас сама нашла: вышла к Волге и увидела баркас. Мы все очень обрадовались. Но у неё произошёл нервный шок. Она несколько дней не могла говорить: у неё была парализована левая щека и рот. Фельдшер немного полечила её, но наша сестра-красавица так и осталась с изъяном.

Когда бомбило, я очень и очень боялась, но не плакала, а только всё время просила маму: «Мама, ты пизжи (т.е. прижми) меня крепко-крепко! Если убьёт, то нас обеих». Это я хорошо помню, но не понимала тогда, что это будет конец жизни!

Уже в г. Куйбышеве я закончила семилетнюю школу. Училась хорошо, особенно по математике, физике и русскому языку. Потом курсы машинописи, в 1954 г. После окончания 10 классов вечерней школы хотела поступить в педагогический институт на учителя химии, но не решилась.

За мою справедливую и честную работу в 1960 г. меня избрали секретарём Комитета ВЛКСМ Куйбышевского УВД, хотя я не стремилась попасть на эту должность, ибо я по натуре – не орёл! Но была заводилой хороших дел: поднимала дисциплину, боролась за ребят, направляя их энергию в нужное русло – всегда первая, боевая!

ЧУДОМ ОСТАЛАСЬ ЖИВА

*Лидия Афанасьевна Микрюкова
г. Жигулевск*

Родилась я 22 марта 1937 года, в городе Омске. В 1940 г. родители переехали в Краснодарский край. По настоянию врачей, маме рекомендовали сменить суровый сибирский климат, на южный. А 22 июня 1941 года началась война. Мне на тот момент ещё не было и 4-х лет. Моего отца, Афанасия Васильевича Герасимова, и старшего брата, Александра Афанасьевича, призвали на борьбу с врагом. Попали они на передовую. От брата не было никаких известий. Отец присылал редкие письма с войны. В 1944 году от него получили последнее письмо, и больше никаких известий с войны от брата и отца не было. Судьба их неизвестна.

Краснодар был захвачен немцами. Детей партиями вывозили в Германию. Я чудом осталась жива. Прибежала соседка и сообщила, что детей забирают. Ну, мама меня спрятала под койку и луком засыпала. Так я осталась с мамой. Дом наш разбомбили, корову, поросёнка и кур немцы забрали. Нас поселили местные власти в бараке. Топить нечем. Бывало, я ходила, собирала дудки от подсолнухов, этим протапливали. Собирали мёрзлую картошку и этим питались.

В школу я пошла в 8 лет. Портфеля не было, мама сшила сумку из тряпочки. Писали на газетах, между печатными строчками. Потом мы с мамой переехали в Пермскую область, в город Кизел. Там мама устрои-

лась работать на шахту. А я в 1955 году вышла замуж, и мы уехали по комсомольскому призыву на целину, в Казахстан. Там у нас родились трое детей. Построили дом. Вырастили детей, они разъехались. А в 1998 году в Казахстане ввели в качестве основного казахский язык. Стали русских притеснять. Пришлось за бесценок продать дом и уехать в Жигулёвск. Муж умер в 2012 г. Прожили с Михаилом Ивановичем 58 лет.

Я ОЧЕНЬ БЫСТРО ПОВЗРОСЛЕЛА

Маргарита Александровна Мусатова

В воскресный день 22 июня 1941 года наша семья поехала на мехзавод, в гости к дяде. Радио мы в тот день не включали. Там мы отправились в лес, где решили отметить день рождения его сына. Через некоторое время пришла нянечка из больницы, где дядя работал врачом, и сообщила, что началась война и что дядю срочно вызывают в больницу. Так мы узнали о начале войны. Запомнилась такая деталь. Мама сказала, что пойдёт в магазин кое-что прикупить. Я обрадовалась: «Сейчас принесёт что-то вкусенькое и сладенькое». Но каково было моё удивление, когда мама принесла соль в пачках, несколько кусков хозяйственного мыла, много коробков спичек и килограмм топлёного масла, на сколько хватило денег. Мама пережила гражданскую войну и знала, что эти вещи первой необходимости будут стоить на чёрном рынке баснословных денег. Постаралась обеспечить семью хотя бы на первое время.

Маму как медика мобилизовали сразу и направили в Серноводский совхоз Сергиевского района Куйбышевской области, где открыли госпиталь для раненых. Я поехала с ней. Разместили нас на квартире у местных жителей, выделив комнату в 12 кв. м, где мы жили вчетвером: с нами жила ещё врач госпиталя с дочкой. Училась я в местной школе. Учителей не хватало: математику вёл у нас бывший лётчик с ампутированной ногой, немецкий язык преподавала эвакуированная латышка. Начиная с 5 класса, мы изучали военное дело: умели собирать и разбирать винтовку, стрелять из неё, бросать гранаты и рыть окопы. Школа была с печным отоплением. Из-за нехватки мужчин, в лес на заготовку дров ездили старшеклассники, младшие пилили и кололи дрова, печи топили тоже мы сами. Класс разделили на группы по 3-4 человека, и мы по очереди дежурили ночью, отапливая класс, чтобы с утра было тепло и можно было вести уроки.

Мы, «госпитальные дети», давали концерты для раненых. Встречали они нас очень радостно, видимо, мы напоминали им родной дом. Летом нас обязывали собирать земляничные листья, которые сдавали в госпитальную аптеку, где их сушили, а потом готовили витаминный чай для раненых.

Так как мы жили в домах, принадлежавших совхозу, то нас привлекали на сезонную работу: прополку и уборку урожая. Мама была целыми днями в госпитале, и в поле приходилось работать мне. Помню, как поставили нас на прополку картофеля. Поле большое, заросшее травой. Жара нестерпимая. Я не повязала голову платком и не взяла с собой воды. Мотыга по-

палась тяжёлая и тупая. Дали норму 6 соток, а мне 12 лет, навыка в крестьянской работе – никакого, старалась тянуться за старшими женщинами. Прополола половину нормы и потеряла сознание. Очнулась оттого, что подошедшие женщины смачивали мне лицо и голову водой. Дали мне косынку, я немного отлежалась и пошла дорабатывать норму. Стимулом в работе было то, что за выполнение нормы выдавали 800 граммов хлеба, да ещё пшеничного. Зато с какой гордостью я несла этот честно заработанный хлеб домой.

Живя в совхозе, я научилась всем видам деревенского труда. Печку в комнате мы топили сами, необходимо было заранее заготавливать дрова. Я с совхозными ребятами стала ходить в лес за хворостом. Узнала, что молодые кленовые побеги съедобны, они очень вкусные и полезные. Мы искали с ребятами дикий щавель, лук и паслён, собирали грибы и лесные ягоды, которые были большим подспорьем в еде. Ребята научили меня правильно увязывать вязанки дров, укладывать их на загорбок и нести. В день я делала 2-3 ходки. Научилась колоть дрова. Приятно было видеть, как растёт моя поленница дров.

Весной 1942 года нам выделили участок земли под огород, обработка которого легла на мои плечи. За водой ходили в колонку, за 500 метров от дома, сил было мало, носили в бидончиках по несколько раз. Кроме картошки, свеклы и тыквы, мы сеяли ещё про-

со. К осени я научилась жать траву, вдвоём с помощницей сжали и просо. Дальше надо было молотить. Это было для меня новым делом. Одна из совхозных женщин принесла два цепа, мы утрамбовали огромный круг земли, расстелили брезент, положили на него снопы и молотили по кругу цепями. Работа не из лёгких. Зерно ссыпали в мешки и отвезли на мельницу, у нас получилось чистое пшено. Мама из него сварила пшённую кашу с репчатым луком и подсолнечным маслом, мне казалось, что нет ничего вкуснее. Меня распирала гордость, что эту кашу вырастила я.

Осенью, когда поспевал картофель, совхоз привлекал на помощь работников, и опять, вместо мамы, шла я. Здесь была личная заинтересованность. Совхоз платил за работу урожаем: 9 вёдер выкопанного картофеля – государству, десятое – работнику на зиму.

Вот так я провела в совхозе три военных года. За это время я очень быстро повзрослела, шагнув из беспечного городского детства во взрослую жизнь, научилась делать взрослую работу, не хныкать, быть терпимой и выносливой, все жили и боролись во имя Победы.

СТАЛИНГРАДСКИЙ ДНЕВНИК

*Светлана Григорьевна Новикова
г. Тольятти*

В июле 1942 года началась Сталинградская битва. Сражаясь день и ночь, не щадя своей жизни, бойцы Красной Армии отстаивали каждую пядь земли и не позволяли фашистам сходу прорваться к Сталинграду, несмотря

на их превосходство в силах в 1,5-2 раза. Всё население города, во главе с коммунистами, встало на защиту Сталинграда. Был создан корпус народного ополчения, переоборудованы на военный лад промышленные предприятия, что позволило утроить выпуск танков, артиллерийских миномётов, боеприпасов и бронекатеров, возведены четыре линии оборонительных сооружений вокруг города.

Когда Гитлер объявил о генеральном наступлении на Сталинград и наши войска стали отступать к р. Волге, Ставкой Верховного Главнокомандования было принято решение переправить 13 гвардейскую стрелковую дивизию генерала А.И. Родимцева в Сталинград, а из-под Москвы – снять 159-й укрепрайон и 12 артбатальонов, чтобы приостановить натиск немцев. Руководили всем наступательным ходом Сталинградской битвы маршал Г.К. Жуков и генералы А.М. Василевский и Н.Н. Воронов.

В составе 159-ого укрепрайона, переброшенного из Московской зоны обороны, был мой отец, старший лейтенант Григорий Васильевич Васильченко – начальник штаба 348-го отдельного пулемётно-артиллерийского батальона (ОПАБ).

Вот запись из дневника боевых действий 348 ОПАБ: *«Противник ведёт артиллерийский и миномётный обстрел о. Спорный, мешая высадиться на берег, чтобы занять оборону».*

Ночью, под шквальным огнём противника, батальон выполняет задачу и занимает восточную часть оврага Долгий.

Запись из дневника боевых действий моего отца:
«20 декабря 1942 года: Огнём всех средств – первой и второй рот батальона – поддерживать действия

наступающих частей 129-й стрелковой дивизии. Оборонять третьей и четвёртой ротами железнодорожный мост у северо-западной окраины первой Полотняной улицы и в дальнейшем выйти к оврагу Банный и занять восточную часть высоты 102 (Мамаев курган), где организовать узел связи.

7 января 1943 года: Противник вёл артиллерийский и миномётный огонь по переднему краю и атаковал четвёртую роту. Атака была отбита, потерь не видно – темно.

23.00 часа – Противник ведёт миномётный огонь из шестиствольного миномёта по КП (командному пункту) батальона. Выпустил 50 мин, потерь нет.

14 января 1943 года: 2.00 часа – Противник ведёт миномётный огонь. Ранено 3 человека, убит сержант Померанцев.

15 января 1943 года в 8 утра – Противник пошёл в атаку. Убито 2 человека, ранены 13 человек, контужен командир взвода Королёв.

16 января 1943 года: 9.30 – На участке четвёртой роты идёт бой. Противник ведёт непрерывный огонь по всей линии обороны батальона, начал атаку на третью и четвёртую роты. Атака была отбита.

13.00 – Артиллерия и миномёты ведут огонь по огневым точкам противника, помогая наступлению 284-й дивизии. Пошли в наступление, успеха не имели.

19 января 1943 года: Начался артиллерийский и миномётный обстрел. Погибли 3 красноармейца из первой роты: Изотов, Тамм, сержант Томилин.

11.30 – Нашей артиллерией подавлены 6-ти ствольный миномёт и часть прислуги, дзот противника в районе высоты 102, восточнее баков – 150 метров. Атака вместе с 1043 полком не увенчалась успехом.

23 января 1943 года: Противник атаковал первую роту. Атака отбита, а четвёртая и третья роты заняли квартал домов западнее ул. Лесной и Каширской.

30 января 1943 года: На участках второй, третьей и четвёртой рот, по оврагу Банный в районе тира, бойцы пошли в наступление на Мамаев курган. Есть потери и раненые. Совместно с 284 дивизией перешли в наступление по ул. Казачьей. Здесь же вела бой 138 дивизия. Пришлось окопаться, была вызвана авиация, которая обработала передний край противника, и противник начал отступление.

1 февраля 1943 года: 348 ОПАБ – вышел на заданный рубеж – восточный склон Мамаева кургана (102 высота). Организовываем пункт связи. За время боёв погибло 257 человек, из них четыре средних командира и два офицера.

6 февраля 1943 года: 348 ОПАБ вместе со 159-Ур сосредоточились в районе хутора Бобровский и в 20.00 часов получили приказ передислоцироваться в Московскую зону обороны.

Подписи: Командир 348 ОПАБ – майор Ткачук, Начальник штаба – ст. лейтенант Г.В. Васильченко».

Эту реликвию наша семья хранила 60 лет, а потом передала в музей Московского военного округа, оставив дома копию. Я часто перелистываю дневник, и перед моим мысленным взором встаёт, как живой, образ моего любимого отца, который от Москвы и Сталинграда дошёл до Кёнигсберга. В своём дневнике, несколькими словами, без каких-либо комментариев, он скромно описал сражение, военные тяготы и тревоги Сталинградской битвы.

Нам, детям, он говорил о великой победе на Вол-

ге, которая перевернула весь ход Второй Мировой войны.

Это был подвиг, равного которому не знала история, где слились воедино величайшее мужество командования, красноармейцев и самоотверженность тружеников тыла. Был подавлен моральный дух фашистов. Более одной четвёртой части войск и техники вермахта разгромлены нашей армией. Начался коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны.

Хотя прошло более 70 лет со дня Победы под Сталинградом, все последующие поколения молодёжи воспитывались на подвиге сталинградцев, чтили и чтят их мужество, восхищаются их безмерным героизмом.

Мы, дети фронтовиков, уверены, что наши дети и последующие поколения сохранят в памяти их подвиг, будут учиться у них мужеству, стойкости и любви к Родине.

У КАЖДОГО БЫЛА СВОЯ ДОЛЯ

Майя Александровна Панова
г. Самара

Я не пережила, как другие дети, страхи: оккупация, концлагеря и прочие ужасы. У каждого была своя доля. Но годы войны навсегда в моей памяти. Папа воевал с первого до последнего дня. Мама работала на швейной фабрике в Куйбышеве. С началом войны фабрика перестроилась на пошив обмундирования для бойцов Красной Армии.

Когда в город начали прибывать поезда с оборудо-

ванием эвакуированных заводов, работниц фабрики посылали на разгрузку вагонов. Из дома выходили в четыре часа утра, чтобы к семи быть на станции Безымянка. Люди шли пешком, т.к. трамвай ходил только до клинической больницы. Начались холода, но работницы фабрики были обеспечены бурками и рукавицами, сшитыми из шинельного сукна. В такое трудное время администрация фабрики проявила заботу о своих людях.

Летом 1942 года, когда немцы были на подступах к Сталинграду, мама собрала и приготовила вещи к эвакуации. Все вещи были вынесены из дома ворами. Наша семья – бабушка, мама, папина сестра – 14 летний подросток, и

я – остались в летних одеждах. Тогда администрация фабрики незамедлительно приняла решение сшить нам всем пальто из шинельного сукна: к осени – демисезонные, к зиме – тёплые. Мы долго с благодарностью вспоминали наших спасителей.

В то суровое время никто не считался с трудностями. Я ходила с бабушкой в военкомат, на углу улиц Некрасовской и Галактионовской, где получали простреленные и окровавленные гимнастёрки и брюки, для стирки и ремонта. Дома в сенях всегда стояли копыта и тазы, где замачивалась эта одежда. Вода была красная от крови. После стирки и штопки мы относили одежду обратно, где получали другую партию. Эта работа проводилась после 12-часового трудового дня.

До сих пор помню День Победы. Я училась в первом классе. Обычно ходила в школу с друзьями-старшеклассниками, а тут вышла на улицу – никого нет. Ночью прошёл дождь. По дороге, вымощенной булыжником, шла компания: две женщины и мужчина. Одна из женщин, в белых чулках, держала в руках туфли и всё старалась шлёпнуть ногой по луже: так ей было весело. Другая же – плакала. Уже тогда, детским умом, я поняла, что у неё было большое горе: кого-то из близких она больше не увидит.

Люди нашего поколения по праву считаются детьми войны. Мы, наравне со взрослыми, пережили все ужасы военного времени. С горечью отмечаю, что представители нынешней власти не проявляют должного внимания и уважения к нам. Пусть помнят, что если нет закона о детях войны, то есть закон бумеранга.

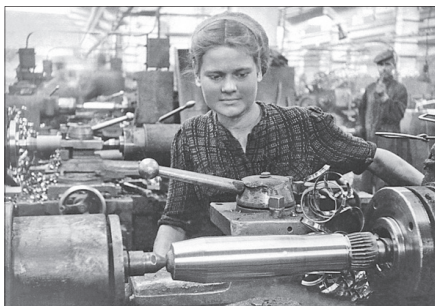
ВСЁ – ДЛЯ ФРОНТА, ВСЁ – ДЛЯ ПОБЕДЫ!

***Зоя Николаевна Параскун
г. Самара***

Мне было 13 лет, когда началась война, и находилась я в пионерском лагере на 7-й просеке. Чтобы забрать меня, приехала мама, едем мы с ней в трамвае, все плачут. Я спросила: «Мама, а почему тёти плачут?». Она мне ответила, что началась война. В сентябре я собралась идти в школу, нас не пускают, т.к. 26 школа на ул. Обороны занята эвакуированными. Нас переводят в школу №1, а она тоже не работает – подготавливают её под госпиталь. Переводят в

школу №31 на ул. Революционной, немного поучились – её закрывают, т.к. большинство учителей ушли на фронт. В очередной раз переводят в школу на пересечении улиц Венцека и Чапаевской. Школа была

очень переполненной, т.к. в неё ходили ученики из трёх школ, учились в несколько смен. Моя подружка устроилась работать в цех приборных подшипников (ЦПП) на ул. Обороны и позвала меня туда. Мы с мамой пришли в отдел кадров. Вызвали начальника ОТК М.И. Куновского. Мама спросила: «Возьмёшь мою дочку на работу?». Он на меня посмотрел и с юмором ответил: «Как же такую красавицу не взять? – Возьму!» и повёл меня в цех на участок. Корпус был двухэтажным и очень грязным. Так началась моя трудовая жизнь.

8 сентября 1942 года я закончила 6 классов и стала работать. В цехе у нас был комиссар Саша Саврасов, чудо-человек. Глядя на него и на других ребят, я подала заявление и вступила в комсомол. Работали все дружно, организовали уборку цеха, стало очень удобно и красиво. Мы работали по 12 часов, без выходных, девиз был один: «Всё – для фронта, всё – для победы!». Организовали фронтовую бригаду и стали по очереди дежурить в госпитале: ухаживали за ранеными, читали им книги, писали письма домой, кормили тех, у кого ранения были в руки.

Нас посылали работать на колхозные поля, на уборку картофеля, за работу давали мешок картошки на бригаду. Варили её в столовой и ели на работе, и начальники цехов вместе с нами, а если кто растительного масла принесёт – вообще вкуснота.

В цехе развивали художественную самодеятельность. Был кружок, руководила которым Александра Суворова, солисткой была Валя Аристова. Мы с кружком самодеятельности очень часто ездили в госпиталь с концертами. Потом меня перевели в новый корпус. В одном и том же цехе я проработала: на сборке и профоргом – до ухода на заслуженный отдых.

Несмотря на свои большие годы, чувствую себя ещё молодой, продолжаю вести общественную работу, участвую в работе совета ветеранов 4 ГПЗ, являюсь старшей по дому. Считаю, что лиц, проработавших на 4 ГПЗ более 50 лет, необходимо награждать медалью «За доблестный труд», т.к. все мы это заслужили.

СЕДЯ ПРЯДЬ

*Нина Филипповна Подлесная
г. Самара*

Война прошла по моей семье не прямо, но очень близко. Мне было в 1941-м 3,5 года, мы жили в Смоленске, который был захвачен фашистами. Папа – на фронте, мама со мной, старшим и младшим братьями и бабушкой решила выбираться из оккупации, долгое время мы скитались по деревням, кто где приютит. Однажды наткнулись на партизан и остались жить в

партизанской землянке, позже были эвакуированы в Новосибирск.

На какой-то небольшой станции нас прямо-таки воткнули в проходящий мимо эшелон, забитый беженцами. Поезд бомбили, мы выпрыгивали и прятались в кустах и канавах. Было очень страшно.

В Новосибирске поселили нас в подвале с земляным полом: плита, топчан и полати. Мама устроилась работать в столовую, ей предлагали старшего сына отдать в Суворовское училище, а младшего – в детдом. Но мама сказала, что это её дети и она нас никуда не отдаст. Очень хорошо помню, что самым вкусным лакомством были картофельные лепёшки из очисток, что маме давали в столовой.

Как освободили Смоленск, мы вернулись на родину, застав страшную картину разрушений. Нам выделили комнату в доме, в который попала бомба. Если встать на кровать, можно было заглянуть в соседнюю семью, за перегородку. Жили дружно. В развалинах у детишек был «штаб». Потом дали нам отдельную комнату в полуподвале, в окно были видны только ноги прохожих. Отсюда я пошла в школу – она находилась в километре. Уроки делала на плите, на старом солдатском одеяле. Иногда на середину комнаты выскакивали крысы, я в них кидала палки, приготовленные для топки. Бабушка очень выручала нас и в Сибири, и в Смоленске: ходила просить милостыню – это спасало от голода.

Мама упала в обморок, получив в 44-м похоронку на папу, ей было всего 28 лет... Она рыдала. Мне было очень страшно – мама рассказывала, что у меня на макушке появилась тогда седая прядь. Мама

больше замуж не вышла – вырастила нас всех, все получили образование. Сама шила всё на нас. Где брала силы – трудно представить.

ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ – ВОЙНА, ДЛЯ ДЕТЕЙ – ВОЙНУШКА

***Юрий Николаевич Подшивалов
г. Жигулёвск***

В детской памяти остались отрывки воспоминаний военных лет. Хорошо помню, как перед уходом на фронт, в 1942 году, отца отпустили на побывку с семьёй на один вечер. Отец, лёжа на кровати, подбрасывал меня вверх. Мне было весело и смешно, я не сознавал, что он из моей жизни уходит навсегда.

Мы с матерью жили в далёком сибирском городке Иланский. Мать работала или, вернее сказать, служила в военном госпитале врачом-хирургом.

Помню, как с санитарных поездов привозили тяжело раненных бойцов и переносили их на носилках в палаты госпиталя. Детских садов тогда не было, и всё мое воспитание проходило в палатах с ранеными, санитарками и медсёстрами. Я тогда удивлялся, почему это у дядей нет руки или ноги, а иногда и двух? После страшных боёв «дядечки», как я тогда их называл, очень тянулись к детям. Я со своей

непосредственностью играл с ними, пел детским тенорком какие-то песни. Они очень радовались моему приходу, гладили по голове и совали кусочки сахара. Главный врач и мама запрещали мне ходить по палатам, а раненые приглашали, и мне было неудобно отказать.

Была одна палата, где, очевидно, лежали тяжело больные, оттуда иногда раздавались громкие стоны. И, несмотря на запрет, моё любопытство привело меня в эту палату. Я раненых чем-то рассмешил, спел военные частушки, и на лицах раненых появились улыбки. После этого случая главврач разрешил мне туда заходить, но только вместе с медицинской сестрой. Сейчас, по прошествии многих лет, я понимаю, что именно моя детская непосредственность уменьшала их физическую и моральную боль.

Все военные годы мы, дети, чувствовали напряжённость взрослых, видели страдания людей и горе в домах, куда приходили «похоронки». Но всё же мы оставались детьми и нам, несмотря на заботы по дому и огороду, очень хотелось играть.

Зимой мы катались на лыжах и санках, которые делали сами. Летом играли в лапту, жмурки, догонялки и др. Была и ещё одна детская игра, у нас она называлась «войнушкой». Когда мы играли в неё, то разделялись, по очереди, на две группы, одна – фашисты, другая – наши. Играли

и мальчишки, и девчонки с двух-трёх улиц. Ружья и пистолеты делали тоже сами, изготавливая их из деревянных палок и досок. Никому не хотелось быть фашистами, их даже немцами мы тогда не называли, всё понимали, что именно из-за фашистов столько страданий в стране.

Шли тяжёлые военные годы. И вот, однажды весной, мама пришла с работы с заплаканными глазами, как бывало и ранее. Я уже понимал, что кто-то умер из раненых, но её лицо было очень радостным. Она меня обняла и стала целовать, и сказала, сквозь слёзы: «Конец войне!».

Глава 2

ПОДВИГ СОВЕТСКОЙ ДЕРЕВНИ

Почти четыре года продолжались кровопролитные сражения. На войне был свой враг – немецко-фашистские захватчики, а в тылу свой – голод и холод. В деревнях и сёлах оставшиеся без мужей, сыновей и отцов женщины, старики и дети обрабатывали поля и растили хлеб. Это был адский труд. Подростки наравне со взрослыми выполняли и перевыполняли норму на колхозных полях, недоедали и недосыпали. Весь хлеб отправляли на фронт.

*Чуть приоттаяла земля,
Мы брали в руки по лукошку
И шли гурьбою на поля,
Искали мёрзлую картошку.
Всё ж по весне в лапту играли
На первых маленьких проталах,*

*За что нас матери ругали,
Ведь нам других забот хватало.
Мы в десять лет дрова пилили,
В двенадцать лет косцами были,
В тринадцать лес уже валили,
В пятнадцать трактора водили.
И матери на нас пахали,
Запрягши в соху со слезами.
Нас подгоняя, понукали,
А сами плакали ночами.
Мы похоронки получали,
И матери навзрыд кричали
И все надеялись, и ждали,
Когда ж придёт конец печали?
Мы взрослым помогать старались,
И, оставаясь без обеда,
Одно мы ясно понимали,
Что всё для фронта, для победы!
Нельзя же забывать такое,
Что боль в душе наводит,
О, люди! Можно ль жить в покое,
Коль тень войны над миром ходит!?*
В.И. Легков

СЕМЬЯ ДЕТЕЙ ВОЙНЫ

*Аверин Виктор Александрович
г. Сызрань*

Родился я 4 февраля 1938 года. В настоящее время проживаю со своей женой в п. Ново-Кашпирский. Являюсь инвалидом 1 группы, сам писать не могу, за меня пишут люди. Хочу рассказать о своём трудном детстве. Отец у меня погиб на фронте. Мать осталась с тремя детьми – мал мала меньше. Жили мы в с. Семёновка Куйбышевской области. Ранее относились к Рудницкому колхозу. Мать была неграмотная. Пенсию за погибшего отца нам в те времена не выплачивали, как и всей деревне. Невозможно описать, как мы голодали: возле дома съели всю лебеду. Мама несколько раз опухала от голода.

Работать я начал с 10 лет, с братом летом пасли скот, зимой возили солому и сено, вывозили навоз. Потом, в 1954 году, пошёл работать водителем прицепа и учился на тракториста в с. Рамено Сызранского района. Работал трактористом. И все эти годы мы голодали. На улицу зимой не ходили: надеть было нечего. Очень тяжело всё это вспоминать, особенно – как маленькими, от голода, ели лебеду, а после у нас болели животы. Много умерло тех, кто наелся колосков. Вот так тяжело жили. И нам, детям военных и послевоенных лет, очень обидно, что нас забыли, обидно за всё!

У моей жены, Любви Николаевны, тоже было несчастливое детство. Родилась она в декабре 1941 года. Её мать, Татьяна Евсеевна Кривенкова, бежала от нем-

цев со Смоленщины с тремя детьми. Самого младшего, годовалого, похоронили дорогой, в г. Горьком. Добрались они до Куйбышева, поселились в Приволжском районе, с. Хотомля, после переселения называется с. Заволжье. Страдать она начала ещё в утробе матери, когда та голодала и металась по чужим «углам» без вещей и одежды. Когда Люба родилась, хозяйка квартиры выгнала семью из дома. Добрые люди приютили. Её отец, Николай Иванович Грузицкий, вернулся с войны без правой руки, поэтому ему в деревне было тяжело. Свой домишко купили, лишь когда Люба пошла в школу.

Мы, дети войны, выросли все больные, т.к. ели только траву, щавель, который возили на корм свиньям. Очень страдали, но выжили. Во всём виновата проклятая война.

МАТЬ ШИЛА ШТАНЫ ИЗ МЕШКОВИНЫ

***Геннадий Михайлович Архиреев
с. Надеждино, Кошкинский район***

Мы ничего не видели в нашем детстве. Во время войны даже хлеба не было досыта, а то и не было совсем, не то, чтобы дать нам печенье или конфетку. Когда я закончил 7 классов, пошёл работать в колхоз. Носить было нечего, так мать мешковину разрезала и шила штаны, а не брюки. Это была единственная наша одёжка – будничная и праздничная.

Работали и днём, и ночью, пахали и сеяли, пасли скот и убирали урожай.

Пахали огороды на себе, по 10-12 человек. В де-

ревнях собирали картошку весной в поле – гнилую, у заборов – крапиву, лебеду, клевер. Ладно ещё, когда начинали поспевать стручки, орехи и кое-какие ягоды в лесу. Тут мы наедались разной зелени, потому что дома есть нечего, а ночью мать начинала нас отхаживать, было плохо – в животе-то одна зелень. Вот так мы выживали.

И что вы думаете, когда я пошёл на пенсию, так те годы даже не засчитали в трудовой стаж. В пенсионном отделе сказали, что нас никто работать не заставлял. Написал письмо с запросом в колхоз. Мне ответили, что архивы не сохранились, да и как могло что-то сохраниться, если у бригадира был один истрёпанный блокнот. Ведь в ту пору в колхозах не было ничего, мы в школу ходили – чернила из сажи делали, а писали на книгах и газетах.

Отработали в колхозе по 50-60 лет, получали трудовые, как говорится, палочки пустые, а теперь получаем мизерную пенсию. Нужны были, когда работали.

ТЯЖЁЛОЕ ДЕТСТВО И НЕЛЁГКАЯ СТАРОСТЬ

Александр Иванович Баутин

Прежде, чем написать свои воспоминания, долго думал и сравнивал я разные периоды своей жизни. Не знаю, сколько мне осталось жить на этом свете, но все-таки хочу, чтобы молодые люди знали, как их отцы, деды, мамы и бабушки периода военных лет жили, работали и учились.

Мой рассказ будет не научным, но в нём есть соль жизни. Умный человек поймет это. Родился я 19 марта 1934 года в посёлке Кашпир-Рудник г. Сызрани, в семье рабочего. Отец мой был плотником в стройуправлении посёлка, а мать – разнорабочей в этой же организации. В семье было пятеро детей, отсюда понятно, что семья не отличалась достатком.

До школы в семье всегда была атмосфера уважения к старшим и помощи младшим. Первый урок труда, помнится мне, я получил при посадке картофеля весной 1940 года, бросая семена в лунки. Мы, дети, о начале войны узнали только от старших, т.к. в посёлке радио не было. Отца взяли на фронт холодной зимой 1942 года. Старший брат ушёл добровольцем в военное лётное училище. Оставшиеся дома испытывали и холод, и голод. Осенью и зимой 1942-1943 годов учащиеся, с 5 по 10 классы, с Волги, на себе, вручную или

волоком, таскали дрова для отопления школы и дома. Жизнь в посёлке круто изменилась – шёл поток эвакуированных из западных областей. Построили новую шахту. Цена и значение сланца сильно возросли. Летом баржами сланец возили

по Волге в Саратов, Ульяновск, Горький, Куйбышев. В школе детей стало много, особенно в первом классе. В одном классе сидели дети разных национальностей, с разным уровнем подготовки.

Не хватало учебников. Например, учебник по мате-

матике был на украинском языке. Что можно было понять без помощи переводчика? Каждый день ученикам выдавали по кусочку ржаного хлеба. Великой радостью для детей были подарки к Новому году. Всю войну, и до отмены карточной системы, голод и недоедание ощущались круглосуточно.

Однажды, летом 1944 года, нас вывезли для выборочной уборки зелёных налитых стручков гороха. Дети сколько-то поели, но и собрали прилично. Лозунг был тогда: «Всё – для фронта, всё – для победы!» Наконец, пришёл день Победы! Утро было тёплое, солнечное. Мать в это время работала «техничкой» в школе ФЗО. Отца ещё выхаживали в госпитале после тяжёлого ранения под Сталинградом, в феврале 1943 года. После трёх лет лечения получил инвалидность первой группы. Тяжко было матери и нам вокруг неё. Все пообносились, пообветшало. Мать последние пожитки обменяла на продукты для семьи.

Наконец, отец вернулся из госпиталя, но ему надо было лечиться да лечиться. Отец научил меня читать газетные материалы, и, особенно, – о Нюрнбергском процессе.

Радость победы была омрачена свирепой засухой 1946 года – не только суррогатного хлеба, но и картошки было крайне мало. Так закончился для меня период войны. Последствия его продолжают в самой разнообразной, даже трагической, форме, чаще всего – в виде антирусской, антисоветской и антикоммунистической пропаганды. Для многих моих знакомых и родных, одноклассников период войны, к сожалению, безвременно закончился. Живущим остаётся одна слабая надежда. Хочется увидеть своими глазами послевоенный

трудовой подвиг нашего поколения. Но возраст этого поколения уже – от семидесяти и за восемьдесят лет. Некоторые спрашивают: «А что вы хотите в этом возрасте»? Да, пенсия маленькая, особо не наездишься.

А Я РОСТОМ МАЛЕНЬКАЯ...

Екатерина Михайловна Белавина
г. Самара

До войны мы жили с родителями в пос. Буревестник Богатовского района. Дедушка на лето плёл лапти колхозникам – таких крепких нигде в районе не было: не пропускали воду. Мы, дети, рано начали работать – помогали на прополке моркови и свеклы, были на всех работах, наравне со взрослыми в военные годы... Ездили убирать на быках и на лошадях. Я ростом маленькая, а бык мне достался самый большой и капризный. Он и сейчас в памяти перед глазами...

В 42-м папа погиб под Ржевом, мама умерла в том же году, а через год – и дед. Работали на сенокосе. Клади снопы в уборочную, по 12 часов, в 2 смены. Зимой ездили на станцию – откапывать рельсы, ведь были очень снежные зимы, а поезда шли с продовольствием и солдатами. К посевной готовились: перебирали овёс, чтобы выбрать из него овсюг, а он плохо отличается, но старались, чтобы ни один овсюг не попал.

Мы с сестрой, 1926 года рождения, зимой возили на санках дрова из леса, летом – на тележке. По снегу собирали свеклу и возили в Тимашево. Работали

с песнями в перерывах, у нас в посёлке женщины очень хорошо пели!

Пережили голод и холод. Ели траву всякую, лузгу, отходы от проса, а чтобы не разваривалось, мешали с варёным коневником. Жмых – это был деликатес!

После войны меня взяли в школу фабрично-заводского обучения (ФЗО), отработала на карбюраторном заводе (ныне им. Тарасова) 37 лет.

На братской могиле у папы побывали на 30 и 40 лет Победы. В колхозе есть обелиск всем погибшим, когда предоставляется возможность – навещаем в День Победы.

Извините, если что не так написала, учиться не пришлось – 5 классов образования. Доброго всем здоровья и успехов в вашем труде!

РОДОМ Я ИЗ СИБИРИ

Юрий Дмитриевич Беспятов

Моя родина – село Лариха, Ишимского района Тюменской области. Я появился на свет 14 марта 1935 года. Мама, Вера Ивановна, работала поселковой медсестрой. В стужу, в слякоть ходила по вызову к больным. Приходила домой поздно, иногда оставалась дежурить и ухаживать за больными.

Мы с братом Володей (1938 г.) оставались одни дома, приглядывала за нами соседка, тётя Таня. Её сын Иван (ему было 20 лет) играл с нами, заботился о нас. Сосед Иван погиб в первый день войны, их эшелон разбомбили. Пришла похоронка, тётя Таня

рыдала, соседи плакали, мы с братом тоже плакали. Этого я не забуду до самого конца жизни.

Мама тяжело заболела, попала в больницу, нас с братом отправили в детский дом №204, в г. Ишим Тюменской области, в 30 км от Ларихи. В 1942 г. я пошёл в первый класс. Помню директора детского дома Анастасию Ивановну, воспитательницу Прасковью Борисовну Полякову. Жили мы по 6 человек в комнате. Помню друга с Украины – Сашу Евдокимова, Ивана Панченко, цыгана. Потом его разыскали и увезли в табор.

Со всех городов и республик привозили к нам детей. Жили дружно. Детям давали рыбий жир, чтобы не болели. После завтрака мы ходили на поля, собирали колоски, работали до 12 часов. После работы нас кормили обедом. Потом мы спали, был дневной отдых. Всю войну я пробыл в детдоме. Мама после выздоровления работала здесь же медсестрой, нам дали при детдоме маленькую комнату. В четвёртом классе ходил в Дом пионеров, в кружок рисования.

В 16 лет я пошёл работать на обувную фабрику, в три смены. Работа в третью смену начиналась в 24 часа. Однажды проспал на работу, опоздал на 20 минут. Меня разбирали на собрании, было очень стыдно. Потом я завербовался на лесоповал в Красноярский край и поехал. Работал разнорабочим, закончил школу ФЗО. Получил специальность шофера, работал в Красноярском крае, рабочий посёлок Зырянка. Был призван в ряды Советской Армии, служил в Германии 3 года, в автомобильном батальоне. Вернулся в родной Ишим, работал шофёром, учился в вечерней школе. По семейным обстоятельствам в 1960 году судьба забросила меня в г. Куйбышев, который стал для меня малой родиной.

ДЕТИ ВОЙНЫ БОРОЛИСЬ ЗА ПОБЕДУ

Раис Тагирович Биглов
г. Сызрань

Родился я 10 ноября 1936 года в деревне Старо-Абзаново, того же сельского Совета, Благоварского района, Башкирской АССР, в семье колхозника. Отец работал бригадиром тракторной бригады в колхозе, мать была депутатом и секретарём сельского Совета. Мама имела 7 классов образования и закончила курсы редакционно-издательской работы. Читала, писала русским, латинским шрифтом и арабской вязью.

Отца взяли на фронт в октябре 1942 года, а мы остались вдвоём с матерью. Деревня состояла из 200 дворов, и вскоре после начала войны осталась почти без мужского населения. Мать стала работать заведующей фермой, где имелось 20 коров, около 70 овец, и к нам привезли ещё 15 свиней. Мы находились в 35 км от райцентра, видимо, поэтому за молоком к нам не приезжали. Молочные продукты колхоз распределял между трактористками, пожилыми колхозниками, что, безусловно, обогащало пищевой рацион людей. До сих пор чувствую вкус котлеты из мёрзлой картошки с простоквашей.

До 1943 года я ходил с матерью на ферму, помогал ей, чем мог. Помню, среди свиней был один очень большой хряк, доярки его называли «Иваном». Этот хряк постоянно подходил ко мне и хрюкал. Потом я постепенно стал садиться на него верхом, и он меня на лугу таскал часами на себе. Взрослые люди с удивлением смотрели на нас.

В годы войны в деревню приходили солдатские письма. Но, к сожалению, грамотных женщин, умеющих читать и писать было немного. Многие шли к моей матери, чтобы прочла и написала ответ. Бывало, создавалась очередь из 15-20 женщин. Мама, чтобы я не затерялся, сажала меня рядом. Много видел слёз женских – радостных и горьких, узнававших вести от мужей. Сидя возле неё, научился читать слова, написанные кириллицей и латинским шрифтом. До поступления в первый класс я уже по слогам читал районную газету «Сталинский путь», короткие рассказы, написанные латинским шрифтом. Арабскую вязь вскоре забыл, т.к. было не до учёбы, нужно было помогать колхозу. Многие из моих друзей уже работали. И меня бригадир – одорукий дядя Садык, определил водовозом к двум тракторам. Задача заключалась в том, чтобы тракторные баки, которые стояли на полях в 3-4 км от озера, наполнять водой. Когда в озере наполнишь бочку водой, все четыре колеса садятся в ил. Худощавая кобыла старается что есть силы, тянет, кое-как вытащит.

Когда выходили учиться в школу, все начальные классы направляли на прополку озимых от сорняков. Я помню, что от частых наклонов, у меня порою шла кровь из носа.

А в 1945-1947 годах мы уже как настоящие колхозники складывали стога хлеба, сена. Вели учёт, сколько в стоге снопов, и точно определяли, сколько получится тонн хлеба. Бригадиры охотно принимали в сводку наши расчёты.

Когда мне было неполных 13 лет, я уже работал у отца помощником комбайнера. До конца жизни

благодарен ему, что научил меня любить металл и работать с ним. И впоследствии, когда служил авиационным специалистом в армии, я часто вспоминал наставления отца.

*Мы в это лето повзрослели,
Мы, это детское звено,
До белых мух мы в поле жили,
Возили сено и зерно.*

Хочется сказать, что в те далекие детские годы, когда мы всей школой выходили собирать колоски на полях (а это самая отвратительная работа, т.к. у нас руки были исцарапаны до крови), велись такие разговоры: «Скоро победим Гитлера, говорят, что он побежал домой», «Из Сибири прислали танки, и наши отцы на этих танках дадут жару фашистам». Пессимистически настроенных ребят среди нас не было. Да, мы не видели пионерских лагерей, детских санаториев. У нас год состоял из двух половин: май-август – работа дома и в колхозе, а с сентября по май – учёба в школе. Поэтому я с малых лет до сегодняшних дней знаю, что такое труд. И мы, дети войны, своим трудом боролись за Победу.

ГДЕ ЖЕ ПОХОРОНЕНЫ НАШИ ОТЦЫ?

Василий Васильевич Борисов

Родился я 1 января 1942 года в с. Крестьянка Татышлинского района Башкирской АССР. Это был са-

мый трудный период для всего советского народа. Фашистов только что отогнали от стен Москвы.

Нам, военным парнишкам, тоже досталась нелёгкая доля. Уже в 7 лет, как я помню, приходилось работать в колхозе, наравне со взрослыми. В конце сороковых годов мы, пацаны, были на подвозе копен сена к омётам, что метали взрослые.

Потом, позднее, на сенокосе мы клали копны на берёзовые волокуши, подвозили мешки с зерном к посевным агрегатам на севе озимых. Для полива овощей и плодовых деревьев подвозили воду из речки в 40-ведёрных бочках, на расстояние до 800 метров. Сначала их надо было залить полностью, стоя в воде, а потом слить в ёмкость, из которой женщины ведрами поливали капусту, морковь, свёклу, а также садово-ягодные растения. Чтобы заработать один трудодень, надо было привезти ровно 20 бочек, а это в детские годы было нелегко.

Так мы помогали восстанавливать хозяйство после войны.

Молодые годы я провёл в Башкирии – учёба в школе и техникуме, а вот с 1963 года и по настоящее время, это уже более полувека – живу в Самарской области. До ухода на пенсию получил государственные награды: в 1973 году – Бронзовая медаль ВДНХ, в 1988 году получил звание «Ветеран труда», от имени Президиума Верховного Совета СССР.

В 1988 году, в честь 50-летия ОАО «Волгабурмаш», награждён Почётной грамотой. За весь период работы их у меня десятки: за добросовестный труд во благо Земли Самарской.

И все годы нас с женой не покидал вопрос, а где же

погибли и похоронены наши отцы (с женой я прожил более 50 лет – в 2013 году отметили золотую свадьбу).

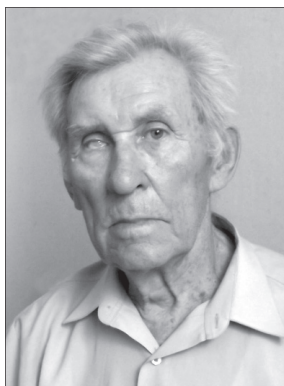
Мои настойчивые поиски увенчались успехом. Со всем незнакомые мне люди в Башкирии выслали копии документов с указанием места гибели отца – Василия Ивановича Борисова. Это Смоленская область, Думиничский район, д. Гретня. Теперь – Думиничский район Калужской области. Это, по уточнённым данным, из ответов губернаторов Смоленской и Калужской областей в 2010-2013 гг. А вот где похоронен отец жены – Василий Иванович Золотарёв, 1914 года рождения, неизвестно. В «Книге памяти» сказано, что он погиб в марте 1943 года – и всё.

ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Михаил Фёдорович Верёвкин
г. Самара

Для большинства детей и подростков детство закончилось 22 июня 1941 года... Тогда как-то сразу 8-и, 10-летние дети стали взрослыми, не говоря уже о старших.

В 1941 году наша семья, состоявшая из 6 человек, жила в селе Кинель-Черкассы Куйбышевской области. Мама и папа были заняты сельским трудом и домашними делами, а самый старший наш брат служил на Тихом океане, в Военно-Морском Флоте.

Старший из братьев работал в городе Чапаевске, средний только что окончил 9 классов и, как каждый сельский мальчик, уже работал в колхозе. А меня с младшим братом, рождения 1930 года, на всё лето отправили работать в поле. Кто были постарше, работали на лошадях, вместо ушедших на фронт мужчин, а младшие – на прополке, ворошили сено, зерно, носили в поле воду. Девочкам было доверено ухаживать за грудными детьми, с которыми мамы вынуждены были выходить на полевые работы.

За школьные парты садились только после окончания полевого сезона. И так было всю войну! Мы учились и работали, а порой даже работали, не учась. Нужно было помогать фронту! Иного нам было не дано.

Если взрослые всю глубину трагедии осознали в первый же день войны, то дети, конечно, это поняли несколько позже. Сельские дети и так-то, по сравнению с городскими, реальнее понимают жизнь, заботы по домашнему хозяйству, а в войну – тем более! Спрос с нас, детей 10-15 лет, был в те годы по полной программе. За прогул или за опоздание на работу могли судить, убежавших с работы разыскивали и наказывали по всей строгости закона, как дезертиров с трудового фронта!

Вспоминаешь, и не верится, что всё это было! Пережили, умудрялись учиться, работать и жить...

И вот, наконец, наступил долгожданный день Победы!

Я к тому времени был уже «взрослый», «опытный», восемнадцатилетний «специалист» сельского хозяйства, ветеринарный фельдшер Кабановского ветеринарного участка, который обслуживал восемь(!) кол-

хозов. Узнал я об окончании войны от хозяйки, рано утром, а ей эту радостную весть объявили телефонистки железнодорожной станции Кабановка, вблизи которой и располагались наш ветеринарный участок и жилой дом, в котором мы жили. Пулей выскочив во двор, начал запрягать лошадь по кличке «Зайчик», которую так называли за её светло-серый окрас. Я во весь дух мчал в телеге, размахивая кнутом, безжалостно подхлестывая лошадь, и кричал: «Война окончилась! Победа!» На мой крик из домов выходили люди. Услышав весть, тут же бежали в свои дома, чтобы донести до домочадцев долгожданную радость. А я мчался на своём «Зайчике», кричал до хрипоты, размахивая кнутом. Какое это было счастье – сообщить измученным войной людям такую замечательную весть: «По-бе-да-а-а»!!!

Когда я возвращался вечером домой, после выполненной работы по прививке телят, я увидел множество ликующих людей, столы, стоящие на улице, где людям так хотелось всем вместе отметить этот замечательный день... А невдалеке, за выгоном, стояли несколько групп женщин, которые, обнявшись, громко голоса и причитая, плакали, рыдали во весь голос... То было страшное горе тех, чьи женихи и мужья уже никогда не вернуться с этой проклятой войны...

...Через тридцать лет после этого дня я проезжал по служебной необходимости по той же улице. Домов стало намного меньше, пустырей и бесхозных полей больше. Я, увидев пожилую женщину, спросил:

«Скажите, пожалуйста, а как же вы тут узнали об окончании войны, ведь тогда в селе и радио-то не было?».

«Мне сказали соседи, что какой-то молодой па-

рень, верхом на белом коне, мчался по селу и, размахивая красным флагом, с криком «Победа! Война кончилась!», принёс им такую замечательную весть».

Так я совершенно нежданно-негаданно попал в легенду, потому что потом ещё трое-пятеро сельчан рассказывали так же. А почему в легенду? Я ведь ехал не на белом коне, а в телеге! И не конь это был совсем, а серая лошадь, и размахивал я не красным флагом, а потрепанным кнутом! Вот в чём были правы информаторы – человек был молодым. И кричал во всё горло: «Победа! Война кончилась!» Это было чистойшей правдой!

Этим молодым человеком был я! Но с высоты своих лет я не стал сельчан разочаровывать, хотя очень хотелось...

Пусть живёт такая красивая легенда.

И В ВОЙНУ МЫ УЧИЛИСЬ

Вера Алексеевна Воротникова
г. Жигулёвск

Война 1941-1945 гг. многим моим, и не только моим, сверстникам сократила детство. В декабре забирают отца на войну. Дома остались шестеро детей.

Для старших детей детство кончилось, а было ли оно? В школу ходить не в чем. Неполная средняя школа (НСШ – 7 классов) находилась в селе «9 января» Оренбургской области, в пяти километрах от совхоза. Ориентиром зимой в степи были вешки, но, всё равно, порой от вешки до вешки было трудно дойти, и мы могли заблудиться. В 1943 году в первый

класс пошагала с другими детьми и я, 8-летняя Вера Рыбьянова. Что мне запомнилось – ёлка в школе и подарок в склеенном пакетике – пирожки с горохом. Пекли пирожки бабушки детей, которые жили в этом селе. А ещё в школе всё-таки следили за гигиеной детей. Часто проверяли головы на вшивость. Кое-кого стригли наголо.

Старшие сёстры пошли работать, а брата Ивана, 1925 года рождения, забрали на войну, чуть позже отца. Отец и брат погибли, отцу был 41 год, а брату не было и 20 лет, погиб 28.03.1945 г., в Германии. Ищу место захоронения. Отца нашла.

В сельской местности жизнь во время войны проходила без детства. Тому пример – моя сестра Екатерина, 1927 года рождения. Трудовая книжка у неё появилась в 14 лет, с 1 апреля 1941 года. Можно представить сегодняшнего ребёнка этого возраста поваром в полеводческой бригаде? Вся работа: от посева, сенокоса – до обмолота зерновых, легла на плечи женщин, пожилых людей и подростков. Если бы знали современные дети, каково бежать рано утром по пашне босиком – обуви-то не было: колко, зябко после сна. Осенью, после сбора зерновых, собирали колоски, из них приспособились делать крупу. Вскоре 7-ми, 8-леток и старше стали привлекать на прополку совхозных огородов и картофельных полей. Война кончилась, но детский труд в сёлах, с ранней весны до поздней осени, применялся ещё долгие годы.

Напротив совхоза был военный аэродром. После войны, когда появились более скоростные самолёты, аэродром расширили. Наш совхоз препятствовал увеличению взлётной полосы. И совхоз перенесли,

на 15 км глубже в степь. Рабочих совхоза разместили в палатках. В это время строились бараки, где нашей семье потом дали угловую комнату площадью 12 кв. м.

В 1946 году в одном из домов была открыта начальная школа (с одной классной комнатой и одним учителем). Работала она в две смены: 1-й и 3-й классы – с утра, 2-й и 4-й – с обеда. Учитель – один на две смены – Николай Степанович, участник войны, инвалид. В ней я проучилась 1 год. Начали в ней заниматься со второй четверти, а до этого мы классную комнату мазали глиной с соломой, а потом заравнивали – глиной с конским навозом, чтобы не было трещин (иногда несколько раз). Потом белили. Так вот, дом сделан из самана, глина сохнет долго, от тепла голландки на стенах, потолке прорастали злаки. Всю эту работу делали родители и учитель, а глину месили мы, ножками, вместо игры в лапту. Приближалась зима. Радости от этого угла науки не было конца.

В 1947-1950 г. перешла я в школу села Пугачи, за 15 км. На трёхлетнем школьном пути было всё: тамбур или подножка вагона пригородного поезда, тормозная площадка товарного поезда и попытки прыгать с неё на ходу. Ходили чаще пешком из школы, особенно девчонки. В школе в те времена не было даже буфета, и мамы давали четвертинку молока и чего-нибудь ещё, например, лепёшку.

Зимой жили на съёмных квартирах. Мы жили втроем: родной брат Виктор, двоюродный брат Леонид, 1938 г.р., и я. Спали за голландкой на нарах, поворачивались с бока на бок, по команде. Вот уж – в тесноте, да не в обиде!

После 7-го класса, в 1950 году, поступила в Орен-

бургский физкультурный техникум. Данные для поступления были, да и стипендия – 185 рублей и 30 рублей квартирных. В других техникумах – всего 140 рублей. Хлеб в магазинах отыскивала самый чёрствый, тогда его продавали весовым. Положенный в какой-либо приварок он становился свежим. На Новый год на площади ставили киоски, где продавали маленькие белые булочки, они стоили 1,15 руб., а чуть больше – 2 руб. 30 копеек. В магазинах их было ещё не найти.

Это были 1950-1954 гг., т.е. первые годы после войны.

В каникулы я всегда работала с тётёй, Еленой Илларионовной. Мы клали голландские печи (месила глиняный раствор и подавала кирпичи). На конных граблях сгребали сено, копнили, я работала даже на соломокопнителе комбайна. Возили хлеб от комбайна на ток, а с него – на элеватор. На ручной веялке, пожалуй, была самая тяжёлая работа для подростка по тем временам. Засыпка зерна в веялку – ведрами, пудовками, надо ещё крутить веялку. Возила на быках и разгружала с бахчей арбузы. Научилась запрягать лошаадь.

Сколько платили за работу, не помню, но однажды получила 300 руб., и 40 руб. добавила мама. Я купила голубое кашемировое платье (а самым лучшим нарядом в те годы были ситцевые и сатиновые платья), в котором, в 1954 году, приехала на работу по направлению, в г. Жигулевск, учителем физвоспитания. Начала трудовой отсчёт в школе №8. В 1963 году окончила Смоленский институт физической культуры и спорта, по квалификации – преподаватель физической культуры. В 1972 году окончила Куйбышевский

педагогический институт им. В.В. Куйбышева, по специальности биология и химия.

В 1999 году ушла на пенсию. В трудовой книжке, начатой 15.08.1954 г., записано: назначить преподавателем физического воспитания. Далее, если меняла школы, то запись гласит – переводом. Понятно, переводом с улицы не берут. В настоящее время активно занимаюсь общественной работой.

НЕ ПОВТОРИСЬ, УБИЙЦА-ВОЙНА!

Михаил Степанович Дегтярёв

Накануне Великой Отечественной войны моя семья возвратилась на родину, в Казахстан, после долгих скитаний. Не успели ещё обжиться, как началась война. Отца призвали на фронт в январе 1942 года. Отвоевав два года, домой он не вернулся. Имел семь ранений и контузию. Мы после его ранений каждый раз ждали возвращения отца, но напрасно. Он был снайпером, а такие воины нужны были фронту. Погиб он геройски 19 февраля 1944 года, в Белоруссии. Остались мы: нетрудоспособная мама (после инсульта), я – 1935 года рождения, сестра, 1938 года, и братишка – 1942.

Первый год войны мы ещё как-то пережили, что называется, на старых припасах, а уже с лета 1942 г. настал настоящий голод. Мама работать не могла, а я был ещё мал. Лебеда, крапива, щавель и другие съедобные травы нас спасли от голодной смерти. Была у нас корова – наша кормилица, но во время дойки

уже стоял инспектор, и то молоко, что надоила мама, нужно было сдать на молокозавод, а взамен получить три литра обрата. На чём мы и существовали. С восторгом ждали осень. Она нас выручала. Был, хотя плохой, но урожай картошки, да что там ещё вырастет на необработанной почве. Вкус хлеба забыли напрочь.

В возрасте девяти лет я уже работал в колхозе. Вначале нас сажали верхом на быков – это называлось «погонщики». При вспашке паров мы должны были следить, чтобы быки держали борозду. А за плугом стояла женщина. Когда начиналась косьба сена, нас сажали на конные грабли, мы сгребали сено. А так как я не мог запрягать лошадь, это делали за меня женщины. Благо то, что, работая в поле, мы получали сено, на что и содержали корову.

Осенью мама пыталась собирать колоски. Но это ей удавалось с трудом. Она приходила, всего лишь с двумя горстями пшеницы, уставшая, истерзанная, ноги все были в крови.

В 1951 г. пришёл с фронта старший брат. Мы переехали в Магнитогорск, где я, в возрасте 16 лет, пошёл работать на цементный завод. Так я содержал свою семью: брата, пока женил, помогал сестре, всю оставшуюся жизнь прожила со мной мама. И теперь, когда идут войны, погибают безвинные дети, мне хочется плакать.

Похоронен отец в Белоруссии: Гомельская область, Светлогорский район, дер. Дуброва, на городском кладбище. По словам местных жителей, там захоронены останки полутора тысяч воинов. Могилу мы посещали семьей. Встретили нас белорусы очень

хорошо. Как хочется, чтобы такая дружба сохранилась на века и убийца-война не повторилась никогда.

ПОСВЯЩЕНИЕ ОТЦУ

*Он шёл по полям, что горели.
Он шёл, невзирая на стужи,
Портянки пропитаны потом, не грели.
Мороз не жалел, проникая снаружи.
Но он воевал, как и должен солдат.
Воюет, Отчизну свою защищая,
Он шёл по крохам, но вперёд,
Тот мирный клочок оставляя.*

*Он шёл по болотам, рюкзак на спине,
От ига народ защищая,
О мире мечтал и о счастье вдвойне,
Детишек своих вспоминая.*

*Он там и остался, в далёкой глуши,
Где мир воцарился в округе.
Лежит теперь молча, в вечной тиши,
Солдат охраняет ту память о друге.*

*В Дуброве ту память люди хранят,
Старушки им молвят – простите, родные.
Да, вспомнив о друге, присядет солдат,
Да дети поплакать приедут с России.*

*Уже нет тех болот и выпь улетела,
Их други давно осушили,
И только бы память о мёртвых жила,
Да дети детей привозили к могиле.*

ЖИЗНЬ ШЛА СВОИМ ЧЕРЕДОМ

Мария Яковлевна Деревенцева

Родилась я в 1930 году в с. Черновка, Сергиевского района Куйбышевской области, в большой многодетной семье: 6 человек детей. Досталось мне всего сполна, так как в 7 лет я осталась сиротой. Мама умерла при родах 6-го ребенка. Новорожденный ребёнок умер, прожив 3 месяца. Папа встретил чудесную женщину, которая пришла к нам в дом на такую «ораву» детей. Потом от новой мамы родился в 1939 году 6-й человечек – сестрёнка, и опять нас стало шестеро. Жизнь идёт своим чередом, всё хорошо. Дети – кто уже работал, кто учился.

И вдруг – война! Папа ушёл на фронт в сентябре 1941 года. Какое горе было для нас, для всего советского народа, особенно – для наших мамочек. Жили мы, как все люди. Мама работала в колхозе на разных работах, а мы – дети, кто уже работал в колхозе, кто учился. Одну из сестёр – Анну, призвали из военкомата под Москву – рыть окопы. Я сидела с малюткой-сестрой и успевала бегать в школу, благо, она от нашего дома была недалеко. Закончила 7 классов круглой отличницей. В последующие военные годы становилось жить труднее. По веснам на полях собирали колоски. Варили кашу из свёклы, пекли лепёшки и т.д. Но потом в некоторых семьях стали умирать дети из-за этих колосков. Мама запретила нам их собирать.

Писать о жизни в военные годы можно много. Закончилась война. Выжили. Папа вернулся с войны. Он служил в обозе. Подвозили боеприпасы на передовую.

Бывало, немцы, на бреющем полёте, обстреливали обозы, убивали лошадей, солдат. Когда, после обстрела обоза, солдаты подходили к лошадям, они плакали, слёзы лились у них из глаз.

Я окончила 7 классов. У нас в деревне была семилетняя школа, учиться дальше не было возможности. Учиться мы начинали с октября, т.к. в сентябре работали на полях. У нас в войну засеивали поля маком, а мы ходили на поля собирать с мака «опий» для госпиталей – лекарства для раненых. В 1946 г., в мае, нас, одиннадцать девчонок, собрали и отправили в ФЗО №17 города Куйбышева. По окончании надо было отработать 4 года на 9-м подшипниковом заводе. Специальность моя была – шлифовщица четвёртого разряда. Пишут, что на заводах дети работали на станках, подставляя ящики под ноги. Вот и я – так же, подставляя под ноги ящики. Работала на огромных станках. Начальником был – Анатолий Иванович Мерлин, слесарем у нас был Яша – фамилию забыла. Станки частенько ломались. Однажды у меня станок встал, я хотела наладить сама и рукой попала под ремни, станок находился под напряжением, и мне чуть-чуть не оторвало руку. Довольно долго пролежала в больнице, всё залечили. Отработала на заводе 4 года.

Ещё скажу, что мы во время войны работали на току, где обрабатывали привезённое с полей зерно. Женщины работали на веялках, а мы носили провезенный хлеб, т.е. рожь, пшеницу в амбары в огромных, непосильных мешках.

После войны 35 лет проработала в Куйбышеве, в системе «Профтехобразования». Работала заведую-

щей библиотекой в ремесленном училище №17. Позже его переименовали в ГПТУ-25. У нас в училище были ребята со всех республик страны, разных национальностей. Готовили по профессиям: слесарей, электриков и др. Ушла на пенсию в возрасте 56 лет. Я ветеран труда, член организации «Дети – фронту», имею много благодарностей за добросовестный труд и активную общественную работу.

ТВОРИТЕ ДОБРО!

Валентина Ивановна Елисова

Когда начинаешь вспоминать свои детские годы, у всех на языке была только война. Сейчас приходит одно желание, чтобы дети наши и вообще люди не видели ужасов войны. Хотя на нас не падали бомбы, но ведь каждый день кто-то из женщин, а в те годы в каждой семье было 3-5 детей, получал с фронта похоронку. Как это вместить в одну грудь? Дедушки, бабушки в квартире падают по углам с бессмысленными глазами, дети, кто постарше, понимают, что такое похоронка – рёв детский, без остановки...

Родилась я в 1939 году в селе Рудницкое. Жили мы там до 1940 года. Отца моего призвали на финскую войну, а после финской он не возвратился домой. Против немецких фашистов начал воевать с первого дня. Мать работала на месте отца в пожарной команде. А мы, все младшие дети, – возле бабушки. Матери и остальные внуки работали, кто где. После работы все они копали окопы, говорили, что

враг рвётся к Сталинграду. Все семьи, кто ещё мог ходить, обихаживали огороды, почти единственный источник жизни – картошка! Следить за огородами было нашей обязанностью. А зимой как создать тепло? Для этого все ребята,

девочки готовили хворост и сланец. Ходили на гору. А хлеб, всем известно, только по карточкам. На зиму на сладкое сушили фрукты и ловили рыбу. Это рассказать только легко: осенью и зимой не во что одеться, обуться. Во многих многодетных семьях ботинки, пальтишко или фуфайку дети на улице надевали по очереди.

На наше счастье, отец вернулся здоровым. Только начали жить более спокойно, засуха 1946 года неожиданно вернула нас к военным годам. Ели травы, мерзлую картошку. Тут уж государство не дало нам умереть с голоду. Да и старость нам досталась не радостная. Мы в детские годы не могли даже мечтать о лагерях отдыха, да и в старости не суждено нам испытать прелести домов отдыха, санаториев и курортов. А вот каждый день считать рубли и копейки в кармане, чтобы покупать хлеб и молоко, видно, суждено нам до конца жизни.

Дорогие мои! Жизнь приходит только однажды. Творите добро и уважение к людям, особенно старшего поколения. Ведь мы вынесли много лишений и голода ради будущего. Да и государству не мешало бы проявить большее внимание, оказав хотя бы скромную материальную помощь детям войны.

НАМ НЕ НАДО ВОЙНЫ

Анатолий Яковлевич Ерин
г. Сызрань

Все своё детство и юность прожил я в Сибири, в Омской области в Оконешниковском районе, деревня Мариновка. Жили вдвоём с мамой, которая постоянно болела. Отца, Якова Семёновича Ерина, призвали в армию, на переподготовку, в 1939 году. Приехал он домой в 1940 году, ненадолго. Когда началась война, его сразу же, в июне 1941 г., отправили на фронт, а в июле мой отец – красноармеец, 1913 года рождения, уже погиб, т.е. пропал без вести, как было указано в похоронке. Где он погиб и похоронен, неизвестно. Он меня никогда не видел, и о нем я знаю только из воспоминаний своей матери, Марии Антоновны, как и о том, что у меня были ещё две родные сестрички, рождённые до войны, которые умерли в это тяжёлое время.

В Сибири, в связи с холодными климатическими условиями, жизнь намного сложнее, а тогда, в тяжёлые военные и послевоенные годы, – и подавно. Лето короткое, а сделать надо было очень много за это время. Работали в колхозе в послевоенные годы все, кто был в состоянии хотя бы передвигаться, в том числе – старики и мы, дети войны. Летом мы собирали разную траву, для приготовления чая и постных щей, из свекольной ботвы и лебеды, ловили сусликов, шкуры

которых сдавали заготовителю – тряпичнику за деньги. Некоторые даже ели самых крупных сусликов. И, конечно же, как и все сельские жители, работали на огородах: пололи картошку, носили из колонки воду для полива овощей. Ходили в лес для заготовки хвороста и дров, собирали грибы и ягоды. Из собранных подберёзовиков, опят, белянок, черники, клубники и другого лесного урожая делали заготовки: мариновали, мочили, сушили. В апреле лазили на деревья в птичьи гнёзда за яйцами сорок, ворон и копчиков, а иногда, когда было свободное время, сразу же в лесу жарили их на костре. Все дети понимали, что собранное летом очень пригодится их семьям в длинную и суровую зиму.

А зимы были очень снежными и холодными: пока идёшь до школы, через деревню, чернила в чернильнице замерзают, температура опускалась ниже 45-градусов. Сидишь вечером в доме, а в трубе метель завывает. Двери во всех домах открывались внутрь помещения, и лопата всегда стояла рядом, т.к. за ночь могло выпасть столько снега, что наружу дверь уже не открывалась. Домики были маленькие, иногда и по крышу заметало. Открываешь утром дверь – и давай откапываться. Большинство односельчан жили в мазанках, где были земляные полы. Так их называли, хотя они были сделаны из глины, которую настилали на землю, потом выравнивали и заливали водой. Как подсохнет, шлифовали, и пол был, как деревянный. Стены мазанок делали из той же белой глины – «солонца», которая была очень клейкой. Её намазывали на деревянную обвязку стен, перекрытие мазанки сооружали из дерева, а крышу – из

плотно уложенного камыша. Чтобы дом было легче протопить, его делали маленьким и утепляли перекрытие – насыпали золу и опилки.

Когда я подросток, начал работать: на быках возил сено, рожь и пшеницу с полей на тока. Быки – очень трудноуправляемы, бывало, рванут в лес и застрянут меж

деревьев и веток, а разве ребёнку под силу их вытащить? Вот, сидишь и плачешь, ждёшь, может, кто из взрослых поедет мимо и придёт на выручку. Быки очень бояться слепней, если видишь, что идут плохо, ленятся, начинаешь потихонечку жужжать, так они сразу ходу прибавляют. Когда, после работы на быках, меня пересадили работать на лошадь, мне казалось, что я попал в рай. Глину месили уже не руками, а на лошадях, и, главное, с ними было легко управляться.

Помню такой случай. Поехал я на лошади в лес за хворостом. День был пасмурный, и начинал моросить дождь. Вдруг в соседнее дерево ударила молния. Лошадь напугалась, взбрыкнула, а у меня одна нога застряла в стремени. И она меня потащила по буграм, кочкам и пенькам, всю спину я тогда ободрал. Но лошадь меня не бросила: как успокоилась, осталась стоять рядом, и потом сама отвезла домой.

В послевоенное время было очень тяжёло и трудно, но все жили дружно. Никто и никогда ничему не

завидовал и не воровал, если только не считать нашего мальчишечьего озорства, когда лазили по соседним огородам за яблоками.

Дома и сараи вообще не закрывались, лишь только щепку воткнут в навес, чтоб показать, что дома нет никого – и всё на этом. Всю работу выполняли сообща, помогали друг другу. Когда две мои двоюродные сестры осиротели, моя мама взяла их к нам на воспитание, выживали сообща. Прошло уже очень много лет, но они мне постоянно говорят о том, что, если бы не твоя мама, мы бы не выжили, и именно поэтому мы по-родственному очень близки.

Советская власть всегда прилагала огромные усилия для воспитания в людях и, особенно – в молодёжи чувства товарищества и коллективизма, чего не скажешь о ныне действующей власти. За годы развала и реформ, когда жестоко делили собственность, ранее принадлежавшую всему народу, произошло расслоение общества, появилась зависть и вражда. Сейчас все помешались на деньгах. Бывают случаи, когда не только соседи, но и родственники убивают человека из-за жилья или машины. Люди отгородились друг от друга железными дверями и решётками. Действующую власть устраивает такое положение дел, ибо раздробленным обществом легче управлять, «запудрив мозги» людям необъективной информацией из телевидения и радио. Молодёжь аполитична и далеко не патриотична, желает «откосить» от армии, а в моё время с таким парнем ни за что никакая девушка и встречаться бы не стала, не то, что замуж выйти: раз не служил, значит, больной. И я постоянно, с содроганием сердца, задаю себе вопрос, что будем делать и как жить, если вдруг завтра война?

МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА, ОПАЛЁННОГО ВОЙНОЙ

Валентина Васильевна Засухина

22 июня 1941 года была отличная погода, мы с мамой работали в поле. Вдруг слышим свист. Мама бросила тяпку, схватила меня за руку и побежала навстречу отцу. Он ласково обнял нас и произнёс страшное слово – война. Одни сутки на сборы. Поезд был заполнен военными в гимнастёрках. Папа с подножки вагона долго махал нам пилоткой с красной звёздочкой, пока состав не скрылся за поворотом. Прошло более 70 лет, но это яркое мгновение прощания с отцом я помню всю свою жизнь. Он писал письма-треугольники, мы с мамой, читая их, обнимались и плакали. А уже в ноябре 1941 года принесли похоронку: *«Ваш муж Лысенко Василий Митрофанович, 1912 года рождения, уроженец Оренбургской области, погиб в боях за Ленинград».*

*А похоронки уже шли,
Их получали наши мамы,
Их ежедневно к ним несли,
Нет, более ужасной, драмы!*

В феврале 1942 года родился мой братик – дитя войны Николай. Мама, Марина Петровна, осталась одна с двумя малолетними детьми. Были трудными детские годы: холод, голод и нужда. Чтобы нас прокормить, мама продала за мешок муки железную крышу со своего дома, а весной, чтоб заработать ку-

сочек хлебushка для нас, пошла работать в поле, на трактор. Я в семь лет стала нянькой своему 4-х месячному брату, поила, и кормила малышку Колю.

Шли тяжёлые годы войны, мы потихоньку выросли, работали на огороде и собирали колоски в поле. Летом ходили вместе с братом на сенокос, там нас кормили. Когда я пошла в школу, мне выдали ручку с железным пером, я его берегла и всегда заворачивала в тряпочку, чернила делали из сажи. Также выдали всего лишь по 2 тетради, в косую линейку, для обучения письму, чтобы буквы и цифры научились писать, а потом уже писали на газетах, между строчек. У меня было большое желание учиться. Мама и папа в школу не ходили, т.к. были сиротами, учились читать и писать через ликбез. Когда я уходила в школу, а мама – на работу, 3-х летнего брата за ногу ремнём привязывали к окну, т.к. яслей тогда не было.

Конец войны и День Победы помню очень ярко. Был слышен колокольный звон, люди, в основном женщины, дети и старики бежали по улице и кричали: «ПОБЕДА!!! ПОБЕДА!!! ПОБЕДА!!!». Все обнимались и целовались, никто не замечал идущий дождь, все были мокрые, но счастливые, что наконец-то кончилась война.

Дружба, сплочённость, взаимопомощь, соперничество, внимание друг к другу соседей, знакомых и просто добрых людей помогли выжить детям в войну. Когда мы с братом тяжёло заболели, дверь в наш дом не закрывалась: соседи несли молоко, мёд, кусочки хлеба из просянки и лебеды, кто-то нёс подшитые валенки и разную одежонку.

Школу я закончила на «отлично», была активисткой и помогала в учёбе друзьям. В детстве нас назы-

вали «сиротками», т.к. мама от тяжёлого труда очень часто болела, и нас тогда приютила мамина родная сестра. У тёти было своих 6 человек детей, и муж с фронта вернулся инвалидом, но они о нас заботились, как о родных: по субботам, после бани, дядя щипчиками делил на всех сахар к чаю, сало давали, кусочек был с сахарный квадратик. Вот так и росли дети войны: в нужде, холоде и голоде, но друг друга не бросали.

После школы я поступила в педагогический институт, утром – на учёбу, а после обеда – на работу, старшей пионервожатой. Получила диплом о высшем образовании. Брат тоже поступил в институт – политехнический. Затем окончил аспирантуру. Сейчас мой братишка, безотцовщина и дитя войны, преподаёт в этом же университете более 30 лет. Он ветеран труда и отличный семьянин. Трое его детей тоже получили высшее образование и трудятся на благо Родины. У него два внука, живём дружно семьями.

Сама я пенсионерка – «Отличник просвещения» с 42-летним педагогическим стажем, ветеран труда. Воспитала двоих детей, дав им тоже высшее образование, помогаю воспитывать внучку и правнука.

Вот такие мы с братом, дети войны, пережившие страшную Великую Отечественную войну, научившиеся преодолевать трудности сообща. Мы жили и трудились, чтобы воспитать пять достойных внуков нашего отца и их деда – Василия Митрофановича Лысенко.

Ежегодно в День Победы мы все вместе приходим к «Вечному огню» и возлагаем цветы нашему отцу, деду и прадеду. Вечная ему память и всем погибшим на полях сражений за наше мирное небо над головой!

ЖЕНЩИНЫ ВСЁ РАВНО ПЕЛИ

Николай Фёдорович Зубов

Годы моего детства прошли в селе Романовка Хворостянского района. Я родился 1 декабря 1935 года, а через два года родился мой брат Александр. Осенью 1937 года мы проводили нашего отца, Фёдора Константиновича Зубова, на военную службу. Он попал в военно-морское авиационное училище им. Сталина в городе Ейске. Мать моего отца была грамотной женщиной. Узнав о том, что при наличии двух детей, кормильца в армию не берут, написала на имя Иосифа Виссарионовича письмо. Вскоре в училище пришло распоряжение сверху: *«По завершении курса подготовки по военной специальности (механик по авиационным моторам) Фёдора Константиновича Зубова отправить к детям»*. В марте 1938 года отец прибыл домой и приступил к работе кузнецом в нашем колхозе им. Куйбышева, где он работал ранее.

Когда началась война, ему дважды приходила повестка из военкомата, но оба раза медкомиссия возвращала его домой. Всё это время он работал в кузнице, а наша мама – Анна Филимоновна, из рода Анненковых, рядом с ним – молотобойцем. Мы с братом были маленькие, оставлять нас одних было нельзя, поэтому мы находились вместе с родителями, качались на доске-качелях, «подавали» воздух в горн.

В начале 1942 года на отца наложили «бронь» и направили в Еланскую МТС, где он проработал до конца 1948 года. Мы его видели очень редко. Приходил домой поздно, а с зарей уходил на работу, за 8 км

от Романовки. Поздними вечерами работал дома – у него было много заказов от жителей села: всем надо было что-то починить, запаять чашки, кружки, вёдра. Мы с братом старались помочь ему всем, что было в наших силах: делали шпильки из деревянных кружков, каленку, правили «бэушные» гвозди, гнули застёжки для гимнастеров и шинелей, научились паять чашки и кружки, лить алюминиевые ложки. Мама с бабушкой вместе с носками и варежками, а также с подсолнечными семечками и махоркой-самосадам посылками отправляли ложки на фронт.

Весной 1942 г. нашу маму вместе с другими односельчанами увезли рыть окопы, а ведь она ждала ребёнка! Правда тогда не принято было об этом говорить, хотя она была уже на четвёртом месяце беременно-

сти. Отец был в МТС. Вернувшись домой и узнав об этом, он тут же побежал к председателю сельсовета Ивану Васильевичу Степанову. Тот дал своего коня, и к рассвету отец уже был на переправе у села Приволжье, где скопилось много людей. Отец разыскал жену и на руках унёс её с переправы.

Осенью у нас в семье появился третий брат – Виктор. Мы с мамой выезжали в поле на заготовку корма: девять тележек в колхозный омет, десятая – домой. Рано утром женщины и дети на десятках подвод, куда запрягали своих коров, выезжали на работу. Мама всегда стояла на укладке омета, я водил корову, а

Александр приглядывал за братишкой, который лежал под навесом из полотна. Удивительно: вставали рано, работали весь день, уставали, но женщины всё время пели. Сколько я помню, несмотря на трудности, наши женщины всегда пели, да ещё как!

Центром всей жизни села был сельсовет (председатель И.В. Степанов) и наша начальная школа. До войны школой заведовал Андрей Петрович Юрасов. Учителями были В.Ф. Калинин, В.С. Бирюков и две девушки – В.П. Громова и А.П. Уткина.

Девушки добровольцами ушли на фронт, служили в десантных войсках. Обе они погибли. Учителя Калинин и Бирюков сражались на разных фронтах против гитлеровских захватчиков. Владимир Фёдорович Калинин погиб.

На А.П. Юрасова как на многодетного была наложена «бронь». Когда фашисты подошли к Смоленску, родной город Юрасова, Андрей Петрович, вопреки всем уговорам, добровольцем ушёл на фронт. Вслед за ним на войну ушли все его четыре сына. Последнее письмо от него получили с места переправы через реку Нарва, у одноименного города. В мае 1944 г. А.П. Юрасов погиб.

В школу пришла Анна Степановна Привалова. Она одна работала в четырёх классах, в две смены. У неё были хорошие помощники – четвероклассник Иван Степанов и третьеклассник Дима Сорокин (позже он стал учителем, затем и директором родной школы). Кроме учёбы, мы занимались изготовлением наглядных пособий для школы, участвовали в художественной самодеятельности, помогали семьям фронтовиков и престарелым людям.

В нашем доме вечерами всегда было многолюдно. Собирались раненные на фронте земляки. А сколько было интересных рассказов о войне! Мы с братом внимательно слушали их, затем гоняли пластинки на патефоне, все подпевали.

Словом, мы очень рано получили трудовую подготовку и соответствующее воспитание, хорошо запомнили: прежде, чем совершить какой-либо поступок, нужно хорошо подумать. Приобретённые в раннем детстве знания и умения – уважение к людям и любовь к родному очагу – очень пригодились. Благодаря привычке к труду, все дети из нашей семьи выросли достойными людьми, получившими специальность. Виктор освоил профессии шофера и баяниста, Александр – механизатор, я – учитель географии и физкультуры, до настоящего времени принимаю участие в фестивалях и конкурсах народного творчества. Ко мне до сих пор идут и едут за советом и практической помощью. Стараюсь никому не отказывать.

ВОЗДУШНЫЙ ТАРАН

Юрий Дмитриевич Курбанов

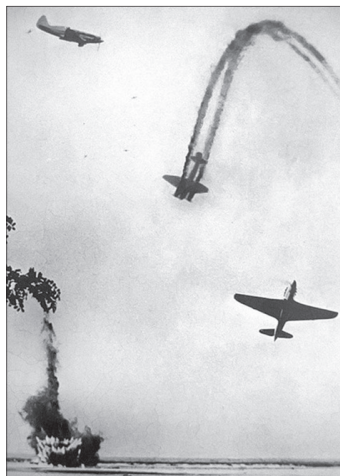
Когда началась Великая Отечественная война, мне было пять с половиной лет (1935 г. р.). Отец мой, Дмитрий Фёдорович, и двое его друзей (Ефремов и Струнов) в первый же день войны пошли в сельский совет с просьбой отправить их на фронт, что и было сделано. Мы, мать и трое довоенных детей, попрощались с отцом. Одно письмо мы получили с фронта.

В боях под Харьковом его ранило, и он попал в плен. И только через год после войны он вернулся домой.

Самым запомнившимся со времён войны оказался воздушный таран над нашим селом Баклуши Павловского района Ульяновской области. Наше село находится в 170 км на запад от Сызрани, на границе с Пензенской и Саратовской областями. 2 октября 1942 года жители села услышали пулемётную стрельбу в небе. Раздались крики: «Немцы, немцы!», из домов все выбегали на улицу. Я тоже, как и другие ребята и взрослые, был свидетелем того воздушного боя и тарана. Над селом, высоко в небе, кружили самолёты, трещали пулеметы, шёл воздушный бой. И вдруг слышим громкий хлопок – взрыв. Горящий самолёт с огромным следом дыма, снижаясь все ниже, летел над самым селом. Мы думали, что он упадёт на дома, но нет – пролетел дальше.

Все видели и двух парашютистов, спускавшихся к земле. Один приземлился в поле, рядом с нашим селом, где его видели женщины и подростки, работавшие рядом на гумне, прибежавшие к приземлявшемуся лётчику. Им оказался немец. Другого парашютиста-немца поймали вблизи села Озерки. Их передали в сельский совет. Потом узнали, что немецкий двухмоторный самолёт с экипажем из трёх человек летел бомбить Сызранский мост через Волгу, но цели

своей не достиг. Его отогнали куйбышевские лётчики и сызранские артиллеристы. И тот удирал на запад, к своим. Путь его лежал через наше село Баклуши. И здесь его встретили два наших одномоторных самолёта, прилетевших из города Кузнецка Пензенской области, что в 50 км от Баклуш.

В воздушном бою один наш самолёт был подбит, лётчик сумел его посадить. Сам остался жив. А другой наш лётчик, видя, что немецкий самолёт удирает, а снарядов не осталось, решил идти на таран, рискуя своей жизнью, и погиб, совершив героический подвиг. Лётчика и его самолёт нашли на следующий день в лесу, возле села Муратовка, в двух километрах от Баклуш. Им оказался 23-х летний младший лейтенант Николай Фёдорович Шутов, родом из рабочего посёлка Новая Майна Мелекесского района Ульяновской области. По инициативе школьников и учителей в нашем селе ему поставили памятник.

У одного немецкого лётчика не раскрылся парашют, и он погиб. Тело его нашёл наш пастух. После тарана хвостовая часть немецкого самолёта упала рядом с нашим селом на горе, возле ветряной мельницы. Основная часть с мотором упала в 3-х км от нашего села.

В этот же день я, как и другие дети и взрослые, побывал на месте падения хвостовой части немецкого самолёта. Дверь была открыта, и мы все видели какие-то овалыные предметы. Возможно, это были бомбы или снаряды. Трогать их нам взрослые не разрешили. На другой день мы побывали на месте падения основной части немецкого самолёта, увидели обгоревшие остатки самолёта и выжженную землю

на берегу речки, на другой стороне которой начинались дома деревни Плетьма, в трёх километрах от Баклуш.

Мы, дети войны, после того героического подвига летчика Н.Ф. Шутова, таранившего немецкий самолёт, находили много патронов, а наш пастух, Иван Безруков, как все его звали за отсутствие одной руки, нашёл целую пулемётную ленту и пулемёт. И всё мы это видели и пережили.

В 1943 году я пошёл в первый класс. Во время уборки урожая мы всей школой, и не один год, ходили собирать колоски. Хлеб отправляли на фронт солдатам.

В войну был лозунг: «Всё для фронта, всё для победы!». Отцы наши воевали на фронте, а женщины, старики и дети трудились в тылу. Всех объединила одна цель: победить врага. И победили!!!

НА ПАМЯТНИКЕ ПОГИБШИМ ТАКОЙ ФАМИЛИИ НЕТ

Василий Петрович Курбатов

Мы жили в селе Кураповка Богатовского района, когда началась Великая Отечественная война. В первые часы после объявления войны мой отец и другие мужчины на тракторах поехали на станцию, где погрузились в вагоны и отправились на фронт. Перед посадкой в вагон он поцеловал маму, бабушку и меня, и поезд ушёл на запад.

Весной сорок второго года, вместе с матерями, ба-

бушками, дедушками, встали в строй подростки. Надо было пахать и сеять, а сельхозтехника работала на конной тяге, а также на коровах и быках. В деревне, в колхозе им. Чапаева, было около 4000 га. пахотной земли, несколько тысяч коров, лошадей, овец, свиней. Остались женщины, старики, дети (подростков постарше отправили строить оборонительные сооружения), на плечи которых легла тяжесть обеспечения продовольствием армии, тружеников городов, а также беженцев – одеждой, продовольствием и жильём. Я, семилетним ребёнком, как и мои сверстники, помогал полоть, собирать колоски зерновых культур, пасти скот, заготавливать корма, возил воду на быках на поля и скотные дворы. Всё, что мы зарабатывали, записывалось на взрослых и передавалось в фонд помощи фронту. Если всмотреться в лица моих родных на фотоснимках, то можно увидеть в их глазах безмерную усталость и горе. Чтобы не терять полезного времени, фотографа привозили прямо на рабочее место.

После войны в село вернулись, ранеными и инвалидами, 16 человек, погибли – 80. Мой отец, по рассказам вернувшихся товарищей, погиб, защищая г. Гомель. Я послал запрос в этот город. Мне ответили, что на памятнике погибшим такой фамилии нет.

В 1953 году меня призвали в ряды Советской Армии. После службы, по комсомольской путёвке, был направлен на строительство металлургического завода. Окончил вечерний техникум. Работал заточником, бригадиром слесарей, конструктором, механиком, а также занимался общественной работой, награждён почётными грамотами и двумя медалями.

Страна преодолела разруху, и участники боевых действий заслуженно стали пользоваться льготами, получать бытовую технику, машины, жильё, установку телефонов и бесплатный проезд. Мы же, дети войны из семей погибших воинов, никаких льгот сейчас не имеем.

Мы своим честным трудом построили заводы, восстановили страну, приложили все усилия, чтобы не разгорелась новая кровавая бойня. Берегите свою Родину, народные традиции и воспитывайте детей, чтобы о войне они знали только по книгам. Берегите мир на Земле!

ПОКА Я ЖИВ, Я ПОМНИТЬ БУДУ!

Василий Иванович Легков
г. Сызрань

Мои родители – крестьяне, жили в селе Жедрино, Кузоватовского района Ульяновской области. В семье я был третьим сыном, рождённым в 1932 году. Первый Александр – 1927 года рождения, второй – Николай, с 1929 года. Наши родители – Легков Иван Григорьевич и Наталья Ефимовна были колхозниками. Они рассказывали, что с 1934 года, после жестокой засухи, в колхозе «Маяк революции» жизнь пошла на лад, выросло материальное благополучие крестьян. Но быт был на очень низком уровне. Абсолютное большинство семей спали на полу вповалку или на русской печке. Деревенские люди ходили в лаптях, но жили дружной, полнокровной жизнью. Всё-таки,

колхозы – это гениальное изобретение народа, которое ввели большевики. Забегая далеко вперёд, я приведу слова моей матери, Натальи Ефимовны, по поводу быта на селе до и после революции. Дело в том, что, когда мне выделили, естественно, бесплатно, благоустроенную трёхкомнатную квартиру, в 1963 году, однажды она перед сном подошла ко мне и говорит: *«Вася, вот поднять бы моих родителей и показать, как мы живём: спим на белых простынях и под одеялом с белым пододеяльником, – они бы не поверили. Да, чья семья-то? Васькина, болезненного роста, да такой слабый был, что его и за человека- то не считали. Да так, наверное, и барин Ушаков не спал».*

Хочется подчеркнуть одну особенность нашей семьи – это музыкальность, исходя, конечно, из тех условий, в которых мы жили. У родителей и у нас, детей, отличный музыкальный слух и неплохие голоса, и все мы любили петь. Из нашей избы, постоянно слышались песни. Отец и мать что-то делали и пели, а мы им подтягивали. Единственный музыкальный инструмент – балалайка, появился у нас перед самой войной, её подарила нам сестра отца. И не только мы трое научились на ней играть, а вся округа мальчишек. В войну у нас появилась гитара, но только без грифа. Так гриф к гитаре сделал наш средний брат Николай, и мы часто играли дуэтом. Но это потом. А пока, перед войной, сосед Николай Ванечкин купил патефон, и мы слушали музыку, затаив дыхание. Особенно я, пел много песен и частушек: «Растяни, милый, гармошку, дай-ка звону голосам, самураев разгромили мы на озере Хасан». С тех пор я помню много песен. «Три танкиста» я спел, без музыкально-

го сопровождения, под ёлкой в школе, стоя на табуретке, встречая новый, 1939 год.

Мне кажется, что политикой я начал заниматься с пелёнок. Не зря, наверное, я был отличником по истории и географии. Слухи о неизбежности войны, по-моему, были за несколько лет до её начала. А война приближалась неотвратимо, шёл 1941 год. У крестьян летом выходных не бывает, да и зимой-то не всегда. А тут было лето. Завершилась заготовка кормов. Стояли очень хорошие хлеба – озимая рожь, радовали глаз яровые – пшеница, овес и просо. Росло всё, как на дрожжах, на личных участках и на огородах. Была очень хорошая погода. И старики говорили: это к войне. Видимо, люди с жизненным опытом особенно чувствовали её неотвратимость и верили в любую примету. В частности, в очень хороший урожай всего того, что растёт в поле и на огороде, тогда как благоприятные погодные условия в районах Поволжья всегда были очень редким явлением. И вот природа своей необычной роскошью пугала людей. Кажется, что сам воздух был насыщен разговорами о войне. И в то время люди, от мала, до велика, надеялись, что её не будет, а если будет, то не скоро, не сейчас. Ныне, когда я слушаю или читаю некоторых псевдоисториков, обвиняющих И.В. Сталина во всех грехах в довоенные и послевоенные годы, меня просто шокируют эти «учёные» мужи своим откровенным враньём. Сталин, коллективизацией и индустриализацией, на 50-60% обеспечил победу в предстоящей войне. Он знал о её неизбежности и предпринимал все усилия, чтобы не допустить войны, либо отодвинуть её начало как можно дальше.

Но война пришла. В первые же дни на войну ушли самые сильные, крепкие мужики, самые лучшие лошади, такие же тракторы и автомашина-полупортка. Село начало пустеть. Отца нашего, Ивана Григорьевича, несколько раз вызывали в военкомат, но, по просьбе руководства села и колхоза, отпускали домой.

Осенью 1941 года оборонительная линия сооружалась по левому берегу рек Сызранка и Темрязанка. Поэтому все трудоспособное население близлежащих деревень было мобилизовано на выполнение этого правительственного задания. В сёла, которые находились в непосредственной близости от этой оборонительной линии, свезли тысячи людей, в том числе – и в село Жедрино. Люди работали ломami, кирками и лопатами, отогревая мерзлую землю кострами. Зима тогда пришла рано и очень морозная. В каждой избе находились по 5-7 человек, кроме семьи. Нашего отца обязали создать группу из 3-4 человека для ремонта обуви этим труженикам. Эта группа работала по ночам, когда люди отдыхали. Мне даже ныне жутко вспоминать ту обстановку, те

условия, в которых находились люди. Где-то в середине января 1942 года нашего отца призвали в армию, в запасной полк. Он был зачислен в обоз ездovým. 2 февраля отец приехал к нам, простился, и больше мы его не видели. Пришло в мае 1942 года извещение, что он пропал без вести под г. Старая Русса.

Война, с разрывом бомб, воем снарядов, нас не коснулась, но горюшка-то мы хлебнули с лихвой. Весной 1942 года брат Александр нанялся подпаском, мать и средний брат Николай (12 лет) работали в колхозе. Мать – на разных работах, а Николай на лошадях. Тракторов и машин для обработки земли не хватало, но, как могли, землю старались обработать почти всю.

Я учился в школе и помогал дома по хозяйству, огороду. С весны и до осени я носил старшему брату обед на стойло. Когда Александр обедал, я брал его пастушечий кнут и учился им хлопать так, чтобы хлопки были как можно громче. К осени я овладел этим «искусством» и хлопал, как заправский пастух. Я и не подозревал тогда, как это умение мне скоро пригодится.

С 1942 года колхозы всё зерно сдавали государству для нужд обороны. Если рабочие могли покупать хоть немного хлеба по карточкам, то колхозники питались в основном тем, что вырастят на своих участках.

1943 год был таким же тяжёлым. Единственным утешением были сводки с фронта, где наша армия начала продвижение на запад. Тогда был лозунг: «Всё для фронта, всё для победы!». Что касается тружеников тыла, то этот лозунг самым тяжёлым бременем ложился на колхозников и крестьянских детей. Дети втягивались в работу, невзирая на возраст. У нас в селе не было радио, поэтому все новости узнавали из газет или кто позвонит в сельский совет по телефону, который провели к нам перед самой войной.

Пришёл 1944 год. И мы со средним братом Николаем стали пасти подпасками колхозное стадо. Вол-

ков тогда было видимо-невидимо, их можно было встретить в любой момент. И однажды волк подкрался к стаду. Я, конечно, сразу понял, что это волк, и, хлопая кнутом, с криком пошёл на него. Он сначала остановился, посмотрел на меня, нехотя повернулся и потрусил от меня и от стада прочь. Честное слово, я не чувствовал никакой робости. Страх во мне, наверное, уступил место ответственности за спасение колхозного стада. Мы тогда все, от мала до велика, знали то, что волк, если его не отогнать от стада, не остановится, пока не порвёт глотки всем овцам. Ныне, вспоминая этот эпизод из моей биографии, я шучу чёрным юмором в свой адрес. Почему волк не унёс меня? Ведь во мне вес-то был бараний.

Ох, матери, наши матери. Они не знали ни отдыха, ни покоя. Работая в колхозе, естественно, без выходных, от зари до зари, через не могу, из последних сил, стремились сделать для нас, своих детей, что-то, чтобы уберечь от голода. Летом на своих участках почти всё сажали. Табак (махорка), этот товар был ходовым. Все мы выращивали его, поливали, полости, обрывали цвет, для того, чтобы он был крепче. Потом его продавали, в основном солдатам проходивших эшелонов. Это был единственный источник финансирования. На вырученные деньги покупали просяную лузгу на Репьевском крупозаводе. Если успевали, то свежую, а если свежей не доставалось, то покупали у жителей посёлка из завалинок. Туда они её до войны засыпали для утепления домов. Ну, а если вообще повезёт, то покупали пыльцу, которую работники завода обметали со стен внутренних помещений. Из неё наши матери делали деликатесы в виде

блинчиков, лепёшек из картофеля и трав каких-либо. Вот тогда у нас, детей, был праздник, независимо от даты календаря. Весной на первых проталинах играли в различные игры. Дети – есть дети.

Начался 1945 год, но похоронки продолжали приходиться. И, несмотря на то, что село наше было большое, как только кто-то получал похоронку, раздавался плач, и начинало оплакивать погибшего всё село.

И всё-таки, несмотря ни на что, настроение у людей повышалось. Со дня на день ожидали окончания войны.

Утром 9 мая 1945 года я ещё спал. Пас стадо брат. Ко мне подошла наша мама, разбудила и кричит: «*Вася, вставай – Победа!*» Все люди смеялись и плакали, ведь не было семьи, где бы не погибли воины. Вот так для нас, жедринских детей, закончилась Великая Отечественная война. А впереди был ужасно сухой и жаркий 1946 год, все посева зерновых, что называется, сгорели.

Однажды я гулял по улице в г. Сызрани со своими детьми. И рассказывал им о нашем военном детстве. Меня осенило – написать о нашей жизни. Я подумал, что стихотворение до потомков дойдет лучше. И я его написал...

*Детей иль внуков занимая,
Сквозь призму возраста седого,
Мы наше детство вспоминаем
Как нечто самое благое
И бесконечно дорогое.
Безрадостное детство наше,
Хотя ты нам всего дороже,
Ты непонятно детям нашим
И на их детство не похоже.*

*Пока я жив, я помню буду
Дни незапамятные эти,
Как в дни былой, лихой невзгоды
Мы жили, матери и дети.*

«МИР» – НЕЗНАКОМОЕ НАМ ТОГДА СЛОВО...

Альбина Михайловна Липатова

Жили мы в Саратовской области, в селе под г. Балашовом, где я и родилась в сентябре 1939 года. Мама была учительницей начальных классов. Отец мой учился в Харькове, в военном училище. Где-то в середине июня 1941 г. мама (ей было 22 года) поехала к отцу. Приехала она в Харьков, и, как потом рассказывала, на сердце у неё было беспокойно, рвалась домой.

«Бери мне билет, я домой поеду» – говорит мужу. Тот даже обиделся: мол, только приехала и уезжаешь. Едва поезд отъехал от Харькова, объявили: «Война». Чуть задержись она тогда, и – всё, не выбралась бы оттуда.

Приехала на свою станцию, до села подвез какой-то мужик на двуколке, которого она уговорила: *«Вот у меня все деньги – 17 рублей»*. Открыла чемодан: *«Бери, что хочешь»*. С тех пор мама панически боялась куда-либо уезжать из дома...

В марте 1942 г. родился мой брат. Я долго не понимала, почему это его называли «Харьковский». Март тот был снежный и очень холодный. Перед родами

мама решила заготовить дров, хотя бы недели на две (учителям выделяли «швырок» – так называли отбросы от брёвен). Их надо было ещё расколоть на дрова. И вот мама наготовила дров, намахалась, а ночью начались схватки. Бабушка побежала за акушеркой (бабушка – отцова мама – прожила с нами до самой смерти). Родился брат мой, весь обмотанный пуповиной, в «сорочке», чуть не чёрный уже...

Отца я совсем не помню, но меня он хоть видел, а брата даже не увидал. Только знал, что родился сын. В письмах с фронта писал: *«Здравствуйте, Шурик, Алечка и Юрик... Шурик, береги себя и детей. Разобьём врага, вернись, и мы заживём долгой и счастливой жизнью... Целую, твой Миша»*. (Шуриком он называл нашу маму). Письма отца у нас все целы: и с фронта, и ещё довоенные, когда он служил в Забайкалье, до женитьбы. Последние письма от отца были за 7 и 11 мая 1942 г. И всё... Больше никаких известий. Только потом в райвоенкомате дали извещение: «считать без вести пропавшим». Мы всё время ждали, что он приедет...

Мама много работала, мы её почти не видели. Все были с бабушкой Грушей. Мама старалась как-то помочь своей матери – нашей другой бабушке – Моте, своим братьям и сёстрам: там было 12 детей. Из них после войны остались 8 – четыре брата и четыре сестры. Конечно, в селе помогали выжить огороды – картошка, свёкла, тыква. Свёклу сахарную резали на кусочки, высушивали, получались чёрные такие «конфеты». Порою бывало так, что в доме не было никакой еды, и нас старались пораньше уложить спать. Играем, и вдруг брат говорит: *«Мам, я есть хочу»*. А

она испуганно: «Ой, Юра...». А он, спохватившись: «Нет, мам, я хотел сказать: «Пить хочу». Маленький был, а понимал...

В селе жили эвакуированные. Запомнился мальчик, лет 6-7. У него всё время двигались, «бегали» зрачки (говорили, что он попал под обстрел, когда их везли). Запомнился и мальчик-беспризорник. Его звали «Серёжка Веселов» (скорее всего – это настоящая фамилия). Как он пел! Его коронным номером была песня «Ах, Самара-городок». Серёжка был просто артист! Знать бы мне тогда, что через много лет я буду жить в этом Самара-городке. Потом, кажется, председатель сельсовета устроил его в детдом. Где-то он теперь? Интересно, как сложилась его судьба?

Местность наша была безлесная. Не найти было щепочки, чтоб разжечь печку. Топили кизяками (делали их из навоза летом – такие «кирпичи», высушивали на солнце и хранили запас на зиму). Не было самого необходимого: соли, мыла, спичек... И бабушка Мотя посылала кого-нибудь из ребятишек: «Сходи к Фирсовым за жаром» или: «Отнеси жар Коршиковым». «Жар» – это ещё горящие, тлеющие угли из печки. Их на жестянке носили от дома к дому.

Мы ещё жили получше других: мама ведь получала зарплату. А вот у Ольги (жены моего брата) мать осталась вдовой с пятью детьми и бабушкой. Работали в колхозе, за «палочки» (трудодни), ничего не давали. Она приходила домой с фермы совершенно обессиленная и валилась с ног. Ольга была младшей в семье, и, когда она болела, её бабушка молила бога забрать ребёнка, чтобы другие могли выжить... До какого же отчаяния надо было дойти, чтобы молить о смерти ребёнка?!

В соседнем доме зимой стены покрывались льдом. Как же там можно было спать, жить – в этом ледяном доме? Девочка с нашей улицы, Надя, ходила в школу в тоненьких чулочках и резиновых галошах, единственных на всю семью. И это зимой! И сколько таких было?

Просто диву даёшься стойкости народа. Как только люди выдержали военное время и послевоенное лихолетье?

И вот уже 70 лет, как кончилась война. А в тот, солнечный майский день, мы играли около школы (мы жили рядом, в общежитии)... Видим, бегут от сельсовета люди, кричат: «Конец войне! Победа! Ми-и-ир! Ми-и-ир! Ми-и-ир!» «Мир» – незнакомое нам тогда слово...

В СЕМЬЕ НАС БЫЛО ВОСЕМЬ....

***Раиса Ивановна
Мартышкина (Веденева)***

Родилась я в крестьянской семье, где были мать – Мария Демьяновна, отец – Иван Павлович Веденевы, сестра Татьяна, шесть братьев и я, Раиса, которой в 1941 году было ровно 2 года. Всех братьев и отца мобилизовали на войну. Трех старших: Василия, Петра и Парфёна в то время я вообще не помнила по своему возрасту. Василия мобилизовали ещё на финскую, он вернулся в 1945 году, раненный в ногу. Попал в плен, но сумел бежать с двумя солдатами. Они его, раненного, и спасли, не бросили. А Петра я вообще не помню, он погиб в 1941 году. У нас хранится единственное фото, сделанное на его

проводах, где есть и младший брат Алексей, который тоже погиб, в 1945 г., где-то на Дальнем Востоке. Брат Виктор был на войне шофёром, его я помню хорошо. Перед уходом в армию он жарил горох и меня угощал. Вернулся домой в 1947 году. Я училась уже во втором классе.

Парфён приезжал в отпуск после ранения на несколько дней. Это было зимой, привозил он нам гостинец – яблоки, мы и не знали, что это такое, но с Марией, его дочерью, съели их с удовольствием, хотя они были с гнильцой. Брат Степан был с 1926 года, в начале войны он работал в машинно-тракторной станции (МТС). Утром уходил рано, так как надо было идти пешком 5 км. Мать до его ухода топила печь, чтобы сварить ему завтрак: картофельный суп, он был без мяса, только туда жарила лук. Он мне казался таким вкусным. Когда ему исполнилось 18 лет, его тоже забрали на войну. Он был краснофлотцем, служил сначала на Амуре, потом добровольцем попросился на Балтику, где и был ранен. Нам прислал письмо, в котором сообщил, что может проехать через нашу станцию Клявлино. Мы с матерью на вокзале трое суток жили, ждали его поезд. Выбегали к каждому эшелону, которые шли с востока. Они проносились мимо нас на большой скорости. Паровоз так громко гудел, я очень пугалась, прятала голову в материнский фартук. Люди в вагонах стояли у открытых дверей, лица мелькали, и различить ничего нельзя было. Но Степан проехал через Куйбышев, мы ушли домой ни с чем.

Алексея мобилизовали в 1944 году, я это уже хорошо помню. Он в колхозе работал конюхом. На его

проводы запрягли колхозного жеребца. А я тут же кружилась впереди взрослых. Решила зацепиться за сани. Жеребец чего-то испугался и дёрнул сани. Я не удержалась и кубарем полетела в снег. И ещё я помню, как Алексей ездил за кормом для лошадей и там каким-то образом ловил снегирей. Приносил их в варёжке домой, чтобы показать мне. Они в доме летали, а потом их мы выпускали. А однажды он из леса привёз большого кота. Этот кот у нас прожил несколько недель, пока к нам не пришла знакомая женщина. Кот, как только услышал её голос, слез с печки и – к ней. Он из дома уходил в лес за 1,5-2 км, чтобы половить мышей. Такой был охотник.

У нас по соседству, на квартире, жила учительница, Мария Максимовна. Однажды, придя из школы, она принесла газету «Правда», где был напечатан рассказ про Зою Космодемьянскую, которая немцам назвалась Таней. И был там напечатан снимок с петлей на шее. Учительница прочитала этот рассказ. Я до сих пор его помню, так это врезалось в память. Я пришла домой и матери говорю, что война скоро закончится, и наши все вернутся домой. Так учительница сказала.

Мы с моей племянницей Марией, с которой были ровесницами, решили испытать себя, выдержим ли пытки. Разогрели небольшую кочергу в горячей печи, пока не было матери дома: она вышла во двор. И я эту кочергу приложила Марии под подбородок, по её согласию. Она дико заорала, а я от испуга бросила кочергу на пол, пол в этом месте прогорел. Конечно, мне за это попало. У Марии был большой ожог, который остался на всю жизнь. Марии уже несколько лет нет в живых. Жила она в Ростове-на-Дону.

Ещё у меня была сестра Татьяна, которую в 1942 году мобилизовали в Куйбышев, на завод «Металлист», где она проработала всю жизнь, но я её не знала, так как ни разу не видела. В 45-м году летом, когда вернулся отец с войны, мне уже было 6 лет. Он в Москве купил арбуз. Меня угостили, но мне почему-то арбуз не понравился. По-видимому, до этого я даже названия не знала, никогда не видела.

Вот и Таня приехала в отпуск в 45-м году, первый раз, привезла гостинцы: два или три кусочка хозяйственного мыла, которое было у нас в большом дефиците. В этой же сумке были для меня конфеты «горошек», которые пропахли этим мылом, но я их всё равно съела, потому что ни сахара, ни конфет у нас в доме не было. Мы ели сушеную свёклу и тыкву. Эти воспоминания навсегда остались в моей памяти.

ВСЕ БЫЛИ ЗАОДНО, КАК ОДНА СЕМЬЯ

Нина Петровна Пупкова

Родилась я в селе Утевка Самарской области, в 1928 году. Окончила школу, педагогический институт, 38 лет проработала преподавателем математики в школах города Самары и Самарской области. В настоящее время – на пенсии, живу в г. Самаре.

Во время войны я жила в селе и трудилась в колхозе «Искра». Наш колхоз был овоще-зернового направления, и мы, дети 11-14 лет, работали на полях, наравне со взрослыми. Посадка овощей, поливка, прополка – дело, всем знакомое. А вот об уборке

зерновых я хочу рассказать подробнее. Поле. Созревшее зерно, например, пшеница. В поле работает трактор с прицепом. Один, в лучшем случае – два. Нам, детям, приходилось (взрослые как-то доверяли) работать на выгрузке зерна. Принцип работы таков: идёт прицеп трактора с комбайном, косит и обмолачивает зерно, которое сыплется через раструб в бункер комбайна, оттуда, через окошечко в бункере, зерно засыпают в мешок, который прямо на ходу забрасывается в кузов рядом идущей автомашины. Затем это зерно отвозят либо на ток, либо на элеватор.

Так вот, нам, девочкам подросткового возраста, приходилось по четыре человека работать на «выгрузке» комбайна. А «выгрузкой» называли деревянные мостки-самоделки, сделанные из дерева, в виде небольших балкончиков, присоединённых к комбайну. Молодые девчонки вставали на «выгрузку» по два человека: по одному с каждой стороны от окошка бункера, из которого при открытии сыплется зерно; подставляли мешок, наполняли его зерном так, чтобы хватило сил поднять его вдвоём. В это время подъезжала грузовая машина и, подстроившись к «выгрузке», ехала рядом с трактором и комбайном. Мы вдвоём брали этот мешок с зерном, раскачивали его в руках и забрасывали в кузов машины на ходу. Там его принимали такие же две девочки, высыпали зерно из мешка в кузов, а пустой мешок выбрасывали обратно к нам на «выгрузку» для следующей засыпки. И так до тех пор, пока кузов машины не наполнился полностью. Потом, вместо машины, уехавшей отвозить зерно, подъезжала следующая. И так – весь рабочий день.

Казалось бы, в этом процессе нет ничего сложного. Однако это не так. Надо понимать, что вся работа проводилась при движении указанных механизмов и машин. Кузов машины, комбайн движутся, саму «выгрузку» трясёт, и мы тоже трясёмся, руки и ноги дрожат, но приходилось удерживаться, и нужно было ещё и удачно забросить мешок в кузов машины. Надо сказать, что это не всегда и получалось, и мешок с зерном летел мимо кузова, на землю. Подбирали его потом, т.к. при движении это сделать было невозможно. Бывали случаи, когда и мы сами, дети, падали с «выгрузки», но это случалось редко. Взрослые, которые работали с нами, и мы, дети, старались быть очень осторожными, крепко держались за перила «выгрузки». Конечно, было очень страшно: того и гляди, попадёшь под колёса. Но мы очень старались преодолеть в себе этот страх, сознавая всю важность нашего, очень нужного для страны, дела. Ведь шла Великая Отечественная война.

Нашей стране и нашему народу нужна была победа над фашизмом. Мы очень в неё верили и знали, что все делают для этого всё возможное и невозможное. Дети тоже понимали, что должны помогать взрослым, чем только могут. И мы старались, не ропща на все невзгоды, недостатки и неудобства. Мы сильно уставали, хронически недосыпали. Вставали очень рано, а ложились поздно, отдыхали, только когда задерживалась пустая машина. Тогда мы залезали в бункер комбайна, ложились на зерно и иногда тут же засыпали, а нас заваливало обмолоченным зерном. Питались в основном пшённой кашей, иногда даже без масла. А спали в амбаре на полу. Постель – у

кого что было: либо старое одеяло, либо изношенное пальто или драная фуфайка, ни подушек, ни простыней в то время мы и не знали.

Всё же, несмотря на всю сложную жизнь, мы не унывали, ни от кого ничего не требовали, были довольны тем, что было. Сохраняли добродушие, человечность по отношению друг к другу, старались быть все вместе, заодно. Все – и взрослые, и дети – очень хорошо осознавали, что идёт очень жестокая война, что нелегко всей стране и всему народу. И ещё все мы понимали, что наша сила – в единстве.

ХОТЕЛОСЬ ПОДВИГА

Тамара Андреевна Салмина

До лета 1948 года я жила с родителями в г. Куйбышеве, на берегу реки Самарки, в доме, принадлежавшем судоремонтному заводу. Весной 1947 года я заболела, и врачи настояли, чтобы мы сменили место жительства. Отец был на руководящей работе и остался работать на заводе. Мы с мамой переехали в Кошкинский район, в село Рейнсфельд – бывшее немецкое поселение, где жила с семьей мамина сестра. Место нам очень понравилось. Широкая улица, красивые и добротные дома спускались по склону к реке. С двух сторон – лес, богатый ягодами и грибами. Мы, дети, много купались, хотя мне, из-за болезни, запрещали. Целыми днями и вечерами мы были на воздухе. Бегали босиком после тёплых дождей, ели много травы и ягод, и болезнь отступила.

Там, в Рейнсфельде, прошли лучшие годы моей жизни. Воздух был чистейшим. Вспоминаю походы в Каменноовражский лес, где на открытых полянах была чудесная ароматная клубника, а в лесном овраге – родник с вкуснейшей водой. По склону к роднику росла малина. Уставшие, мы садились на край оврага и ели хлеб с ягодой, запивая родниковой водой. Однако хлеб досыта был не всегда и в первые послевоенные годы. Моя тётя – колхозница иногда приносила с работы две горсти зерна или горсть муки, запаривала кипятком и нахваливала. Эти кушанья назывались толокно и кулага. В селе выращивали много овощей: тыква, свёкла, морковь, капуста и картошка. Сахара не было, и чай пили с сушёными тыквой и свёклой. Были семечки и снятое молоко. До 1959 года все жители сёл облагались налогом на продукцию животноводства. Сдавали государству сливочное масло, яйца. На большие праздники детям в школе давали подарки. Небольшой кулёчек с конфетами – горошек. Это было большим лакомством.

Летом, однако, было здорово. Мы, дети, ели весной очень много съедобной травы: побеги лопуха, дикую морковь, сныть, сурепку, щавель, корни камыша. А в июне уже поспевала клубника, за ней – малина, смородина, осенью – ежевика. Всё это было дикорастущим. Экология в то время была очень хорошая. Несмотря на отсутствие многих продуктов, мы росли здоровыми и крепкими. Я и мои сверстники рано начали трудиться физически. Условия сельской жизни способствовали этому. Отсутствие бытовых удобств вынуждало нас, подростков, носить воду на коромыслах, участвовать в заготовке дров, изготовлении

кизяков (биотопливо). Прополка огородов, поливы, дела по дому – всё это было нашей обязанностью, т.к. старшие пропадали на работе.

Их трудовой день в летнее время был ненормированным. Помню, как трудно было мыть деревянные некрашенные полы. Доски нужно было скоблить косырём – это большой нож. У тёти было пять дочерей, к нашему приезду с ней остались две, мои ровесницы, вот мы и трудились дома, в поте лица. В возрасте 11-12 лет нас стали привлекать к работе в колхозе. Председатель ходил по домам и просил нас помочь полоть и прореживать свёклу, ворошить сено, работать на току. Последнее нам нравилось больше всего. Сушить зерно, то есть перелопачивать, веять на веялке, сортировать. Ребята постарше возили зерно от комбайнов на ток, на лошадях, а также грузили машины на элеватор вручную: электрических погрузчиков ещё не было. Грузить машины нам, подросткам, было трудно, для этого в кузнице были выкованы специальные стальные ковши с

ручкой. Накидаешься, бывало, за день, к вечеру без спины лежишь. Предметом особой гордости были поездки на элеватор для разгрузки зерна. Возили его на станцию Погрузная. Этот маленький карлик до сих пор жив. Он прилепился сбоку к огромным великанам – корпусам, построенным в 70-е годы. Разгружали зерно тоже вручную, деревянными лопатами, и эта

работа была значительно легче, чем погрузка. Одна была беда: про нас забывали водители на элеваторе, и нам пешком приходилось вечером возвращаться домой. Но зато сколько гордости мы испытывали, сидя в кузове гружённой зерном машине, да ещё с красным полотнищем, на котором белой краской был написан девиз: «ХЛЕБ – РОДИНЕ!». Мы ехали на элеватор и чувствовали себя настоящими героями, всю дорогу пели песни.

Была у нас и такая сезонная работа – сбор млечного сока, из которого делали лекарство – опиум. Вставать нужно было на восходе солнца, идти пешком, далеко в поле. Каждый из нас занимал ряд и шёл вдоль него, делая на маковых коробочках надрезы с 3-4 сторон, а на следующее утро также рано надо было собрать выступивший и загустевший сок лопаточками в стеклянные баночки и надрезать коробочки для следующего сбора. Продукт этот колхоз сдавал в аптеку и получал деньги, какие-то копейки перепадали и нам. Наркоманов у нас не было, и мы даже не слышали про них. Заготавливали мы ещё и семена белой акации. Приходилось взвешивать телят. Не обошлось при этом без смешных историй. Телята брыкались, вырывались и убегали, приходилось их ловить.

В результате физического труда у меня развились могучие мышцы, которые помогали мне всю жизнь. Я умею косить траву, пилить и колоть дрова, копать землю и многое другое.

Хочется сказать и о нашем досуге. Мы много читали. Книги брали в школьной библиотеке. Зимой – лыжи самодельные, санки, коньки. Были ещё самодель-

ные ледянки, похожие на скамейки, только внизу прибивалась доска, на которую намораживали лёд. Где-то в начале 50-х годов у многих ребят появились велосипеды. Вечерами, после всех трудов, мы катались до упаду. А ещё в нашем селе был клуб. Он остался нам от немцев: деревянный, одноэтажный, но просторный. Была сцена, гримёрная, оркестровая яма – всё, как полагается. В те послевоенные годы много было фильмов о Великой Отечественной войне: «Сталинградская битва», «Встреча на Эльбе», «Падение Берлина», «Звезда» и другие. Мы не пропускали ни одного фильма. Летом фильмы крутили на улице. Экран вешали на здание клуба, весь колхоз устраивался прямо на траве. Смотрели мы все эти фильмы – о героизме наших бойцов, и нас всех распирала гордость за нашу Великую Родину. Это были настоящие уроки мужества, и мы впитали их с детства. После фильмов нам не хотелось расходиться по домам, перевозбуждённые, мы ещё долго обсуждали увиденное, хотелось подвига. Патриотизм из нас бил ключом, но врага рядом не было. Тогда мы стали играть в войну. Разделялись на два отряда: наши и немцы, поочередно менялись. Ходили в разведку, устраивали рукопашные бои. Оружием у нас были палки. Пленных немцев стегали крапивой.

И, конечно, у нас была самодеятельность. В школе, в клубе готовились к праздникам. Хоровое пение было в чести. В Кошках, по окончании весенних полевых работ, устраивали праздник для всего района. Он и сейчас проводится. В Рейнсфельд, задолго до районного праздника, приезжали из Кошек художественный руководитель Мария Назаровна Филиппова

и баянист Колесов. Они репетировали с нами песни для сводного хора всего района, который выступал в конце праздника. Это были песни о Родине, партии, о Ленине. Помню: иногда я выезжала на велосипеде за село и во всю лужёную глотку пела. Между собой мы, дети, говорили: *«Как здорово, что мы живем в Советском Союзе, а не где-то там...»*. Мы горячо любили свою Родину и гордились ею.

Тем временем наша страна поднималась из руин. Жизнь налаживалась. В селе стало жить сытнее. А к середине 50-х годов в магазинах из продуктов было всё. И это – после такой разрушительной войны. В народе был небывалый подъём. Но нас ждала большая беда. В марте 1953 года репродукторы сообщили о тяжёлой болезни И.В. Сталина. Тревога охватила весь народ. Все напряжённо следили за сводками. Смерть любимого вождя была воспринята как страшное, чудовищное горе. Страна погрузилась во мрак: все переживали, как будем жить дальше.

НИКТО НЕ РОПТАЛ...

*Галина Ивановна Седельникова
г. Жигулевск*

Мне было 10 лет к началу войны. В первые же дни войны все сознательные здоровые мужчины пошли добровольцами на фронт. Мой отец – тоже, хотя у него была бронь: он руководил сапого-валяльной фабрикой, которая снабжала фронт тёплой обувью. Мама работала учительницей и помогала колхозу, когда к

ней обращались за помощью. Я поступила работать техничкой в ту же школу, где работала мама. Страна все силы направляла на фронт, на разгром врага. Мы с сестрой, ей было шесть лет, ходили жать рожь, пололи на колхозных огородах, осенью собирали овощи и фрукты. Наш пионерский отряд отправлял посылки с тёплыми вещами на фронт. Собирали металлолом, макулатуру, старались хорошо учиться, чтобы родителей порадовать. Отец храбро сражался с фашистами, он настоящий герой, был награждён пятью орденами: орденом «Красной Звезды», орденом Отечественной войны и ещё три ордена – названия я забыла. Отец вывел из окружения свой отряд: двенадцать дней ползли по болотам, питались одной клюквой. Он был тяжело ранен под Кенигсбергом (ныне Калининград).

Мать – тоже настоящая героиня: осталась с четырьмя детьми, хлеба не хватало, одежды тоже, не было самых необходимых вещей – мыла, сахара, спичек. Она ездила в дальние деревни менять на хлеб бумагу, пуговицы, мои рисунки (я в детстве хорошо рисовала). Тяжело было матери смотреть на голодных детей. Но никто из людей не роптал, не возмущался, понимали: стране труд-

но. Люди были добрее, делились последним куском хлеба, я и сейчас помню эти куски. Спасали ягоды, грибы, овощи. Мы жили в Ивановской области в деревне Ванюково, кругом нас были леса и колхозные поля. Автобусов не было, везде ходили пешком. Мы, пионеры, важным делом считали сбор бутылок: они шли на военные заводы, где их заправляли горючей жидкостью. Наши бойцы успешно их применяли как гранаты в борьбе с вражескими танками. Победили, потому что народ был един в стремлении освободить родную землю от фашистской нечисти.

После войны тоже было тяжело. Я, будучи студенткой Ярославского педагогического института, каждые каникулы работала в колхозе, а зимой участвовала в расчистке железнодорожных путей от снежных завалов.

ВОЙНА – У НАС ДЕТСТВО ТЫ УКРАЛА

Антонина Андреевна Тюрина

Родилась я 16 декабря 1939 г., в семье солдата – воина Андрея Григорьевича Строганова. В самом начале войны моего отца и его пять братьев призвали на защиту Родины. И они ушли воевать с фашистами, оставив нас, малолетних детей. В семье на тот момент было трое детей: старшему брату Ивану – 12 лет, второму брату – 4 года, а мне – 1 год и 6 месяцев. Братья отца тоже оставили жён с малолетними детьми. Как отец уходил на фронт, я не помню, ввиду своего малолетнего возраста. Но за время войны я подросла, и очень хорошо помню слёзы матери, бра-

та и других родственников, которые долго не имели известий с фронта. Отец тем временем был ранен в Сталинграде, возле «Дома Павлова», когда с одним бойцом пошёл в разведку. После ранения он был в бессознательном состоянии, его подобрала чужие люди: старушка с внучкой. Какое-то время они выхаживали его у себя дома, документов при нём не было. Когда наши начали наступать и дошли до того места, где отец находился, его в очень тяжёлом состоянии от потери крови отправили в госпиталь, где он пролежал 11 месяцев. Все уже думали, что он погиб.

Отца комиссовали, и он вернулся домой с разбитыми ногами и вырванными мышцами обеих ног, до колен. Помню, как брата забрали в училище ФЗО и домой не отпускали. Маму отправили рыть окопы, и мы с шестилетним братом Василием остались в доме за главных. Хорошо, что бабушка с дедушкой и сестра отца тогда жили рядом, а то бы мы пропали. Отец в то время не то что ходить – сидеть путём не мог. Ему нужно было менять повязки, так как раны кровоточили. Нам с братом объяснили, какие брать баночки и бутылочки с мазями и примочками. Самым трудным для нас было снимать окровавленные повязки. Намочим их, подождём, а они до конца не промокают, мы тянем, кровь как хлынет – он от боли закричит, а мы ещё сильнее плачем и орём, т.к. ему очень-очень больно. Отец пошёл на выздоровление, особенно, когда мама вернулась.

Другие братья отца тоже были серьёзно ранены. Егор Григорьевич пришёл с войны инвалидом, с пулей в голове, которую удалить было нельзя. Второй брат, Василий Григорьевич, тоже до смерти ходил с

пулей в сердечной мышце. Третий брат, Яков Григорьевич, пришёл после войны в сентябре 1945 г. без руки. От него очень долго не было никаких известий, потом пришла похоронка, думали, что он погиб. Сколько было выплакано слёз, и всё это мы, дети войны, видели и также плакали, надрывая детские сердца. Мой дядя живёт и по сей день. Ему в этом году исполняется 95 лет, как раз в год 70-летия Победы. Очень хорошо помню, когда и как он пришёл с войны. Это был сентябрь 1945 года. В этот день мы копали картошку где-то в поле. Солнце было уже на закате. Подходим к дому, к нам подбегает соседка и кричит: «*Яшка пришёл, Яшка пришёл!*». Отец выронил меня из рук. Кинулся к маме, которая упала в обморок, находясь на шестом месяце беременности. Было много слёз радости от его возвращения и горя, т.к. он был без руки.

Мы, дети довоенные, военные и послевоенные, пережили очень много тяжёлого и долго несли бремя войны на своих плечах.

Когда закончилась война, объявили по радио. Тогда в домах были самодельные радиотарелки. Весь народ и мы, дети, выбегали на улицу с криками радости и слезами на глазах. Обнимались, целовались, поздравляли друг друга. Многие, потерявшие отцов, мужей и детей, катались по земле с душераздирающими криками. На стадионе, хоть и не огороженном, проходил митинг, посвящённый окончанию войны, на котором мы присутствовали вместе с родителями, и так же, как и они, переживали о погибших.

После войны необходимо было восстанавливать, поднимать промышленность. Продовольственных

товаров в магазинах почти не было. Свободно купить ничего нельзя было, всё – по карточкам. Занимали очередь и ночами дежурили у магазинов. Было и холодно, и голодно. Бывали случаи кражи карточек, и тогда семья оставалась без хлеба. Мы, 5-10 летние дети, ходили на работу: собирали колоски, выколачивали из них зерно, толкли в ступе, а потом из этого готовили что-то съестное – суп или кашу. Из мёрзлой земли выковыривали картошку, из которой пекли оладушки. Отапливаться было нечем, хорошо, что по соседству, рядом с берегом р. Волги, размещалась шахта, откуда вывозили породу. В ней попадался и сланец. Вот этот сланец мы выбирали и носили в сумках очень высоко в гору, да ещё между собой соревновались, кто больше наберёт и принесёт. Чтобы согреться, спали под одним одеялом на брезентовом матрасе, о простынях и пододеяльниках мы даже и понятия не имели. Вечерами зажигали настроганные от полена лучины.

В семьях работали все. Я пошла работать в 14 лет, в пошивочную артель. На нас, молодых, трудовые книжки не заводили, да и об их существовании мы понятия не имели. Учёбу продолжали после работы, в вечерней школе. Много 16-17 летних шли на работу в шахту, в забой, где они работали на износ. Часто погибали: то вагонетками раздавит, то – обвал в шахте.

Несмотря на все трудности с продовольствием и одеждой, люди были совсем другими, не такими, как сейчас. Все жили очень дружно, старались помочь – кто делом, кто хлебом, делились с теми, у кого ничего не было. Особенно жалели детей, у которых отцы погибли на фронте. Ходили по деревням и меняли вещи

на еду, кому что необходимо. Наша семья тоже помогла «встать на ноги» двум девочкам, которые и в настоящее время называют нас своими спасителями.

В заключение необходимо сказать: очень хочется, чтобы о нас, о детях войны, не забывали, чтобы в стране как можно активнее проводилась работа по патриотическому воспитанию молодёжи. Люди, будьте добрее, терпимее и уважительнее друг к другу, и тогда у нас не получится, как на Украине.

ЭПИЗОДЫ ВОЕННОГО ДЕТСТВА

Геннадий Николаевич Чернышёв

Эпизод первый. Проводы. Когда началась Великая Отечественная война, мне было без малого три года. Но память всё-таки сохранила некоторые эпизоды тех военных лет. Они до сих пор сохраняются в ней и вспыхивают ярким светом, нарушая мерность текущей жизни и тревожа сердце. Я жил в то время в рыболовецком колхозе «15 лет РККА», что располагался на отлогом берегу центрального рукава Волги, в 56 км от Астрахани. Зовётся моё родное село Жан-Аулом. Память сохранила такой эпизод. Июнь 1941 г. На центральной улице села – две грузовые машины, урчат двигателями. В них садятся мужчины с котомками на спинах. Провожающие плотно стояли у дороги, рыдали, плакали, причитали, что-то кричали мужчинам. И вдруг воздух резанула песня очень голосистого мужчины, сохранившаяся в моей памяти:

*А вот скоро нас погонят,
Нас погонят на войну,
(последние строчки подхватывают все уезжающие):
Пулемётом нас покосят,
Как зеленую траву...*

Дав продолжительный гудок, машины двинулись в путь. Расстояние между машинами и провожающими всё больше увеличивалось. Наконец женщины, обданные дорожной пылью, остановились и, плача, рыдая, долго махали вслед уходящим машинам. Через час улица опустела, затихла. В окнах многих землянок ещё долго не гас свет керосиновых ламп.

Эпизод второй. Огненное зарево. Прошёл год тяжёлой войны. В село стали приходиться первые похоронки. Женщины собирались то у одной, то у другой землянки, где раздавался душераздирающий плач взрослых и детей. Всё чаще слышалось слово «Сталинград». Старики на завалинках дымили самокрутками. *«Дали прикурить под Москвой, – сказал дед Басманов, – дадим и у Сталинграда».* *«А ты уверен?»* – спросил его Фрол. *«Как пить дать. Узнает немчура нашу Кузькину мать».* – *«Дай-то бог»*, – подержали его старики.

Однажды августовской ночью я проснулся от какого-то гула. По беленым стенам и земляному полу в землянке прыгали красные и оранжевые пятна. Из родных никого не было. Выбежал на улицу, обдавшую меня теплом. На берегу Кизани группами стояли люди. Я отыскал маму. Все смотрели вверх по реке, где были Астрахань и Сталинград. Над Кизанью стояло сплошное огненное зарево. Огненные блики отражались в гладкой поверхности реки и на лицах моих

односельчан. Слышались глухие звуки мощных взрывов. Вцепившись в мамину юбку, я с ужасом смотрел на всю эту страшную картину и дрожащими губами спрашивал: *«Мам, что это? Пожар?»* Мать, плача и крестясь, ответила: *«Нет, сыночек, это немцы идут. Вон, видишь, где огонь, – она показала рукой на самый яркий всполох пламени, – там находится вторая Астрахань. Там высокие баки с нефтью, бензином и керосином. Немцы бомбят их и Сталинград. Если наши солдаты не устоят, фашисты придут и в наше село»*. Я ещё крепче сжал в своих кулачках мамину юбку и прижался к её ноге.

Эпизод третий. Всё плывёт в Каспий. Дня через 3-4 зарево над Волгой стало бледно-малиновым. Утром мальчишки и девчонки, все до одного, высыпали на берег Кизани. С ужасом смотрели на туго уплотнённое, от берега до берега, покрывало, медленно плывущее по течению к Каспию. Это были дымящиеся и тлеющие вата, тряпки, тюфяки, доски, разбитые лодки, вспухшие трупы людей, лошадей, коров, овец...

«А наши всё-таки выстояли!» – кто-то произнёс. Я оглянулся. Это дед Басманов: *«Видать, крепко дали немчуре!»*.

Недели через две река Кизань покрылась большим количеством лодок с загнутыми носами и кормами. В них группами сидели мадьяры. По двое – за вёслами, которыми они усиленно и часто гребли. В некоторых лодках сидели советские солдаты с оружием в руках. *«Навоевались, бедолаги. Вишь, как драпают!»* – опять радовался дед Басманов. Кто-то из ребятишек стал бросать в мадьяр камнями. Те прикрывались от

них руками и грозились. *«Не балуйте, ребяташки, – слышалось из одной лодки с советскими солдатами, – а то пальнём!»*.

Эпизод четвёртый. Женский бунт. Рыбачили в основном женщины да подростки-мальчишки 9-18 лет, рыбачили и некоторые девчонки. Из-за вёсел их было еле видно, а они, напрягая все свои детские силёнки и жилы, гребли против быстрого течения реки, вытаскивали из неё сети с крупной рыбой (осётры, севрюги, сомы, сазаны весили от 30 до 100 кг, а некоторые и более). Часто ранними утрами, чуть забрезжит рассвет, они шли в камыши собирать саранчу для наживки на сомовники, тянуть невод из воды и т.д.

Месяца через два после Сталинградской битвы к нам в село пригнали человек сто немецких военнопленных. Охраняли их солдаты с винтовками и автоматами. В основном немцы носили на носилках рыбу в цеха рыбоприёмного пункта, который в Жан-Ауле называли «Промыслом». В этих цехах были оборудованы чаны для замораживания и засолки рыбы. Периодически её в специальной таре грузили на баржу и отправляли в Камызяк – райцентр. Немцев заставляли заниматься и этой тяжёлой работой.

Однажды около полудня на «Промысле» вспыхнул женский бунт. Женщины окружили одного пленного солдата, кричали на него, били, чем только придётся: руками, веслом, шестом, румпальником (приспособление для руля у лодки). По лицу немца текла кровь, одежда на нём была изорвана в клочья, брюки и сапоги сняты, из них на пирс были высыпаны куски изрезанного судака. Немец, защищаясь руками, дрожащим голосом выкрикивал: *«Майн гот, фрау! Их бин ессен!»* (*«Боже мой,*

женщины! Я хочу есть!»). Однако женщин ничто не оставляло, они с визгом кричали: *«Ах ты, мразь, в наших мужей стрелял да ещё вздумал воровать у нас?!».*

Председатель колхоза, несколько работников конторы и «Промысла» старались отбить истязаемого у женщин. Охранник выхватил из кобуры пистолет и выстрелил вверх: *«Остепенитесь, женщины! Мы же советские люди. Неужели будем уподобляться этим извергам? Успокойтесь! Разберёмся и накажем судом. Разойдитесь по своим местам!».* Женщины, нехотя, стали расходиться. Через день мы больше не видели этих немцев в своём Жан-Ауле.

Эпизод пятый. Победа. Сельский монтер Павел Зайцев ещё до войны установил на центральной улице громкоговоритель, похожий на огромную трубу от граммофона. 9 мая 1945 г. из него на весь Жан-Аул разносились бравурные марши, военные песни, торжественный голос Левитана. Ребятишки ватагами бегали по улице и щебетали, словно воробьи. Всё это врвалось через распахнутую дверь в нашу рыбацкую землянку под камышовой крышей.

Меня, как гигантским магнитом, тянуло на улицу. Однако я не мог твёрдо встать на ноги. Они сами собой сгибались и казались ватными. Тело моё опухло от голода. Голова кружилась, в животе – боли и теснения. Пустая икота сдавливала грудь.

Мама, вбежав в землянку, радостно смеялась, обнимала и успокаивала меня: *«Потерпи, сынок. Сейчас я что-нибудь приготовлю, покормлю тебя. Вот крёстная твоя, тётя Граня, дала кусок тыквы и стакан муки. Ох, как ты у меня отощал. Теперь нам легче будет. Вот, глядишь, скоро и папа приедет с моря».*

А папа, находясь под бронью, вместе со своей бригадой ещё в начале войны был отослан на Каспий – ловить рыбу для фронта. Вернулись они только в марте 1946 г.

Из окна землянки иногда я видел, как по Кизани шёл какой-нибудь пассажирский колёсный пароход.

Дойдя до нашего села, он останавливался, давал приветственный гудок, и с его борта в рупор просили прислать лодку, чтобы высадить вернувшегося с фронта домой. Тут же в лодку прыгали члены его семьи и стремглав

летели к пароходу. Спускались в лодку вещи солдата, а потом и он сам. Сплетался в объятиях клубок встретившихся людей, пароход давал прощальный гудок. А вечером на пологом берегу реки, около прорезки, напротив сельского клуба, сооружался большой шатёр из рыболовецких парусов, и шёл в нём пир на весь мир в честь возвращения солдата-победителя.

Только через два года мама и сельский врач, Маргарита Алексеевна, поставили меня на ноги, и мне было разрешено пойти в первый класс нашей начальной школы. Я отстал от своих сверстников на два года. Но шёл в школу, благодаря родному дедушке Петру Тарханцеву умея читать не только книжки, но и газеты, из которых узнавал и сообщал бабушкам и всем неграмотным в селе о снижении цен на продукты и товары, что всех радовало. В 1947 г.

были отменены карточки на продукты. Весь Жан-Аул в очередной раз облегчённо и радостно вздохнул.

ЗАБЫЛА ПРО ОБУВЬ И В СЕЛЬСОВЕТ ПОБЕЖАЛА БОСИКОМ

Александра Алексеевна Шабаетва

Весной 1945 года я окончила первый класс. Никогда не забуду тот день, когда закончилась война. В школу идти было не в чем, не было обуви. Сажу дома и плачу. Приходит к нам председатель колхоза, спрашивает, почему я плачу. Я ему ответила, что в школу не в чем идти, что у меня нет обуви. Он мне сказал, что сегодня в школу идти не надо, т.к. закончилась война, и сейчас будет митинг возле сельсовета. Я забыла про обувь и побежала в совет босиком. Что там происходило, это словами не передать и не рассказать: кто радуется, кто плачет...

В нашей семье было четверо детей, мама, бабушка и папу на фронт взяли в январе 1942 г. В колхозе он работал комбайнёром, и у него была бронь, пока не обмолотит рожь. Старший брат, 1929 года рождения, стал работать конюхом в колхозе, а учиться продолжил после войны. Младший брат закончил всего 4 класса, выучился на шофёра, кем и проработал всю жизнь. Жизнь была очень трудной, и братья научились плести лапти, которые в нашей деревне были обувью на все времена года. Маме это было помощью, т.к. плели и на продажу, на вырученные средства покупали соль, а рынок от нашего села на-

ходил на расстоянии 20 км. Дедушка болел, а бабушка занималась всё лето заготовкой всякой травы для зимы. Потом тёрли картошку и добавляли туда клевер, лебеду, ореховые серёжки и липовые листья. Когда учились в школе, у нас не было ни книг, ни чернил, ни тетрадей. Чернила делали сами, из сажи. Вместо ручек, писали перьями, которые тоже делали сами: брали палочки и нитками привязывали к ним перья птиц. Школа была в 8 км от нашего села, ходили туда пешком каждый день, вставали в 5 утра. В лучшем случае, нам давали с собой покушать – картошку. Отучишься 5-6 уроков и опять обратно, домой, пешком 8 км. Дома мама в печи оставляла чугуны с похлёбкой.

Хорошо помню, как папа пришёл с фронта. Сначала все плакали, не могли поверить, что пришёл живой с войны и даже не раненый, а он ведь был сапёром. Бабушка так и сказала, что он родился в «сорочке». У него было много медалей и орден «Красной Звезды». Он прожил 72 года. Больше писать не могу...

Глава 3

ДЕТИ ВОЙНЫ ИЗ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

В истории Великой Отечественной войны героическая оборона Ленинграда – это трагическая и доблестная страница.

Ленинград продемонстрировал всему миру, на какое мужество и стойкость, самоотверженность способен советский народ. Одержатъ победу над немецко-фашистскими захватчиками Ленинграду помогла вся многонациональная Советская страна.

Блокада Ленинграда продолжалась 872 дня.

БЛОКАДА

*В тринадцать лет познала я войну:
Бомбежки, артобстрелы, голод, холод.
Разрушен наш великий город,
Но умереть не суждено ему!*

*Я помню жуткие картины:
Без хлеба, света и воды
Замёрзший город и руины,
В объятьях страха и беды.*

*Унылые, полуживые тени
Брели за хлебом и водой,
Чтоб встретить новый день
С надеждой и тоской.*

*А если сил уж не осталось
И нет желанья утром встать,
Все знали: это – дистрофия,
Подходит время умирать.*

*Так вымирал огромный город.
Не стало близких и родных.
Совсем уж мало оставалось
Таких дистрофиков в живых.*

*Да разве передать то горе,
Что выпало на нашу долю!
Откуда люди силы брали?
В таком аду! Но выживали.*

*И разве всё опишешь здесь,
Когда людской беды – не счесть.*

Во время блокады связь с «Большой землёй» осуществлялась воздушным путём и по Ладожскому озеру – этот путь называли «Дорогой жизни».

ДОРОГА ЖИЗНИ

*Десятый месяц, как идет война.
И нет ей ни конца, ни края.
Погибло все, разрушены дома
И люди умирают, умирают.*

*Как тяжело и тревожно на душе.
Мы покидаем дом и край родимый.
По Ладогге. В машине. Налегке.
Уносимся мы прочь дорогой длинной.*

*А сколько ещё горя впереди?
Не ведали и ничего не знали.
Но всё сумели мы перенести.
Детей своих и внуков воспитали.*

Дата 27 января 1944 года – день снятия блокады Ленинграда, является важной и значимой не только для жителей северной столицы, но и для всех людей, которые некогда так мужественно, так яростно отстаивали свой город, не дав фашистам захватить над ними власть, несмотря на все жесточайшие трудности и лишения, которые им пришлось перенести. И мы не должны забывать о том тяжелейшем времени, которое выпало на долю наших бабушек и дедушек, героически сопротивлявшихся нечеловеческой злобе и ненависти фашистской армии.

ДОЧЕНЬКА, Я ПРИЕХАЛ В ПОСЛЕДНИЙ РАЗ...

Ольга Ивановна Барбаш

Родилась я в Ленинграде в 1932 году. Под Ленинградом, на хуторе, у нас была дача – большой дедушкин дом. Мы там жили всё лето.

С самого начала войны пригороды Ленинграда систематически бомбили и обстреливали немцы. Мы прятались в подвале. Но в августе 1941 года пришлось вернуться в Ленинград. Однажды мама послала меня на дачу одну. Но до дачи я не доехала. Налетели немцы и начали стрелять по электричке. Люди стали выбегать из вагонов, побежала и я. Самолёты летели очень низко, и лётчики видели, что бегут женщины и дети, но всё равно продолжали стрелять. Сделав три круга над нами, они улетели. Земля была усеяна убитыми и ранеными. Меня ранило в ногу. Было очень больно, я плакала, звала маму. Меня увидел военный, подхватил на руки и донёс до леса. Я была вся в крови, стопа висела на коже. Военный перевязал мою ногу и понёс меня к посёлку. Там оставшихся в живых погрузили на машину и повезли в Ленинград. Но снова началась бомбёжка, и нас оставили в Красном Селе. Я долго лежала на носилках, покрытая брезентом. Домой я так и не вернулась – попала в больницу, где мне сделали операцию.

Папа долго искал меня среди убитых. Всё спрашивал: *«Не похоронили ли маленькую беленькую девочку девяти лет, с косичками?»*. Но никто ничего не

знал обо мне. В больнице я написала записку родителям и попросила, чтобы им сообщили обо мне.

17 сентября пришёл ко мне папа и сообщил, что мама умерла. Перед смертью она очень хотела увидеть меня. Но я даже не смогла быть на её похоронах. Была бомбёжка, да и ехать не на чём, поэтому папа не взял меня. Я осталась во дворе, на костылях, и вся в слезах.

Нога не заживала, началась гангрена. Меня перевели в военный госпиталь на 27-ю линию Васильевского острова, где сделали вторую операцию и наложили гипс. В госпитале я пролежала 9 месяцев, рана из-за голода заживала плохо. Три года я ходила на костылях, но ногу врачам удалось сохранить.

Я до сих пор помню, как папа приезжал ко мне в больницу последний раз – 1 декабря 1941 года. Он привёз мне две котлеты из конины. Я по сей день казню себя: зачем я взяла эти котлеты, надо было оставить их папе. Конечно, я понимаю, что они не спасли бы ему жизнь. Но все равно ругаю себя и плачу при воспоминании об этом. А папа чувствовал, что скоро умрёт. Он весь опух от голода. Прощаясь, сказал мне: *«Доченька, наверное, я приехал в последний раз»*. Больше я его не видела.

16 апреля 1942 года меня отправили в детдом №85, на канале Грибоедова, так как не было в живых ни брата, ни папы. 22 июня 1942 года наш детский дом эвакуировали из Ленинграда. Наша воспитательница Лидия Михайловна Лотман написала песню, и мы в ожидании отправки нашей баржи распевали её:

*Крутится, вертится наш пароход,
Скоро от пристани он отойдет.*

*Должен в четыре он отойти,
Доброго все нам желают пути.*

Согласно графику движения, наша баржа должна была отправиться через определённое время после баржи с детьми детского сада. Мы ещё в ожидании! Внезапно появились в небе три фашистских самолёта и открыли огонь по барже с детсадовскими детьми. Баржа с детьми затонула. Наши воспитатели очень нервничали. А когда наша баржа достигла места страшной трагедии, мы увидели плавающие детские панамы и игрушки. Все были в шоке, у некоторых – истерика. Мы всё же благополучно добрались до противоположного берега Ладожского озера.

В пути Лидия Михайловна сочинила ещё четверостишие и поручила мне прочитать его перед всем коллективом.

*Под грохот снарядов, зенитной пальбы
Город любимый оставили мы,
Где множество кладбищ наших детей,
Ближних, родных и матерей.*

Дальше наш путь лежал в Куйбышевскую область. До Ярославля мы доехали на поезде, а дальше, по реке Волге, до Ульяновска. Из Ульяновска на поезде мы наконец-то добрались до станции Погрузная Куйбышевской области. Здесь нас встретили руководители Кошкинского района, директор и воспитатели детского дома №51.

В детском доме я прожила 3 года. Здесь нас всегда окружали доброта, душевное тепло и внимание

директора, воспитателей и всего персонала детского дома.

Помимо учёбы в сельской школе, у нас было много обязанностей в детском доме. Мы дежурили на кухне – помогали повару, накрывали на стол, убирали посуду и мыли её, проводили уборку всего помещения детского дома, а в летние и зимние каникулы работали на лесозаготовках – рубили деревья под корень, распиливали их, обрубали сучья, кололи на дрова и укладывали. Это был очень тяжёлый труд. Девочек обучали шить, вязать, вышивать, а мальчиков – ремонтировать и другим мужским делам. А какая у нас была прекрасная художественная самодеятельность! На наши представления-концерты сходилось много сельчан. Прошло много лет, но связь с некоторыми детдомовцами поддерживаем и сейчас. С большой благодарностью вспоминаем весь персонал детского дома.

В 1945 году руководство детдома трудоустроило на 4-й ГПЗ города Куйбышева много ребят. Среди них была и я. Работали мы на станках под руководством мастера – точили болты и гайки. Отношение к нам было очень душевное, внимательное.

В один из прекрасных воскресных дней заместитель директора завода по кадрам Михаил Семёнович Гринвальд, работавший ранее начальником нашего цеха, пригласил меня в гости в свою семью. Его жена, Валентина Яковлевна, встретила меня очень доброжелательно. Такие посещения их семьи в дальнейшем стали частыми, а через какое-то время они мне предложили стать членом их большой семьи. У них было четверо детей. В этой семье мне было всег-

да тепло, уютно. Я приобрела семью, в которую мне всегда хотелось идти с большим желанием. И сейчас, уже на протяжении 70-ти лет, с членами этой семьи мы поддерживаем родственные, дружеские отношения, хотя они теперь живут в Москве. Я очень благодарна этим людям – членам моей семьи.

По совету Михаила Семёновича я окончила, без отрыва от производства, сначала вечерний техникум, а затем – политехнический институт. Проработала в филиале 4-го ГПЗ 47 лет, из них 32 года возглавляла бюро технического нормирования. За многолетний безупречный труд имею много поощрений и наград.

С детским домом в селе Кошки Кошкинского района, где я была воспитанницей 3 года, я уже 70 лет продолжаю общаться. Педагог Лидия Петровна Козлова организовала музей блокадных детдомовских детей. Это очень трогательно. Мы общаемся с ней до сих пор, часто перезваниваемся. Она приезжает из Кошек в Самару ко мне в гости.

Я благодарна судьбе, что на моём жизненном пути встречалось много хороших, добрых, душевных людей.

ВЫЖИЛА!!!

Екатерина Александровна Белоглазова

Родилась я в 1935 году, в конце ноября, на начало войны мне было пять с половиной лет. Папа умер в 1938 году в больнице, внезапно, от укула, он служил в РККА. Мы жили на окраине Ленинграда, сейчас это Гражданский проспект, недалеко от Пискаревского

кладбища и военного аэродрома. С одной стороны везли на саночках покойников, с другой – бомбили. Мама работала в политехническом институте, который эвакуировался вместе со студентами, а она не поехала, так как уже была больная, осталась в городе, получая так же, как и я, иждивенческую карточку на 125 граммов хлеба. Мы с мамой были обречены на голодную смерть.

Для нас, детей, также кончилась мирная жизнь, мы вместе со взрослыми чувствовали страх войны, холод, голод, слёзы, не было воды, света. Мама старалась, как могла, выжить, и главное – боролась за мою жизнь, отдавая часть своего хлеба мне. Что-то из вещей удавалось продать, поменять. Она кипятила воду, бросала маленький кусочек хлеба, приговаривая: *«Кушай, дочка, суп, он очень вкусный»*. Такой суп согревал тело и хотелось спать. Однажды, вместо хлеба, мама принесла дуранду, большую лёгкую лепёшку. Я её откусывала маленькими кусочками и долго-долго держала во рту, пока не рассосётся, чтобы дольше ощущать чувство еды.

Однажды, зимой 1942 года, к нам пришли соседи – искали кошку, на что я ответила, что мы её не всю съели. Мама шла на всё, боролась за каждый день, чтобы продлить жизнь мне, а сама еле держалась. Её не брали ни на какие работы, она была вся опухшая, отёкшая.

Подружки мои умирали, сначала – Тамара, а потом – Люсенька. Мы уже не ходили играть вместе, нам было не до игр, ночами бомбили, днём мы прятались под кровать и там засыпали. Каждую ночь – гул немецких самолётов и свист падающих бомб, дикий

страх: у нас, на «Гражданке», не было бомбоубежища. Всё время хотелось есть, часто заглядывала во все уголки кухонного стола, шкафы, полки – нет ли там хоть каких-нибудь крошек. Так проходил день в поисках крошек, это и было времяпрепровождение, вместо игр.

Всю зиму 1941-1942 года не выходила на улицу: был сильный мороз, а дом – деревянный, его надо было отапливать. Мама отрывала за домом доски от сарая, топила печку, грела воду, мы пили горячую воду, вместо чая. К весне от сарая ничего не осталось. В комнатах сожгли стулья, стол, стало пусто, но на кухне ещё были стул и две табуретки. Окна были заклеены, а ночью плотно закрывались. Часто приходилось просыпаться от гула немецких самолётов и от сотрясения земли и дома.

Мама умерла 1 июля 1942 года. Я проснулась ночью от холода, темноты. Старалась разбудить маму, плакала, просила, чтобы она проснулась, но потом поняла, что она умерла. До вечера просидела дома около мёртвой мамы, а когда стемнело, пошла к соседям, у которых умерла недавно моя подружка. Они работали на Кировском заводе. Было совсем темно, я постучала в окно. Тётя Лена вышла, всё поняла, заплакала, обняла меня, напоила чаем и дала маленький кусочек хлеба, уложила спать.

А утром 2 июля отвела меня в детский дом. Там дали целую ложку манной каши, и мы, дети, макали ложку в кашу обратной стороной и облизывали кашу, макали и облизывали, но скоро каша кончилась, и нам дали сладкий чай. Я тихо плакала от такой вкусной еды, давно не ела кашу и не пила сладкий чай.

Мы забыли, что такое молоко, сахар, кроме хлеба, ничего не ели, да и хлеб был – половина муки, а остальное – всякие добавки, но и он был спасением – 125 граммов каждый день.

9 июля наш детский дом эвакуировали через Ладожское озеро. Детей передавали по цепочке в трюм парохода. Когда пароход отплыл, налетели два немецких самолёта и начали стрелять, бомбить. Был страшный

грохот, рёв, свист падающих бомб, дети кричали, плакали, пароход заваливался то на один бок, то на другой. Это был ад. Я потеряла сознание, не помню, как ехали дальше, очнулась – сижу на телеге вместе с детьми. Все смотрят в одну точку, на торбу, от которой идет запах вкусного хлеба. Дети сидели тихо, не плакали, руки были в нарывах, на голове нарывы, гной, вши, худые, синие, ввалившиеся глаза. Женщины встречали телегу с детьми, плакали, протягивали нам хлеб, лепёшки, яблоки, а возница отгонял всех кнутом и кричал, чтобы ничего не давали, а то мы умрём. Он достал из торбы лепёшку и дал нам по маленькому кусочку, каждому ребёнку, и мы держали эту вкуснейшую крошку во рту и не жевали, сосали.

В Куйбышеве нас поместили в детский дом. Воспитатели выгрузили тряпочные раскладушки, кастрюли, бельё и горшки. Детдом был дошкольный, от трёх до семи лет. Нас посадили под куст акации, и мы объели

все листочки, пока нам варили кашу. Осенью меня отправили в школу, так как я была самая старшая, хотя мне и не было семи лет, весь первый класс я проспала, до такой степени была ослабевшая, но буквы выучила. А к весне у меня открылся туберкулез, и меня перевели в туберкулезно-санаторный детский дом. Там собрали всех детей, болевших туберкулезом лёгких, костей, органов, желез. В этом детском доме было очень хорошо, там были свои сады, огороды, поля, теплица, скотный двор.

Был 1943 год. Война еще продолжалась. Но мы, дети, были уже сыты, одеты и чувствовали заботу. Нас приучали к посильному труду: мы убирались в комнатах, пололи грядки, поливали огурцы, помидоры, сушили ягоды на зиму. Была большая столовая вместе с кухней, ребятишкам давали три раза в день по столовой ложке рыбьего жира. Нас всех отмыли, подстригли, вывели вшей, откормили, и постепенно мы стали поправляться.

Зимой к нам приходили учителя, мы учились. У нас в этом детском доме были всякие кружки, девочек учили шить, вязать, вышивать, у мальчиков была столярная мастерская. Занимались художественной самодеятельностью: ставили пьесы, танцы, пели хором. Была библиотека, патефон с пластинками, отмечали праздники: Новый год, 1 мая и 7 ноября. В классе, по очереди, читали вслух книги: «Молодая гвардия», «Зоя Космодемьянская», «Лиза Чайкина», «Повесть о настоящем человеке». До 14 лет я жила в этом детском доме, вылечили туберкулёз, научили шить, вязать, вышивать и читать книги.

Всё, что нам дали в детском доме, пригодилось

в жизни, воспитатели нас не обижали, а наоборот – вкладывали в нас душу, мы их любили и помним всю жизнь. Но голод меня сопровождал очень и очень долго – до 40 лет. В этом возрасте мы встретились в детском доме с директором и воспитателями. Какая была радость! Увидели себя взрослыми, я уже была бабушкой. Первый вопрос мой был: «Ну что, наелись?».

Только в 40 лет я ощутила чувство сытости. Сколько лет блокада, голод не давали себя забыть! Всю жизнь у меня язвенная болезнь, сердце, а сейчас болит позвоночник. Но я все равно считаю себя счастливой. У меня две замечательные дочери. Всё, что я не смогла получить в жизни, я дала им. У них хорошие дети (мои внуки), и у них внуки, а у меня – правнуки.

Я ветеран труда, ветеран войны. Мне было 16 лет, когда я начала работать, и в 55 лет уволилась, чтобы нянчить внука.

Мы, дети блокадного Ленинграда, достойно прожили свою жизнь и после себя оставляем достойную смену. Я горжусь своей семьей.

ТЫ СЛЫШИШЬ, РАЗОРВАНО ПРОКЛЯТОЕ КОЛЬЦО!

Лидия Ивановна Большакова

К началу Великой Отечественной войны мне было 12 лет, сейчас – 86! В мае 1941 года я окончила 4 класса и нас, школьников, увезли отдыхать в пионерский лагерь под Ленинградом, станция Торбино. Лагерь был очень красивый: «домики-теремки». Но

отдыхать в этом красивом месте пришлось недолго. Сначала воспитатели сказали нам, чтобы мы не ходили поодиночке. Потом попросили написать домой письма, чтобы приехали за нами родители и увезли домой. Ожидая родителей, мы играли на спортивной площадке, а в это время немцы уже подходили к Ленинграду и бомбили железнодорожные пути.

За мной приехала бабушка. Когда мы возвратились в город, я увидела его совсем другим: строгим и серым. Люди шли с опущенными головами, некоторые – с противогазами через плечо. По Невскому проспекту везли аэростаты. На душе стало как-то беспокойно. Именно в этот момент уходило наше детство, и начиналась совсем другая, взрослая, жизнь. На следующий день бабушка привезла из другого детского лагеря моего брата Колю, которому было 8 лет.

Папа ушёл на фронт. Я помню: он надел свой красивый серый костюм и сказал мне с братом, что сейчас сходит в военкомат и вернётся. Мы его долго ждали, но папа так и не вернулся. Потом от мамы мы узнали, что его отправили на фронт.

Немцы очень быстро подошли к городу, захватили Пулковские высоты, и сразу начались бомбёжки и обстрелы города. 8 сентября 1941 года фашисты полностью окружили город с суши, и началась блокада. Сразу же разбомбили Бадаевские склады, где хранились все продукты для города, и начался страшный голод.

Маму направили на работу: строить оборонительные сооружения вокруг города и в самом городе. Я училась в школе №209, которая находилась на улице Восстания. Помню, что в 1941 году очень рано начались сильные морозы. В школе, как и дома, было очень холодно, сидели в классах одетые в пальто, в рукавицах.

Как-то я сидела дома и на подоконнике писала в тетрадке домашнее задание. Начался обстрел. Снаряд попал в гостиницу «Северная», что располагалась напротив нашего дома. Взрывной волной у нас в квартире выбило стёкла. Они посыпались мне на голову, попали на тетрадь и чернила смазались. Я стала плакать, но не от боли, а потому что не было сил переписывать. Кроме уроков, нам, детям, давались другие поручения: обойти квартиры в своём доме, и выяснить, нет ли там умерших. Если мы находили умерших, то сообщали об этом дворнику, который закутывал их в простыни и вывозил на фанерках к больнице имени Куйбышева. В нашей коммунальной квартире умерла соседка, и мы с братом Колей отвозили её тело к этой же больнице. Однажды, обходя квартиры, мы с подружкой увидели, что на кровати лежит мёртвая молодая женщина, а по ней ползает маленький ребёнок. Мы его завернули в одеяло и передали дворникам.

Детям также поручалось заполнять водой бачки в бомбоубежищах. За водой мы ходили за два квартала, на ул. Пушкинскую. Там воду можно было набрать из открытого колодца. Воду черпали ковшами, в бидончики. Пока поднимали её, часть воды проливалась и, замерзая, она образовывала ледяную гор-

ку. Нам, детям, чтобы набрать воды, надо было лечь на живот и ползти по этой ледяной горке. Так что домой мы приходили все мокрые и замёрзшие. Дома отапливались «буржуйками». На топливо шла мебель, отковыривали паркет от пола. Немного погревшись дома, переодевшись в сухую одежду, шли в очередь за хлебом. Иногда в очереди приходилось стоять с утра до вечера. Случалось и так, что очередь подойдёт, а хлеб кончится. Ходить за хлебом и другими продуктами было моей обязанностью. Постепенно норма хлеба уменьшилась до 125 граммов. Мой брат, получив свой паёк, тут же съедал весь свой хлеб. А когда мы приходили домой, то полученный хлеб разрезали на маленькие кусочки и сушили на «буржуйке», для того, чтобы потом держать их дольше во рту, рассасывая, как конфетки. Брат в это время грустно смотрел на наши кусочки: ведь он уже съел свой паёк, и просить наш хлеб ему было не очень удобно, но мы с бабушкой его жалели и делились.

Как-то раз я стояла в очереди за хлебом, было уже темно, а хлеб ещё не привезли. Напротив магазина, на Лиговском проспекте, загорелся госпиталь. Увидев пожар, вся очередь двинулась спасать раненых, которые, опираясь на наши худенькие плечики, с костылями выходили на улицу. Так мы помогли спастись многим раненым.

В ноябре 1941 года начался страшный голод. Люди стали заболевать дистрофией. В аптеке появились пакеты с сосновыми иголками, их покупали и заваривали как чай, чтобы не было цинги. Началась самая холодная и блокадная зима. Продолжались бомбёжки, обстрелы и изматывающие морозы. Согреться

возле «буржуйки» стало мечтой. Не было сил даже собирать дрова у разрушенных домов или ломать мебель. Дома было холоднее, чем на улице. Мы говорили себе, пойдём греться на улицу. Накидывали на себя одежды, сверху – одеяла и шли на улицу.

Кроме холода и голода, ещё одним тяжким бедствием была окружавшая нас темнота. В вечерние и ночные часы город погружался в непроглядную темноту. Спасаясь от бомбёжек, все должны были закрывать окна чёрными шторами, чтобы ни малейшего света не проходило на улицу. Хотя электричества в домах не было, люди освещали свои квартиры коптилками, но даже этот свет не должен быть заметен с улицы. И мы, подростки, обходили дом вокруг и следили за этим. В темноте люди потихонечку передвигались по сугробам и наледям. Чтобы не наткнуться, друг на друга, на груди пальто прикрепляли «светлячки», которые светились, сине-зеленоватым светом. Так люди ориентировались в темноте и обходили друг друга.

Однажды я засиделась у школьной подруги до темноты. Возвращаясь, домой, зашла к себе в подъезд. Там я увидела много «светлячков». Люди стояли, молча, некоторые лежали. Я попыталась пройти сквозь них. Но не получилось. Мне пришлось переползти через этих людей, чтобы попасть домой. А утром я от дворников узнала, что из нашего подъезда вывезли, целую машину трупов. Люди замёрзли, спрятавшись от обстрелов.

После страшной суровой зимы пришла долгожданная весна 1942 года. Мы её ждали, как победу. Пригрело солнышко, и люди потянулись на улицу. Многие

так изголодались, что узнать их было невозможно, так я не узнала свою подругу Клаву. Люди стали потихоньку разгрести снег, под которым иногда находили трупы людей, которые срочно вывозились, чтобы соблюсти санитарный режим. Когда стало немного теплее, желающим раздали семена для выращивания овощей прямо на газонах. Когда овощи созрели, их снимали только те, кто сажал. Другие не посягали на чужой труд. В городе пошли первые трамваи. Мы с братом обрадовались, пошли на остановку смотреть на трамвай. Трамвай подъехал к остановке, в нём было полно народа. И в это время в него попал дальнобойный снаряд, от которого трамвай разлетелся на куски, и все люди погибли, а нас взрывной волной откинуло к стене близлежащего дома.

Этой же весной открыли баню. Чтобы в ней помыться, нужно было отстоять огромную очередь. Перед входом в баню был киоск, где мы получали небольшой, 5х5 см, кусочек мыла. Помывочное отделение было одно, и туда пускали, по очереди, человек по десять, всех подряд: мужчин, женщин и детей. Когда мы разделись и посмотрели друг на друга, увидели, что вокруг ходят скелеты, обтянутые кожей. Я подружке Зине сказала, что у неё шея чёрная, как голенище сапога. Она мне в ответ: «Ты на свою погляди». Люди передвигались по отделению медленно. Брали тазики и шли к крану. Воды наливали по чуть-чуть, потому что сил донести до лавки много воды не было.

С самого начала блокады люди ждали и надеялись на скорейшее наступление наших войск. И, наконец, 27 января 1944 блокада была снята полностью. Из репродукторов звучал голос ленинградской поэтессы

Ольги Бертгольц, которая передавала на «Большую землю»: «О, дорогая, далёкая! Ты слышишь, разорвано проклятое кольцо». А вечером, был салют, и тёмное ленинградское небо впервые осветилось огнями праздничного фейерверка.

После перенесённой блокады я тяжело болела и врачи два месяца ходили ко мне домой. Потом ещё три месяца пролежала в больнице. Врачи поставили на ноги. И в 1951 году я вышла замуж за выпускника

Военно-морского училища и участника войны. В 1960 году вместе с мужем переехали жить на его родину, в г. Куйбышев, где я и проживаю в настоящее время.

ВРАЧИ ВОСКРЕСИЛИ ИЗ МЁРТВЫХ

Галина Петровна Верещагина

В нашей семье было пятеро детей. К началу Великой Отечественной войны старшей сестре не исполнилось и четырнадцати лет. Младшему брату – восемь месяцев, а мне – шесть лет. Вот с таким богатством осталась наша мама. Отец, кадровый военный, с первых дней войны был на фронте. Больше мы его не видели.

Большинство семей комсостава проживали в посёлке Лебяжье, на территории гарнизона, и лишь

несколько семей, в том числе и наша, – вне его. При приближении фашистов в одну из ночей матерей с детьми срочно вывезли в Ленинград. Детей с детскими домами эвакуировали, а жён комсостава оставили в городе – для строительства оборонительных сооружений. О тех, кто проживал вне гарнизона, в спешке просто забыли. Так мы и остались во вражеском кольце. Эвакуировали нас на «Большую землю» лишь весной 1943 года. Переправлялись мы на одной из барж, которые шли в связке, на небольшом расстоянии друг от друга. Никогда не забуду эту трагическую переправу. Немецкие самолёты очень сильно бомбили. От разрывов бомб всё вокруг ревело и пенилось. После каждого налёта барж оставалось всё меньше и меньше. Страшно – ведь там были раненые и дети. До берега добрались лишь четыре баржи. Ночью нас посадили в товарные вагоны, а на рассвете, когда поезд шёл по мосту через Волхов, – вновь бомбёжка. Нет ничего более жуткого, чем быть беззащитным на громадном мосту. Но нам и на этот раз повезло.

Эшелон ехал на Урал. На каждой остановке с поезда снимали трупы. В вагоне вместе с нами ехала семья – мать, бабушка и трёхлетняя Ирочка. Взрослые умерли. В течение всего пути до конечного пункта эвакуации – Камышлова Свердловской области – наша мама не оставляла Ирочку без внимания. Потом её определили в детский дом, но и там мама часто её навещала.

В Камышлове при разгрузке вагонов в первую очередь выносили умерших. Их раскладывали возле вагонов прямо на снегу. Среди них лежала и я. Спас мне жизнь счастливый случай. Эшелоны с эвакуиро-

ванными ленинградцами обязательно встречали медики. Обходя ряды мёртвых, врач, как рассказывала мама, почему-то направилась прямо ко мне. Подставила к моему рту зеркало и тут же распорядилась поместить меня в «скорую». Так я оказалась в военном госпитале, очень долго там пролежала, а лечилась я у госпитальных врачей до самого возвращения в Лебяжье – до 1946 года. Здесь в моём воспитании принимали тёплое участие и раненые, и медицинский персонал. Благодаря им я получила начальное образование.

В 1946 году, вернувшись в гарнизон, где служил папа, пошла в школу. Школа – летнее деревянное здание, стоящее на берегу Финского залива, оно продувалось всеми ветрами и отапливалось одной печкой. Было очень холодно в классах. Температура не превышала восьми градусов ниже нуля. Чернила замерзали в чернильнице.

Старшее поколение, по возможности, всегда оберегало нас. Так мне удалось окончить 7 классов. Не могу не вспомнить с большой благодарностью прекрасных людей из Лебяжьего, которые помогли нам после возвращения выжить второй раз. Наши доверенные соседи бесплатно дали нам мешок картошки, для посадки и еды, и помогли вскопать землю. Они постоянно поддерживали нашу семью, пока мы не окрепли. Моя любимая учительница, Мария Борисовна, в течение двух лет отпаивала меня козьим молоком, зимой сажала в классе вблизи печки. Весной она подарила нашей семье козочку. А какой праздник устроила Мария Борисовна всему нашему классу в день отмены карточной системы в 1947 году! Она со-

брала у всех нас наши копейки и, конечно, большую часть денег добавила от себя. Все вместе мы пошли в хлебный магазин. Она купила несколько буханок ржаного хлеба и разделила на всех. Мне кажется, вкуснее и ароматнее этого хлеба я никогда ничего больше не ела.

Судьба Ирочки, которая ехала с нами в эвакуацию, сложилась хорошо. Вместе с детским домом она позже вернулась в Ленинград. Окончила техникум, потом институт. Она всегда была желанной гостьей в нашем доме, и мама при необходимости ей помогала.

Думаю, выжили мы в то страшное военное время, благодаря силе духа нашей замечательной мамы и прекрасным людям, которые не бросили нашу семью в беде. Спасибо поколению наших родителей – они настоящие люди!

В 1948 году я переехала в Ленинград, где жила старшая сестра, и поступила в медицинское училище. Муж сестры был офицером Советской Армии. В 1950 году полк, в котором он служил, перевели в Эстонию. Переехала и я с ними. Там я работала и училась по вечерам в школе рабочей молодёжи. Окончила 10 классов. В 1957 году вышла замуж, а в 1960 году родился сын. В этом же году муж демобилизовался, и мы всей семьей оказались в Куйбышеве, где проживала его мама. Здесь я работала на заводе «Металлист», вначале секретарём, затем нормировщиком. Одновременно училась вечерами в энергетическом техникуме. После окончания его, в 1971 году, перевелась по специальности на завод им. Масленникова. Работала в отделе стандартизации контролёром высокочастотной аппаратуры.

В 1986 году я вышла на пенсию. Растила внука, и с 1993 года занималась общественной работой в Самарском отделении общества «Жители блокадного Ленинграда». С 1996 года по настоящее время — бессменный секретарь городского отделения общества «Жители блокадного Ленинграда» и, кроме того, председатель общества Железнодорожного района. Участвую в патриотическом воспитании подрастающего поколения, проводя беседы в школах, в ПТУ, техникуме железнодорожников и в вузах. Рассказываю о страшных днях блокады Ленинграда, героической обороне города, о моей жизни в блокадном Ленинграде, о том, как наши отцы и мамы в тяжелейших условиях сохранили нас для будущего.

Мой отец не вернулся с войны, а мама смогла сохранить пятерых детей и дать всем образование. Мы благодарны нашим родителям.

ВОТ ТАК МЫ И ЖИЛИ

Галина Филипповна Зайцева

В тот год, когда началась война, мне исполнилось четыре года, а брату два. Жили мы в то время в Ленинграде. Папу взяли в ополчение рыть окопы, мама помогала в госпитале, а мы с братом находились под присмотром соседей, где были ещё другие дети и старики. Когда немцы подошли к Ленинграду, отца взяли на фронт.

В городе наступил голод. Каждый день умирали тысячи людей. Жители находились на грани жизни и смерти. Хлеба давали по 200 г рабочим, по 125 г служащим, иждивенцам и детям. И хотя это было жалким подобием настоящего хлеба, изготовленным из смеси муки, целлюлозы и опилок, но мы были рады и такому.

Дома не отапливались, у некоторых были самодельные буржуйки, сделанные из железных бочек, их отапливали книгами и мебелью, в ход шли столы, стулья, книжные полки и др. Соседи собирались в одной квартире, чтобы согреться, вместе было теплее и не так страшно. Воду приносили из Невы – тот, кто ещё мог ходить.

Когда стало совсем плохо, детей пытались, пока это было можно, как-то вывезти из Ленинграда. Нас посадили в поезд на Ташкент. Было много детей и стариков. Но далеко мы не уехали, появился фашистский самолёт и стал бомбить. Поезд остановился, и люди, кто мог бежать, бросились в лес. Скитались больше суток, вышли опять к железной дороге, старались держаться все вместе.

Через некоторое время услышали шум поезда, который шёл на Урал, вёз оборудование на завод, но в это время опять появился самолёт, и мы снова побежали в лес. Когда всё поутихло, появились военные, они искали среди беженцев врача для оказания помощи раненым солдатам. Мама сказала, что она медик, но не хирург, а фельдшер-акушер, но помощь раненым оказывать может.

Поначалу нас не хотели брать, всё же поезд вёз военное оборудование, а тут дети... Но мама без нас, конечно же, уехать не могла, и нас взяли. Так

мы вместо Ташкента попали на Урал, в город Красновишерский Пермской области. По дороге мы с братом сильно заболели от блужданий в лесу. У него было воспаление лёгких, а я подхватила тиф. Меня хотели снять с поезда, но военный врач сжалился и оставил меня, поместив в тамбуре на ящиках. В поезде было очень холодно, был ноябрь месяц.

Когда добрались до места, врач сказал маме, что сына нужно отправить в больницу, а меня в морг, т.к. я все равно не выживу. Когда приехали в больницу, я не подавала признаков жизни. Так я и попала в морг. Утром, когда мама пришла с одним из санитаров, чтоб забрать и похоронить меня, то от увиденного потеряла сознание. А санитар побежал за врачом. Пришедший врач увидел такую картину: я сижу на нарах и сосу свою пятку, а кругом на полу и на нарах покойники. Он привёл маму в чувство и сказал: «Ну, мать, твоя дочь будет жить долго-долго».

Меня завернули в одеяло и унесли в палату. Соседкой была очень больная женщина, которую звали тётёй Лидой, а её мужа забрали на фронт. Она была человеком удивительной душевной доброты и, хотя сама была очень слабой, старалась нам хоть в чём-то помочь. Рассказала соседям. И они стали приносить одежду и тоже помогать чем могли.

Мама работала в госпитале и ухаживала за тётёй Лидой. Когда ей стало совсем плохо, врачи вызвали мужа с фронта на три дня на побывку. Поговорив с врачами и поняв, что жена неизлечимо больна, он уговорил маму ухаживать за ней и жить в их квартире.

Так и жили – мы в одной комнате, а они в другой. Через три дня перед отъездом на фронт он отдал

маме карточку, по которой военным выдавали продукты, чтобы мы все смогли прожить. Жена его прожила два с половиной месяца и умерла. Мама с соседями похоронили её, а мы остались жить в этой квартире.

Весной 1943 г. вернулся с фронта папа, весь израненный, на костылях, лечился в нашем госпитале. Чуть отдохнув, начал сапожничать, мама обшивала соседей, и нам жить стало немного легче. В 1944 году родилась сестрёнка Света, и в декабре месяца мы вернулись в Ленинград. Город был разбит немцами, всех, кто не имел жилья, селили в солдатские казармы, где размещались военные до войны. Это были коммуналки по 16 семей на одной кухне.

ЁЛКА В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Ада Матвеевна Коптева

Когда началась Великая Отечественная война, мне шёл восьмой год. Мы жили в пригороде Ленинграда (Тосненский район), где отец работал начальником планового отдела завода, мама – сценаристом на киностудии «Ленфильм». Сестра, старше меня на 11 лет, заканчивала 10-й класс, а я должна была пойти в первый.

В первую ночь после объявления войны отца призвали в военкомат в комиссию по мобилизации. Вскоре посёлок начали бомбить, и мама увезла нас в Ленинград, к бабушке. Когда на следующий день она хотела вернуться домой, поезда уже не шли: немцы оккупировали пригород. Отец должен был заниматься эвакуацией завода, но было уже поздно.

Руководство завода с документацией лесами, пешком, через оккупированную территорию, добиралось до Ленинграда пять дней. Отец был ранен в ногу, но в госпиталь не лёг. Работал в Главке, домой приходил редко. Однажды его очень долго не было, и сестра пошла узнать, в чём дело. Привела его домой чуть живого. Через три дня, 24 декабря, он умер. Диагноз – дистрофия, полное истощение организма. Неделю мёртвый отец лежал в холодной квартире, пока мама не получила свидетельство о смерти. Папу зашили в покрывало и на саночках отвезли на Серафимовское кладбище, похоронили в братской могиле.

Из благоустроенных квартир жильцы переселились в кухни (их было две в конце коридора), так как там были плиты, которые можно было топить дровами. В этой кухне, на моих глазах, за короткий промежуток времени умерли от голода 7 человек. Когда собирали покойника в последний путь, нас, детей, переводили из одной кухни в другую.

В августе 1941 года домой к нам пришла учительница и записала меня в первый класс. Сестра поступила в Ленинградский электротехнический институт им. Ульянова (Ленина). Её сразу же отправили на оборонительные работы. В городе начались бомбёжки, обстрелы, сгорели Бадаевские продовольственные склады, норма хлеба – 125 г для детей и иждивенцев. Голод, холод до 40 градусов, за водой – с пятого этажа к проруби на Невку. Только что похоронили отца, в больнице умерла бабушка.

И в это самое тяжёлое блокадное время приходит учительница, такая же, еле живая, как все блокадники, и говорит, что для детей будет организована ново-

годняя ёлка. И вот под Новый год, эта же учительница собрала по квартирам детей и по заснеженным сугробам, тёмным улицам, в трескучий мороз повела нас на ёлку. То, что мы увидели, было, как в сказке.

После холодных, тёмных кухонь мы вдруг оказались в освещённом зале, в середине зала стояла большая, настоящая, ёлка с лампочками и игрушками. Конечно, веселья не получилось, так как блокадные истощённые дети разучились радоваться и смеяться, а для хоровода не было сил. Я помню, что нас посадили за столы, чем угощали – стерлось из памяти, зато врезалась в память салфеточка возле тарелочки, а на ней два ломтика чёрного блокадного хлеба. Это было как чудо! Обратно мы опять шли гуськом за учительницей по тёмным закоулкам, и каждый ребёнок нёс домой завернутый в салфетку подарок – два ломтика блокадного хлеба.

В марте 1942 года нас эвакуировали с институтом, в котором училась сестра, на автомашинах по «Дороге жизни» через Ладожское озеро. Нас бомбили и обстреливали, перед нами машина ушла под лёд, а мы спаслись. Нас привезли на Северный Кавказ, в город Эссентуки, прикрепили к ресторану, и месяц нас, дистрофиков, откармливали, потом направили в совхоз, на работу.

Но фашистские войска вели активное наступление на Северный Кавказ. Нам пришлось вторично эвакуироваться вместе с институтом. Из г. Будённовска, на телегах с волами, – больные и старые, остальные – пешком до города Махачкалы, затем, последним товарным поездом, на открытых платформах – до г. Баку, из Баку через Каспийское море – до г. Красноводска и, наконец, поездом – до города Ташкента.

Сестра осталась с институтом в Ташкенте, а я с мамой выехала в Хорезмскую область УзССР, райцентр Ханки – сюда мама получила направление на работу. Здесь мы и встретили День Победы – 9 мая 1945 года. Вся страна ликовала и оплакивала свои потери. В Ханках было много эвакуированных из разных городов СССР и даже из Польши. Все постепенно возвращались домой, на родину. Мы в Ленинград не вернулись – слишком тяжёлые были воспоминания, да и возвращаться было некуда. Отец погиб, а дома, в котором мы жили до войны, не стало. Так и остались мы в Узбекистане. Я стала поправляться. Мама за лето подготовила меня к школе, и я сразу пошла со своими сверстниками в 4-й класс.

До поздней осени собирали мы на полях хлопок, выполняли взрослую норму, а после заморозков извлекали недозревший хлопок из нераскрывшихся коробочек. Нам говорили, что этот сырец идёт на изготовление пороха, и мы работали до позднего вечера.

10-й класс я закончила в областном центре – г. Ургенче, где мама работала инспектором ОблОНО. Школу окончила хорошо и поступила в Куйбышевский инженерно-мелиоративный институт (КИМИ), получила красный диплом. Направление на работу – на Алтай, в краевое управление лесного хозяйства.

После рождения дочери в 1958 году вернулась в Куйбышев по месту жительства мужа. Работала в Управлении архитектуры г. Чапаевска, после рождения второй дочери, в 1964 году, поступила работать в СКБ Куйбышевского долатного завода. Работала конструктором в группе экспериментальных долат. На пенсию ушла в 1992 году. В институте все пять лет была старостой, в отделе – профоргом.

В 1995 году (год 50-летия Победы) стала ответственным секретарём Куйбышевского районного Совета ветеранов, вела большую работу с ветеранами. До сегодняшнего дня – член Совета и член лекторской группы по патриотическому воспитанию подрастающего поколения. Уроки мужества провожу почти во всех школах г. Самары (школы №21, 23, 24, 51, 52, 57, 74, 105, 129, 140, 145, 177).

Работает наша группа по плану. Темы бесед: «История создания нашей армии», «Дни воинской славы», «900-дневная блокада Ленинграда», «День героя», «День космонавтики», «Поклонимся великим тем годам» и многие другие. Стараемся воспитать подрастающее поколение патриотами и людьми, знающими историю своей Родины.

Так и живу уже 81 год!

НАШИМ МАМАМ ПАМЯТНИКИ СТАВИТЬ НАДО БЫЛО

Тамара Павловна Короткевич

Осенью 1941-го ленинградских детей пытались вывезти в тыл. В эшелон попала я с младшим братишкой. Чтобы не разлучаться с детьми, маме, Ульяне Павловне, удалось устроиться в тот эшелон поварихой. Доехали до Старой Руссы. А дальше – немцы. Вернулись в Ленинград. Страха не было. Сначала ходили в убежище при налётах немцев, а потом перестали. В окне – как будто постоянное зарево, кажется, всё время что-то полыхает. Но страха не было. Психика

отупела: хотелось есть – и ничего больше. Голод сначала убивал чувства, потом уж добивал окончательно. Мама рассказывала про меня: *«Сидишь часами, уставившись в одну точку. И молчишь»*. Я думала, это я одна так реагировала, а потом узнала, что это психические особенности блокадных детей. Ногти грызла на руках. Брат стал дистрофиком, сначала у него выпадала прямая кишка, и я её заправляла пальцем. А потом он вообще перестал ходить. Мне как-то знакомая сказала: *«Зачем ты об этом рассказываешь? Кому сейчас это нужно?»*. Может, действительно, не стоит всё это ворошить... Но ведь это правда! Такая тяжкая. И я запомнила, как братик повторял маме: *«Если я ночью умру, карточки положи со мной. Никому не отдавай!»*. Ему почти три годика было. А карточки – хлебные. 125 граммов в день. И – больше ничего. Так было месяца три-четыре. Абсолютный голод! Я где-то услышала, что родители сходят с ума и съедают детские хлебные пайки, чтобы самим выжить. И – что на меня нашло?! – говорю маме: *«Ты отрезаешь от наших паёк себе»*. Мама заплакала. Обычно она эти 125 граммов хлебушка делила на три части и давала нам, вроде как на завтрак, обед и ужин. А тут принесла и сразу весь кусочек мне отдала. Ну, я его проглотила тут же. А потом весь день сидела и плакала. Стыдно стало.

Зима 1941-42 годов. Я жила с братом и мамой возле Тучкова моста. На Неве стояли военные корабли. Морякам было запрещено помогать гражданскому населению. Мама брала в стирку корабельное бельё, и матросы, офицеры заворачивали в полотенце, простыню то хлеб, то ещё что из своих пайков. Как-то

сказали ей, что лошадь у них подохла. Её карболкой обработали и закопали. Мама по ночам таскала конские куски, мыла и варила. Лошадь нас спасла. И об этом не стоит рассказывать в наше сытое время?! Весной 1942-го прибавили к пайку крупу. А тут и зелень пошла.

Мама вынесла брата из дома. Улицы завалены трупами. А вокруг трупов лебеда. Такая зелёная, сочная. Валера наш стоять не мог. Его мама на коленки опустила, так он стал ртом эту траву хватать... И ел, ел... Как зверёк какой. А мама радовалась: «*Травка есть! Теперь выживём!*». И выжили... Хотя до прорыва блокады оставался ещё почти год.

Осенью 1942-го мы получили разрешение на эвакуацию. Мама сначала не хотела уезжать. Куда? Считай, не к кому. Но страх, что вдруг повторится зимний голод, заставил уехать. По Ладоге. На катере. Народу – как сельдей в бочках. Мы в трюме сидим. Идём ночью, караваном из нескольких небольших судов. Попадаем под бомбёжку. Наш катер прошёл. Другие тонут. С людьми. Стоит рёв. Не стон, не плач, а рёв. Он и сейчас у меня в ушах. Никого с тех катеров не спасли.

Дальше жизнь наладилась. Деревня под Торжком. Много-много травы. Суп и хлеб из травы. Немного перезимовавшей картошки.

В Ленинград я вернулась в 1951 году. Училась в техникуме авиационного приборостроения. Окончила и приехала в Куйбышев. Здесь встретила будущего мужа, Константина Короткевича, из Москвы эвакуированного. Он всю жизнь работал на «Металлисте», я – на «Экране», в НИИ. Авиационно-космическая Безымянка стала своей, родной. Сын, дочь. Три внуч-

ки, два внука, четыре правнука. Такая большая сармарская семья.

Городская организация жителей блокадного Ленинграда создает музей в школе №90. Мы уже печку-буржуйку нашли и радио-«тарелку». Это же самые главные вещи были в блокаду.

Только в анкетах в советское время я писала о том, что была в блокаду в Ленинграде. Не принято было рассказывать. А мама дожила до 91 года, но все калялась перед детьми: *«Простите, что не вывезла вас назад, в Ленинград!»*. Кому памятник надо было давным-давно поставить, так это нашим матерям! Всем, кто сохранил своих детей в войну. Это их подвиг, тихий, но безмерный. И мы у них в долгу, и дети наши.

БЛОКАДУ Я НЕ СМОГУ ЗАБЫТЬ НИКОГДА

Лидия Николаевна Кутикова

В момент начала войны мне было 15 лет. Сразу стало чуть хуже снабжение в магазинах, но мы в нашей семье не придали этому особого значения. В Ленинграде до войны всегда всё было, мы покупали ветчины не много, а брали в магазине маленький свежий кусочек на один вечер, свободно могли купить фрукты... Впрочем, даже мама с тётёй решили чуть подстраховаться, и после объявления о нападении Германии купили шесть батонов хлеба, которые на всякий случай засушили в сухари. Мы могли купить больше, но нас подвела наша уверенность в том, что

всё будет хорошо. Хотя, наверно, в тот момент никто не представлял себе, какой ужас нас ждёт дальше.

Страшно стало 8 сентября, когда фашисты зажигательными бомбами разбомбили Бадаевские склады, в которых хранились все запасы продовольствия для Ленинграда. Я не понимала, что именно произошло, но помню клубы дыма и то, как по улицам текли струйки расплавленного сахара.

После первых бомбёжек и обстрелов я, как и все, бегала на крыши тушить зажигательные бомбы и даже потушила несколько, но как-то раз и сама чуть не свалилась с крыши. Первое время мы прятались в бомбоубежище, но после того, как соседний дом заживо завалил всех, кто был в подвале под ним, мы перестали это делать. Впрочем, Ленинград страдал от артиллерийского обстрела сильнее, чем от бомбёжек.

В Ленинграде начался голод, пайки хлеба сократили до 125 граммов в день. Кто-то подсказал нам, что можно ходить на капустное поле и собирать примерзшие к земле листья от собранных кочанов. Мы ходили, хотя там были уже военные позиции, и солдаты уговаривали нас уйти. Нам было страшно, но мы не уходили, очень хотелось есть. Из этих замороженных листьев мы варили щи, как мы их называли. Ещё меняли вещи на плитки столярного клея, которые потом варили в воде и делали что-то вроде холодца. Однажды сосед по дому пожалел меня и угостил ку-

ском варёной курицы, позже я узнала, что на самом деле это был его кот.

Люди начали умирать от голода. Семья, которая жила с нами в квартире, умерла вся. Вначале умер их маленький ребёнок, потом жена, потом сам отец. Люди от голода умирают, как будто засыпают, могут умереть сидя. Сосед умер на кухне, где мы сидели вместе. Так я с ним и сидела в тёмной и холодной кухне, потому что вынести его тело было просто некому. Мама и тётя не уходили с работы по несколько дней.

Трупы были везде: в домах и на улицах.

Всегда было страшно, и хотелось есть, я существовала в каком-то оцепении чувств. Сейчас говорят, что в войну в СССР повысилась религиозность, но я ни разу не молилась о каком-то чудесном спасении. Меня так воспитывали, что мне это не могло и в голову прийти. Чтобы как-то спасти меня от голодной смерти, мама упросила директора электростанции, ГРЭС №1, где они работали с тётей, взять меня на работу ученицей. Директор пожалел меня и принял. Я переписывала какие-то бумаги, разносила их и получала паёк, как все работники станции: две котлетки из капусты или тарелка щей. Огромным благом в замерзающем Ленинграде был горячий душ, который можно было принять на электростанции. Он был один, и все: и мужчины, и женщины раздевались и ждали своей очереди пойти в него. Никто никого не стеснялся, на это просто не было сил.

Вскоре мама совсем опухла от голода, и было видно, что она может умереть. Директор электростанции нашёл ей стакан «жжёнки» – жидкого горелого сахара – и маленький кусочек сала. Мама говорила мне, что не

хочет есть и упрашивала меня съесть это, вместо неё, но директор предупредил меня, что делать этого нельзя. Вскоре он договорился и о том, что нас эвакуируют через лед Ладожского озера по «Дороге жизни».

С собой вещей мы почти не взяли, потому что не могли их нести. Сели в кузов грузовика под брезент и поехали. А был уже апрель, лёд таял, но нам повезло – грузовик не провалился под лёд. В дороге нас обстреливали, но мы доехали живыми.

Дальше эвакуация продолжилась в холодном «тепличьем» вагоне, где сквозь пол были видны рельсы. Люди умирали и там. На эвакуационных пунктах нас кормили, но этого не хватало, мы были очень истощены. На одной из станций женщина, которая ехала с нами, купила за своё обручальное кольцо четыре солёных огурца. Угощала нас, мы отказывались, понимали, что она очень дорого заплатила за это лакомство. Когда она съела огурцы, то покрылась сначала красными, потом черными пятнами и умерла. Что-то было с засолкой, или организм не мог их уже принять. Санитары выбросили её тело из поезда на ходу. Поезд не должен был останавливаться.

К маю 1942 года мы прибыли в Куйбышев.

Здесь не стреляли. В Куйбышеве нам показалось сказочно хорошо, по сравнению с блокадными, были большие пайки хлеба. Целых 500 граммов в день! Только всю нашу одежду пришлось сжечь, потому что за время дороги она стала кишеть вшами. Нужно было и обриться наголо. Парикмахерша сказала маме: *«Жаль брить вашу девочку, у неё такие роскошные волосы. Хорошо бы сделать ей электроза-*

вивку, которая убьёт вшей, но это запрещено делать 8-летним детям». Мне было тогда уже 16 лет, но после перенесённой блокады я выглядела лишь на 8.

Вместе с другими эвакуированными нас поселили у Куйбышевской ГРЭС, в бараке бывшей тюрьмы, который специально отремонтировали к нашему приезду. Куйбышевская ГРЭС прислала нам бочку масла, мёда, картошку и уголь для отопления.

Жизнь потихоньку налаживалась, мама устроилась на электростанцию. Но было по-прежнему довольно голодно. Кроме того, поскольку мы ничего не привезли с собой из Ленинграда, то, чтобы, например, пожарить картошку на воде, нам приходилось одалживать у соседей даже сковородку. Эту сковородку, которую нам позже подарили, я храню до сих пор. Не было тёплой одежды и обуви. Один из эвакуированных подарил мне немецкий френч. Я не могла в нем ходить, конечно, поэтому перекроила его и сшила себе жакет. Ещё мне выдали брезентовые туфельки на деревянной подошве, в которых я ходила и летом, и зимой. Очень мёрзла. Однажды получила ордер на валенки и страшно обрадовалась, но когда пришла на склад, там сказали, что валенок нет. Осталась только одна некомплектная пара: один валенок черный, другой – светло-серый. Так три года в них и проходила под насмешками, но зато мне было теплее.

В 1943 году я устроилась работать на Куйбышевскую ГРЭС, потом перешла в диспетчерское управление Куйбышевэнерго, а позже – в службу техники безопасности. В Куйбышевэнерго я проработала до пенсии. У меня есть дети, внуки, правнуки, 34 года я была очень счастливо замужем, но хочу сказать,

что блокаду не могла забыть никогда. Хлеб для меня до сих пор – это не просто еда и основа для бутерброда. Я режу его тоненько-тоненько. Люблю съесть кусочек просто так, для того, чтобы ощутить тот вкус и аромат, о котором я столько мечтала в блокадную зиму 1941 года.

БЛОКАДА НАС НЕ ОТПУСКАЕТ

Оксана Иосифовна Лев

Родилась я в Ленинграде 28 марта 1933 года. Единственный ребёнок в семье, я была окружена заботой и большой любовью родителей. В 1941 году я должна была пойти в первый класс. Но радостное детство окончилось с первых дней Великой Отечественной войны. Папа ушёл добровольцем в народное ополчение. Фашистские войска всё ближе пробивались к Ленинграду. Город постоянно обстреливался фашистской артиллерией и поражался фугасными и зажигательными бомбами.

8 сентября 1941 года на город было сброшено огромное количество зажигательных бомб, в том числе – и на Бадаевские склады. Зрелище было ужасное. Но самое страшное – уничтожены стратегические продовольственные запасы города. Город в блокаде! Сообщение со страной – лишь через Ладожское озеро. Нормы выдачи продуктов резко сокращались, и с ноября 1941 года – всего 125 граммов хлеба, и более ничего.

Мы с мамой сильно голодали, как и все горожане. В пищу шло всё. Даже бульон, сваренный из кожаных папиных ремней, туфель и сапог, казался вполне

съедобным. Он согревал нас, спасал от постоянного чувства голода. В комнате было холодно, заготовленные на зиму дрова сожгли ещё в начале зимы, а морозы зимой 1941-1942 года достигали 35-40 градусов. В буржуйке, заменившей печь, сжигали ломаные стулья, книги и вообще всё, что могло гореть. Воды в водопроводе не было, канализация не работала. В пищу мы использовали дождевую воду, а зимой топили снег, благо, его в ту зиму было много.

Но преследующий всюду голод был страшнее всего. У нас был любимец семьи – пёсик Тобик, породы болонка. Зимой 1942 года я очень ослабела от голода, практически не могла ходить. Тобик тоже не ходил на прогулки. Он лежал со мной в кровати и согревал мне ноги. Так он и умер на моих ногах. Горю моему не было предела. С тех пор я очень обожаю собак, и всегда в моём доме живёт собачка, а то и несколько.

НОРМА ВЫДАЧИ			
ХЛЕБА			
на Декабрь			
Работники - ИТР	Служащие	Учёные	Дети
250 гр.	125 гр.	125 гр.	125

Зима 1941-1942 года была самая тяжёлая. От голода умирало очень много горожан. Моя тётя во время блокады жила с дочерьми, Ритой и Леной, и с сыном Яшей. Яша был молодой, очень способный, архитектор. Он хотел добровольцем уйти на фронт, но его оставили в городе с надеждой на будущее восстановление города. К тому же, ему давали усиленный паек. Но Яша делился им с членами семьи. Он умер

от дистрофии первым в семье. Все они были истощены до такой степени, что умершего Яшу не смогли вынести даже во двор дома, куда складывали трупы для дальнейшего захоронения в братских могилах.

В комнате было очень холодно. Яшу отодвинули к стене, а остальные спали на этой же кровати, не раздеваясь, тесно прижавшись друг к другу. Затем умерла Рита, её отодвинули к Яше, следом умерла и тётя. Три недели Лена спала рядом с умершими родными. Только она одна из всей семьи пережила жестокие дни блокады.

Моя мама, как и все женщины блокадного Ленинграда, работала. Домой приходила поздно. В тревожном ожидании мамы я залезала на широкий подоконник и высматривала, когда же наконец появится моя мамочка. Однажды я обратила внимание на запряжённую в сани лошадь. На санях впереди сидел неподвижно мужчина. Но вот начался артиллерийский обстрел, лошадь от испуга дернулась, а мужчина в той же позе упал. Он был мёртв и замёрз. У него были широко раскрыты голубые глаза. И эти глаза я всегда вижу при воспоминании о блокаде Ленинграда.

В один из дней декабря 1941 года мы вместе с бабушкой, соседкой по квартире, спешили в бомбоубежище по сигналу «Воздушная тревога». Во дворе упала бомба. Взрывной волной меня отбросило на несколько метров, на развалины дома. Я получила контузию, а бабушка-соседка была мертва. После контузии я долго не говорила.

Папа в феврале 1943 года умер от ран. Вскоре с передовой заехал навестить нас папин друг. Увидел, в каком мы состоянии, положил нас в машину и по «До-

роге жизни» вывез из города. Через два месяца нас привезли в Куйбышев, где сразу же положили в больницу им. Пирогова. Через полтора месяца несколько окрепшую маму направили на работу в п/я №5 (лагерь для заключённых) начальником смены цеха швейного производства. Заключённые шили для фронта шинели, телогрейки, ватные брюки, рукавицы и другую одежду. Я же пролежала в больнице почти год.

Шли годы, я окончила 7 классов школы, после чего в этом же п/я №5 я работала счетоводом и заочно училась на бухгалтера. Последние 10 лет перед уходом на пенсию работала главным бухгалтером в информационно-вычислительном центре «Главсредне-волжскстроя».

Многие годы с большим удовольствием участвовала в художественной самодеятельности, играла в спектаклях народного театра ОДО. С детства очень люблю читать и декламировать стихи. Иногда и сама пишу стихи. Одно из них – «Дети блокады» – я дарю читателям.

ДЕТИ БЛОКАДЫ

*Блокада нас не отпускает,
Нам снится по ночам война,
Армады «мессеров» летают,
Бомбят, а в доме я одна.*

*Противным гулом самолётов
Грозится злобная война.
Опять бомбёжка близко что-то,
Разгром, горящие дома...*

*Мне страшно, прячусь под подушку,
Нет никого, весь дом пустой,
И лишь соседская старушка
Всё реже стонет за стеной.*

*Пустынна улица, отныне
Здесь больше не на что взглянуть,
А на бульжной середине
Растут ромашки, мне по грудь.*

*А ведь недавно, вечерами
Про вальс цветов пел патефон,
Счастливая, прижавшись к маме,
Я песню слышала сквозь сон.*

*День дотянул до ночи белой,
Хлеб съела, мамы нет и нет.
Я плакала и тихо пела,
И в мыслях стряпала обед.*

*А мамочка с работы трудной
Бредёт пешком, спешит домой,
Несёт за пазухой блокадный
Хлеб «из опилок», дорогой.*

*Через голодное бессилье
Доходит до родных дверей.
Непобедима, как Россия,
Любовь и стойкость матерей!*

ЖИЗНЬ ПРОДОЛЖАЕТСЯ!

Людмила Николаевна Маряхина

Родилась я 25 мая 1937 года. С родителями мы жили в Ленинграде, в центре города, на улице Марата, 77. Отец работал на Московском вокзале. Мама тоже работала, мамина сестра тётя Катя жила у нас и присматривала за нами, нас, детей, было трое.

Когда началась война, отца – Николая Матвеевича Шилова, забрали на фронт защищать Ленинград. Погиб он 24 января 1942 года.

Зима 1942 года была очень суровой, морозной. Когда было невыносимо холодно, понемногу ломали мебель, жгли в буржуйке, чтобы чуть согреться и попить тёпленькой водички. Воду приносили из Невы. Когда жечь уже было нечего, осталась одна железная кровать, на которой мы лежали и спали, прижавшись друг к другу. В феврале 1942 года умерла от голода тётя Катя – Екатерина Андреевна.

Старшей сестре Нине в то время было 9 лет, днём она дежурила на крыше дома. Ночами на лютom морозе стояла в очереди за хлебушком, который выдавали по карточкам, на одного человека 125 граммов. Хлебушек мы не ели, а как можно дольше крошки сосали. Мама – Прасковья Андреевна Шилова, 1911 года рождения – не на много пережила свою сестру Катю. 4 марта 1942 года она тоже умерла от голода. Ещё одна тётя – Варвара Андреевна в 1942 году погибла при бомбёжке. Все родственники отца и матери умерли или погибли в блокаду. Никого в живых не осталось.

Нас, всех троих, сдали в детский дом. В июле 1942 года детей из детских домов вывозили из Ленинграда, по Ладожскому озеру, на баржах. Две баржи загрузили детьми и сопровождающими взрослыми. Но прилетели немецкие самолёты, разбомбили гружёные детьми баржи. Забыть крики тонущих детей и взрослых никак нельзя. После бомбёжки, нас посадили на уцелевшие баржи и переправили в безопасное место. Помню, как потом нас перевозили на повозках, а местные жители бежали за нами, стараясь чего-нибудь дать съедобного, а те, кто нас сопровождал, отгоняли людей и просили: *«Не давайте им ничего, они могут сразу же умереть»*.

Потом плыли пароходом по Волге, выгрузили нас в Сызрани, поместили в школу на улице Декабристов, где образовали детский дом №38 для дошкольников. Старших сестёр отправили в школьный детский дом №21. Так мы потерялись. Вскоре я пошла в школу, но по болезни год пришлось пропустить.

Когда меня отправили из детского дома в Куйбышев, в ремесленное училище, из сельского детдома с. Богдановки привезли детей в то же ремесленное училище. Смотрит на меня одна девочка и спрашивает, есть ли у меня сестра. Я ответила, что есть сёстры, и звать их Нина и Валя. Она сказала, что моя сестра Валя работала в Богдановском детском доме пионервожатой, но переехала в Куйбышев. Девочка посоветовала мне обратиться в ЗАГС. Мне дали адрес, это недалеко от «Металлурга». Я туда приехала, там финский домик, позвонила, открывает дверь девушка, прошу позвать Валю Шилову, она говорит: *«Я и есть Валя Шилова»*. Даже и отчество одинако-

вое. Я заплакала. Всё совпало, но это была не моя сестра.

В ремесленном училище я занималась спортивной гимнастикой. Поехала с командой на соревнования в Ленинград, тренер меня отпустила ненадолго. О, как я бежала по своей улице Марата! Вот и дом, квартира на втором этаже №4, где мы жили с родителями. Звоню, открывается дверь, выходит женщина, увидев меня ревущую, созвала всех соседей, кто остался жив после войны. Они думали, что приехала Валя, а когда я сказала, что я не Валя, а Люся, как были все рады. И плакали, и кричали – это маленькая Люся жива! Все плакали и обнимали друг друга.

С сёстрами я всё же встретилась. Со средней – Валей – в Куйбышеве, ещё в те годы, когда училась в ремесленном училище, а с Ниной – в Ленинграде, во время той самой поездки на соревнования. Это было великое счастье для всех нас – встретиться после стольких лет разлуки. Много было пролито слёз радости. Со старшей сестрой мы и сейчас часто общаемся по телефону, при возможности – в Санкт-Петербурге.

После ремесленного училища я проработала 4 года токарем на заводе им. Фрунзе. Окончила индустриально-педагогический техникум и далее работала, до ухода на пенсию, на Авторемонтном заводе контрольным мастером.

Все годы я вела активный образ жизни. В ремесленном училище, занимаясь спортивной гимнастикой и плаванием, выезжала с командой на Всесоюзные соревнования «Трудовых резервов». Работая на заводе, проявила активность и принципиальность,

постоянно была членом различных профсоюзных комиссий, дважды избрана депутатом Октябрьского райсовета. Выйдя на пенсию, полностью посвятила себя семье. У меня был хороший муж, прекрасные две дочери, две внучки и внук, один правнук. Они меня радуют. Жизнь продолжается!

ДОРОГА ЖИЗНИ

Тамара Евгеньевна Павлова

Об этой легендарной дороге написано очень много. Но мне она дорога по-особому: эта дорога спасла мне жизнь. Нас с мамой вывезли из Ленинграда в начале февраля 1942 года, когда голод и бомбёжки, казалось, дошли до предела, и совсем мало оставалось надежды на спасение. Поэтому пишу об этой дороге, для меня она, словно тропка к родному дому, что-то дорогое и близкое, что остаётся с тобой на всю жизнь.

*Дорогой жизни шёл к нам хлеб,
Дорогой дружбы многих к многим.
Ещё не знают на земле
Страшней и радостней дороги.*

О. Берггольц

8 сентября 1941 года нашим войскам пришлось оставить крепость Шлиссельбург. Замкнулось кольцо блокады по суше. Связь с «Большой землёй» осуществлялась воздушным путём и по Ладожскому озеру. Ленинграду нужно было продовольствие, боевая

техника, новые силы для армии. Эти перевозки осуществлялись Ладожской флотилией, а из Ленинграда эвакуировали детей, женщин, стариков, раненных бойцов, предприятия. Всё это было под постоянными бомбёжками и артобстрелами со стороны противника. Шли под воду суда, гибли люди. Фашисты делали своё чёрное дело. Не щадили никого, даже детей.

Приближалась зима. Вот-вот морозы скуют озеро, и суда встанут у причалов и во льдах. Подготовку к строительству ледовой дороги через Ладожское озеро начали уже в октябре 1941 года.

В военной истории были случаи, когда войска переправлялись через реки и озёра по льду. Однако нигде в мире не было опыта строительства дороги такого масштаба, как дорога на Ладоге. Эту дорогу нужно было ежечасно поддерживать для массового продвижения. Враг от неё находился в 12-17 км. Движение по дороге легко просматривалось противником в бинокль. С 15 ноября началось обследование состояния льда. 19 ноября А.А. Ждановым был подписан приказ войскам Ленинградского фронта «Об организации автотракторной дороги через Ладожское озеро».

20 ноября на восточный берег озера было отправлено 350 подвод. Несмотря на все трудности первого рейса, 21 ноября в Ленинград было доставлено 63 тонны муки, при ежесуточной потребности в 1 100 тонн. 21 ноября по дороге прошла первая легковая машина. 22 ноября с западного берега вышла колонна в 60 грузовых машин. 23 ноября колонна с грузом двинулась в обратный путь. Машины шли с открытыми дверцами: если начнёт проваливаться – водитель успеет выскочить.

Машины по Ладоге шли колоннами, под охраной. Немцы постоянно бомбили машины с воздуха (одни самолёты улетают, другие прилетают). В перерывах – обстрелы из дальнобойных орудий. Защищали колонны наши

зенитки, стоявшие и на льду озера. Много машин немцами было потоплено. Погибал груз и люди.

Работа на Ладоге постоянно совершенствовалась. На дороге дежурили девушки-сигнальщики – «светофоры». Были созданы бригады спасателей, которые постоянно следили за обстановкой. Попадёт человек в воду – надо быстро бросить трос, подцепить краном. Работали и водолазы. Такие посты спасателей стояли недалеко друг от друга, на расстоянии в 450-500 метров, а затем – 150-200 метров и ближе. Были установлены указатели направления движения, заправочные станции, питательные, обогревательные пункты, ремонтные мастерские и другие. Ленинградские авторемонтные заводы отремонтировали 3 500 машин. На 1 февраля 1942 года на «Дороге жизни» насчитывалось 12 тысяч военнослужащих, 3 624 автомашины, 147 тракторов, 960 лошадей, 1 000 саней.

Благодаря «Дороге жизни», уже 25 декабря 1941 года смогли увеличить норму выдачи хлеба рабочим – 350 граммов, а всем остальным – по 200 граммов. Морозы на Ладоге доходили до 40 градусов и ниже. Все, кто прокладывал дорогу и охранял её,

кто водил по ней обозы и машины, кто защищал её от врага, самоотверженно выполняли свои обязанности, не щадя сил и самой жизни. Они понимали, что каждая тонна хлеба, тонна военного груза, привезённого в Ленинград – это спасение жизни защитников города, это дополнительный удар по врагу. Дорога функционировала до 21 апреля 1942 года. Последние машины ходили по льду, колёса – в воде.

В первую военную зиму было эвакуировано 514 тысяч ленинградцев и 35 тысяч раненых. Вывезено из города 3 100 железнодорожных вагонов с промышленным оборудованием. За 152 дня работы дороги по ней, с восточного берега, было перевезено 361 109 тонн различных грузов, в том числе – 70% продовольствия. Это позволило улучшить снабжение населения и войск продовольствием. По этой дороге в город доставлялись горюче-смазочные материалы, боеприпасы, по льду шли танки, артиллерия. В навигацию 1942-1943 года в обоих направлениях было перевезено 1 072 480 тонн груза, эвакуировано 359 597 ленинградцев и раненных воинов. На дороге работали смелые, добрые, честные люди.

*Они лежали на снегу,
Недалеко от города.
Они везли сюда муку,
А умерли от голода.
Ю. Воронов*

Недаром эту ледовую дорогу называли «Дорогой жизни». Она спасла жизнь миллионам людей.

Фашисты всячески старались сорвать связь Ле-

нинграда с «Большой землёй» через Ладогу. Для этого они использовали свои и финские боевые корабли и даже перебросили из Средиземного моря итальянские торпедные катера.

С 25 января 1942 года началась эвакуация жителей Ленинграда. Мы с мамой были очень ослаблены. Еле передвигались. В первых числах февраля по этой дороге нас вывезли из города. Транспорт не работал. Нести вещи у нас не было сил. Нас провожал двоюродный братишка (мой ровесник). Мы тогда его видели в последний раз. Он был в феврале эвакуирован с ремесленным училищем №40. Умер в дороге от тифа.

Небольшой наш скарб везли на санках все вместе. У Смольного нас посадили в автобус и отправили в сторону Ладоги. На берегу Ладожского озера, в посёлке Ваганово, нас высадили из автобуса (сказали, что сломался) и поместили в барак. Нас покормили – дали 2-3 ложки гречневой каши. Какая это была радость! За блокаду мы забыли вкус натуральных продуктов. Вечером посадили в другой автобус, довезли до ст. Жихарево. Доехали благополучно. Сразу, с попутчицей Зоей, с кастрюлькой пошли в столовую, где нам дали пшённой каши и кирпичик настоящего хлеба – на троих. По пути увидели спокойно бегающую собаку, и за ней никто не бежит, не ловит её. Так нас встретила «Большая земля».

На следующий день нас посадили в вагон, и поездом доехали до г. Ярославля, где нам в школе организовали комнату отдыха. Прожили там 12 дней. Оформили пропуск в Куйбышев. За нами ухаживали работницы завода, эвакуированные из Ленинграда. На прощанье нам испекли на ужин пирог с рисом. Но

и здесь достали фашисты. Ночью был налёт, стреляли зенитки.

В Куйбышев ехали с пересадками: в Свердловске, Оренбурге. В дороге от людей чувствовали заботу, помощь, сочувствие, за что всем огромное спасибо!

ВЕЛИКИЙ ПОДВИГ ЛЕНИНГРАДА

Клара Евсеевна Полякова

22 июня 1941 года фашистская Германия, без объявления войны, вероломно напала на нашу страну. Согласно плану под кодовым названием «Барбаросса», вторжение немецко-фашистских войск осуществлялось по трём стратегическим направлениям – ленинградскому, московскому и киевскому. Для этого были созданы три группы Армий – «Север», «Центр» и «Юг». Фашисты предполагали, что они очень быстро захватят эти города и одержат победу. Гитлер настолько был уверен в быстром осуществлении этих планов, что заявлял, что они через три недели будут в Ленинграде.

Главным объектом наступления фашистов была столица нашей Родины – Москва, но, в первую очередь, фашистское командование считало необходимым овладеть Ленинградом – городом славных революционных, боевых и трудовых традиций. Кроме того, учитывалось огромное экономическое и стратегическое значение города. Фашисты планировали уничтожить Балтийский флот, овладеть наиболее удобными морскими и сухопутными путями, для снабжения во-

йск групп Армий «Север» и «Центр», и приобрести наиболее выгодный плацдарм для нанесения удара в тыл советским войскам, прикрывавшим Москву.

Однако на защиту Ленинграда поднялся весь советский народ. Кроме воинов Ленинградского, Волховского фронтов, Ладожской военной флотилии, Северо-Западного речного пароходства, активно действовали партизанские отряды и всё население Ленинграда. Героическая оборона Ленинграда продолжалась с 10 июля 1941 года по 19 сентября 1944 года, что составило 1 168 дней из 1 418 дней Великой Отечественной войны, или 82% всей продолжительности войны. А девятисотдневная блокада Ленинграда – это самый трагический и самый героический период обороны. За этот период фашисты пять раз пытались взять город штурмом. На город было сброшено 102 520 зажигательных и 4 643 фугасные бомбы. По Ленинграду было выпущено 150 тысяч снарядов из тяжёлых и сверхтяжёлых орудий.

В результате бомбёжек и артобстрелов было убито 16 747 ленинградцев. Город потерял 28% зданий. Жители города в блокадные дни пережили страшный голод со 125-ю граммами хлеба, сильнейшие морозы, до 35-40 градусов, при отсутствии тепла в квартирах, отсутствии воды в водопроводах, неработающей канализации, стоявший заснеженный городской транспорт на улицах.

Но Ленинград выстоял! Не сдался на милость врага. В городе выпускалась военная продукция под девизом: «Всё для фронта, всё для победы!». Население строило оборонительные сооружения, гасило зажигательные бомбы, рабочий день был по 12-14

часов. Ленинград потерял более 1,5 миллиона человек, т.е. каждого второго жителя.

Героическая оборона Ленинграда была самой продолжительной и самой кровавой операцией Второй Мировой войны. Она не имеет равных в истории человечества по своим масштабам, стойкости и самоотверженности защитников и жителей города, по принесённым ими жертвам, по значению для исхода всей войны.

Значение героической обороны Ленинграда высоко оценили в нашей стране и за рубежом.

«Ленинграду принадлежит виднейшее место в Отечественной войне. Он приковал к себе значительные силы гитлеровской армии и превратил свои окрестности в обширное кладбище немецкой разбойничьей своры. Ленинград внёс свою долю в освобождение Сталинграда, в разгром немцев под Москвой, на Украине, на Кавказе».

(«Правда» от 28 января 1944 г.)

«Нет в мире города, который столько жизней отдал ради победы. Его история – история всей Отечественной войны: если мы вошли в Берлин, то это потому, что немцы не вошли в Ленинград»

(И. Эренбург. Вечный город. Сб. «900 дней» Лениздат 1957 г.)

За мужество, стойкость, победу в Великой Отечественной войне город Ленинград награждён:

22 декабря 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР учреждена медаль «За оборону Ленинграда».

26 января 1945 года Президиум Верховного Совета СССР наградил город Ленинград орденом Ленина. Вручая орден Ленина, М.И. Калинин сказал: *«Без колебания могу сказать, что другого такого патриотизма, как тот, который проявило население великого города Ленина в борьбе с самым отъявленным врагом прогрессивного человечества, мир ещё не видел.*

Пройдут века, но дело, которое сделали ленинградцы – мужчины и женщины, старики и дети этого города, – это великое дело никогда не изгладится из памяти самых отдалённых поколений».

1 мая 1945 года, приказом Верховного Главнокомандующего, Ленинграду присвоено высокое звание «Город-Герой».

8 мая 1965 года, в 20-летний юбилей Победы, Президиум Верховного Совета СССР наградил Город-Герой Ленинград медалью «Золотая Звезда».

Память о героической защите Ленинграда, о погибших жителях города и бойцах жива в сердцах блокадников. В Санкт-Петербурге создана Международная Ассоциация «Жители блокадного Ленинграда», куда входят общества нашей страны и многих зарубежных стран, где проживают люди, пережившие блокаду Ленинграда. На ежегодных съездах делегатов обществ отдаётся дань памяти погибшим и умершим в жестокие дни блокады, поднимаются вопросы улучшения социального положения жителей блокадного Ленинграда, делегаты съезда делятся опытом и достигнутыми успехами в своих регионах.

В 1990 году в г. Куйбышеве-Самаре создано общество «Жители блокадного Ленинграда». Члены обще-

ства ежегодно 8 сентября приходят к «Вечному огню» на площади Славы, чтобы почтить память погибших и умерших в жестокие дни блокады.

Члены общества проводят большую работу по патриотическому воспитанию подрастающего поколения. В учебных заведениях и библиотеках города проходят встречи с ребятами, на которых они рассказывают о героическом подвиге людей в те жестокие дни войны. Самарским обществом «Жители блокадного Ленинграда» выпущено 5 книг с воспоминаниями о блокаде, вместе с учащимися 11 класса школы №25 изготовлен альбом, посвящённый героической защите Ленинграда.

8 мая 2014 года в школе №90 Советского района открыт музей «Блокада Ленинграда», подготовленный членами комитета общества, совместно со школой.

Двери музея приветливо открыты для групповых и одиночных посещений по предварительной заявке по телефону школы: 951-16-56. Адрес школы: Самара, ул. Стара Загора, д. 37 а.

ПАМЯТЬ ЖИВА

Андрей Борисович Рекшинский

22 июня 1941 года было необыкновенно солнечно и ясно. Мы с родственниками отдыхали в Петергофе, любовались фонтанами и дворцами, шутили и смеялись. Совершенно неожиданно всё вокруг затихло, да и отдыхающих вдруг стало меньше, как по мановению волшебной палочки. Причина происходящего стала

понятной, когда мы вышли на центральную аллею, к репродуктору. Люди, чьи лица были суровы и сосредоточенны, слушали выступление Молотова. Так для меня началась Великая Отечественная война.

Уже здесь, в Куйбышеве, на заводе «Прогресс», я познакомился с военнопленным немцем. Он показал мне фотографию своих родных. Я не понимал его язык. Многое осталось недосказанным, он постоял, молча, и ушёл. А я задумался о своём прошлом. О том, почему мы, пережившие ленинградскую блокаду, все эти годы жили, как в тумане, не помня о родных и близких нам людях, целиком и полностью отдавая себя работе. Я, как и другие блокадники, был замкнутым и неразговорчивым, прошлое будто выпало из сознания. После того случая я начал вспоминать...

6 сентября 1941 года. Первый налёт самолётов со свастикой, первые бомбы, сброшенные на ленинградскую землю. Несколько из них упало во двор нашего дома. Потушили их быстро, ведь жителей многострадального города этому обучили ещё во времена финской войны. С тех пор мы, ребята постарше, стали дежурить на лестничных клетках, на крышах, чтобы враг не застал врасплох. Так получилось, что я в то время жил один, да ещё на пятом этаже. Не описать ужаса, испытанного в ночное время, когда слышались разрывы бомб. Казалось, что следующий снаряд обязательно упадёт на наш дом. Засыпал я только под утро, когда, наконец, всё стихало...

...Уже в мирное время мне долго снились одни и те же сны: эпизоды из жизни блокадного Ленинграда, бомбёжки и артобстрелы...

Я учился в ремесленном училище №5 при заводе

«Электросила». Нас, вскоре после начала войны, отправили рыть окопы в район Красного Села, а затем туда, где сейчас начинается парк Победы. А после работали на заводе, наравне со взрослыми, выпускали продукцию для фронта. Обстрелы и бомбёжки продолжались. Я уже жил у бабушки на Петроградской стороне. Всегда было страшно подходить к повороту, откуда был виден дом. Всякий раз пугала мысль: вот сейчас заверну за угол, а дома-то и нет.

В моей памяти – целая галерея страшных событий тех лет. Помню, зашёл навестить товарища – Володю Сигова. Дверь в квартиру оказалась незапертой. На кухне лежали его мать и два брата. Они погибли от голода. Володю забрали соседи, но он тоже был очень плох. Без вести пропал мой двоюродный брат Миша. Последний раз его видели на Бадаевских складах, где люди ели землю, пропитанную сахаром. Уже в Куйбышеве я узнал, что пропал и мой родной брат, 12-летний Володя. Боль утраты до сих пор не затихла. Я назвал Михаилом своего первенца, а второго сына – Владимиром. В память о тех, кому не суждено было пережить блокаду.

В марте 1942 года нас эвакуировали из города. На вокзале перед нами выступил преподаватель нашего училища. Он сказал: *«Вы отправляетесь в самостоятельную жизнь, будьте честными, добросовестными людьми, помните, что вы – ленинградцы».*

Куйбышев стал для меня второй родиной. Долгое время я работал на заводе «Прогресс». В войну мы выпускали продукцию для фронта, а в мирное время стали осваивать ракетно-космическую технику. Здесь я встретил свою будущую супругу, воспитал детей,

внуков, сейчас и правнуки подрастают. Я стал одним из авторов книги «Ленинградская блокада в нашей памяти», рассказывающей о тех незабываемых годах.

ВОСПОМИНАНИЯ О СПАСЁННОЙ ЖИЗНИ

Диана Константиновна Смирнова

В моей судьбе два города – Ленинград и Куйбышев. Две прекрасные реки – Нева и Волга. Два завода – Прогресс (завод №1 имени Сталина) и ЗИМ (завод имени Масленникова). Школа рабочей молодёжи №15, на Безымянке, и Куйбышевский политехнический институт, химфак.

В Ленинграде прошло моё счастливое детство: с 10 марта 1928 года по 21 июня 1941 года. На следующий день я услышала страшное слово – «ВОЙНА», которое круто изменило всё, лишив нормальной жизни и детства.

8 сентября 1941 года Ленинград был отрезан от сухопутных коммуникаций страны и взят в осаду фашистскими войсками. Город бомбили с самолётов и уничтожали артобстрелами. Сгорели продовольственные склады, вскоре не стало электричества и водоснабжения. Голод и холод – вот что такое блокада. Это настоящий – «Блок Ада». Для нас наступило самое трагическое и невыносимое по страданиям время выживания в блокадных условиях. Лютой зи-

мой 1941-1942 годов от голода и холода погибли, не умерли, а именно погибли все наши родные и близкие люди. Их хоронили без гробов и почестей в братских могилах ленинградских кладбищ. Нас спасла мама.

МАМЕ

*Милая, добрая, мама моя!
Как мы с сестрёнкой любили тебя!
Пела ли ты, собирая цветы,
Нежно даря нам любовь и мечты.*

*Или холодной и снежной зимой
С горки бесстрашно каталась со мной.
Сестрёнку учила на лыжах ходить,
Меня – как с трамплина свой нос не разбить.*

*А вот блокадной, страшной порой
Ты нас от смерти закрыла собой.
Жизнь не жалея, свой хлеб отдала,
Голодной, опухшей из дома ушла.*

*Выменять что-то и не умереть,
За крошку съестного – всё перетерпеть.
Ведь в дочках чуть теплится жизнь без еды,
Как бы в семье не случилось беды.*

*И так, очень часто суровой зимой,
Мы ждали, когда ты вернёшься домой.
Милая, добрая мама моя!
Как мы с сестрёнкой жалели тебя.*

Мама, я и младшая сестра, больные и истощённые голодом, чудом вырвались из этого ада. От неминуемой гибели нас спасла эвакуация из блокадного города в тыл. 1 апреля 1942 года по ледяной дороге Ладожского озера, названной ленинградцами «Дорогой жизни», мы навсегда покинули свой дом и всё имущество. Налегке, в осенней одежде, отправились в неизвестность. На Ладоге, в грузовой машине-полупортке с открытым кузовом, окоченели от холода, мама чуть не умерла.

Дальше – в товарном вагоне поезда, пропуская на фронт эшелоны с войсками и в тыл – с ранеными, целый месяц добирались до Краснодарского края. 30 апреля прибыли в город Армавир, затем, в грузовой машине, доехали до станицы «Удобная» и на арбе, запряжённой двумя быками, – в конечный пункт пребывания – маленький хуторок «Грушка».

Спасибо кубанским казакам, которые приняли нас очень дружелюбно. Поделились жильём в хате-мазанке и продуктами. Вскоре, немного окрепнув, мама уже помогала хуторянам на прополке кукурузы. А в июле получила уведомление о том, что нам необходимо покинуть этот хлебосольный край и завербоваться на работу. Немцы пытались захватить Кавказ.

Мама выбрала город Ступино под Москвой, который был ближе всех к Ленинграду. Мы надеялись на скорую победу, а до неё было ещё очень далеко: шёл только 1942 год. И так мы вновь отправились в неизвестность. До Армавира – тем же транспортом, затем, поездом, до Махачкалы, пароходом по Каспийскому морю, до Астрахани, и далее, речным пароходом, – по Волге. Плыли только днём за катером, который

указывал путь, где не было мин. Ночью причаливали к берегу и спали на земле. Нашими врагами стали комары, но костры жечь не разрешалось. Немецкие лётчики ночами сбрасывали на парашютах мины.

Так и не попав в город Ступино, из-за обострившейся военной обстановки, мы по воле судьбы оказались в Куйбышеве. Безымянка стала нашим вторым домом, она дала работу и жизнь множеству эвакуированных из разных городов. Я думала – только до окончания войны, оказалось – навсегда.

В городе на Волге прошла вся моя сознательная жизнь. С сентября 1942 года, четырнадцатилетней девчонкой, я начала свой трудовой путь на авиационном заводе №1 имени Сталина (ныне «Прогресс»), в СКО (серийно-конструкторский отдел) копировщицей, чертёжницей, конструктором. Днём работала, вечером училась в школе рабочей молодёжи №15.

В 1950 году стала студенткой дневного отделения химического факультета Куйбышевского политехнического института, который окончила в 1955 году. Став за это время замужней женщиной и матерью двоих детей.

С сентября 1955 года продолжила трудовую деятельность на ЗИМе (завод имени Масленникова) мастером, старшим мастером и начальником бюро технического контроля сборочного цеха. Работа была связана с вредными и опасными условиями труда. С июля 1978 года стала пенсионеркой.

Всегда принимала участие в общественной работе. Во время войны дежурила в военном госпитале, ухаживая за ранеными. В школе рабочей молодёжи избиралась председателем ученического комитета, в

институте – секретарём комсомольской организации химического факультета, на ЗИМе – парторгом сборочного цеха.

Уйдя на заслуженный отдых, была избрана от общества «Жители блокадного Ленинграда» – председателем секции Октябрьского района города Самары. Участвовала в создании книг «Ленинградская блокада в нашей памяти» и «Нам не забыть блокадный Ленинград». По состоянию здоровья вынуждена была прекратить активную общественную деятельность.

За многолетнее участие в жизни общества «Жители блокадного Ленинграда», за активную деятельность по сохранению и увековечиванию героического подвига ленинградцев в годы Великой Отечественной войны мне присвоено звание «Почётный член Самарского общества «Жители блокадного Ленинграда». Мой труд отмечен многочисленными медалями и грамотами.

В настоящее время являюсь вдовой участника Великой Отечественной войны Михаила Дмитриевича Смирнова, кандидата технических наук, доцента кафедры «Сопrotивления материалов» СамГТУ. Имею двоих детей, четверых внучат и шестерых правнуков. Сын – кандидат экономических наук, дочь – кандидат технических наук. Все внуки получили высшее образование, знают английский язык и программирование, имеют свои семьи. Правнуки – школьники и детсадовцы.

Мой девиз: «Человек – кузнец своего счастья!». Главное в жизни – здоровье, семья, учёба и труд!

Считаю, что жизнь моя состоялась и прожита не зря. Я достигла всего, о чём мечтала восемь труднейших лет, живя в бараке на Безымянке. Окончила вечернюю школу с хорошими знаниями, получи-

ла высшее образование, имела интересную работу. Вместе с мужем создали дружную, трудолюбивую семью. На даче вырастили сад. Выучили детей, помогли им стать самостоятельными людьми. Из одной нашей семьи вышло целых шесть семей. Четыре проживают в Москве, а две – в Самаре.

Дети и внуки заботятся обо мне, относятся с любовью и уважением. Что ещё нужно для полного счастья? Чтобы мы не боялись за будущую жизнь наших детей и внуков.

Россия должна стать экономически сильной, с мощной современной промышленностью, цивилизованной и свободной от коррупции державой. Вот тогда все граждане России будут иметь достойную работу, жить в достатке, мире и согласии. И, самое главное, чтобы никогда больше не было войны, и люди не знали горя и страданий, выпавших на нашу долю.

*Жили сестрёнки и горя не знали.
С друзьями, подружками в игры играли.
А сколько их было! Лапта или салки,
Куклы, мячи или просто – скакалки.
То вдруг театр домашний устроят,
Из кубиков город волшебный построят.
Сказки любили и песенки пели,
До тех пор, пока не повзрослели.
Учились с охотой, всему удивлялись,
И мирное небо им улыбалось.
Счастливое детство прервала беда.
Внезапно и страшно явилась ВОЙНА.
Фашистские орды всю жизнь изменили
Смертельным крылом их город накрыли.*

СЛОВА МАМЫ Я ПОМНЮ ВСЮ ЖИЗНЬ

Нина Григорьевна Филина

Родилась я в Ленинграде. Но безоблачное счастливое детство продолжалось недолго. Чёрные блокадные дни унесли из жизни моих родителей. Я была оформлена в детский дом №50. Прощальные воспоминания о Ленинграде оставили самые глубокие раны на всю жизнь. Детей эвакуировали на «Большую землю». Ехали три машины с детьми, две из них погибли на наших глазах. Мне суждено было выжить, но дальнейший путь следования полностью выпал из памяти. Пришла в себя только в детском доме, в Куйбышеве.

В 1943 года меня удочерили, и я переехала в Пестравский район, приобретая вторую семью.

Привыкание к жизни в новой семье было тяжелейшим. В то время я ещё хорошо помнила свою маму – ту необыкновенную женщину, которая отдавала мне последнюю крошку хлеба, а сама медленно умирала от голода. Её последними словами были: *«Как я хочу, чтобы ты выжила»*.

Здесь была другая женщина – добрая, внимательная, чуткая, но пока чужая. Постепенно Вера Николаевна Фофонова стала родной, хотя и не кровной мамой. Вместе со мной из детского дома в нашем совхозе удочерили восемь детей, и только у одной из нас нашлись родители после войны. Все мы жили в разных отделениях совхоза, и встречаться доводи-

лось очень редко, поскольку наши новые родители трудились с восхода солнца и ещё долго – после заката. Но, когда выпадала возможность встретиться всем вместе, нашему счастью не было предела. Мы были ближе, чем родные.

Когда окончилась война, с фронта вернулся мой новый отец. И вновь – нелёгкий период привыкания. Вскоре мы переехали в Куйбышев. Я окончила 7 классов и поступила в Рождественский сельскохозяйственный техникум. Окончив техникум, получила назначение в город Калинин. Началась трудовая жизнь. Поступила учиться, заочно, в Тимирязевскую академию.

В 1957 году, после двух лет работы в Калининe, я перевелась в Куйбышев, в теплично-парниковый комбинат. Начался самый активный творческий период в моей жизни. Я работала мастером тепличного цеха, затем перешла на руководящую работу. Была секретарём комсомольской организации, работала внештатным инструктором Кировского райкома комсомола, была избрана депутатом Кировского райсовета, принимала активное участие в мобилизации комсомольцев на освоение целины. Но это была общественная работа. Основной оставалась производственная деятельность: мы должны были, как можно раньше, обеспечивать горожан свежими овощами.

За достигнутые высокие производственные показатели в социалистическом соревновании в 1959 году моё имя было занесено в «Книгу почёта». Не было ни одного отработанного года, чтобы я не получала благодарности, меня премировали ценными подарками.

Я окончила институт, вышла замуж. Наконец, мы получили долгожданную квартиру в Куйбышеве.

Сложно стало добираться до работы. На дорогу уходило до пяти часов, а если ещё учесть ненормированный рабочий день, то дома приходилось только ночевать. Родилась дочка, ей необходимо было внимание. Пришлось расстаться со своей работой и перейти на менее оплачиваемую, но поближе к дому.

31 год своей трудовой жизни я отдала кафедре аналитической и физической химии Куйбышевского политехнического института. Занималась учебным процессом: готовила контрольные работы, где требовалась очень большая точность. Сколько прошло студентов через кафедру за столь длительный срок, сосчитать трудно. Но отраднo, что среди них есть кандидаты и доктора наук. Некоторые из них работают в нашем университете. Это – помощник ректора – профессор В.П. Требунских, декан химико-технологического факультета – доцент В.И. Аленин, зам. декана факультета пищевых производств – доцент Г.С. Муковнина.

Наряду с учебным процессом, я занималась и научно-исследовательской деятельностью. За помощью на кафедру обращалось немало предприятий. Два года я занималась анализом почвы и воды на содержание йода для научно-исследовательской работы профессора Б.В. Аникандрова – это известный специалист-эндокринолог. Данные анализа должны были подтвердить недостаток йода в воде и почве в районах области, где у населения наблюдался повышенный уровень заболеваемости щитовидной железой. Моя работа неоднократно отмечалась благодарностями и поощрениями. Здесь я была награждена медалью «Ветеран труда». Администрация технического университета прекрасно относится к своим вете-

ранам. Нас приглашают на все праздничные мероприятия, а к юбилеям выделяют материальную помощь.

Оглядываясь на пройденный путь, прожитые годы, я могу назвать себя счастливой. У меня прекрасная семья: муж – доктор технических наук, профессор; дочь – кандидат технических наук, доцент; внук, Андрей Морозов – лучший выпускник Самарского государственного технического университета 2012 года. В настоящее время учится в аспирантуре. Дома царят мир и покой.

Но счастье, наверное, не только в этом. Двадцать лет назад я стала членом общества жителей блокадного Ленинграда Ленинского района Самары. Я встретила с людьми, которые жили, учились, работали в довоенном Ленинграде. Неважно, что все они уже убелённые сединами, но эти люди, как и я, прошли те страшные, незабываемые, блокадные дни и ночи и остались истинными ленинградцами.

НАМ СТАРАЛИСЬ СОХРАНИТЬ ЖИЗНЬ...

Нина Георгиевна Шлетова

Родилась я 14 января 1925 года в городе Кимры Калининской (ныне Тверской) области. Город Кимры – это в основном город сапожников. И мой отец был сапожником по изготовлению дамской обуви, а мама была заготовщицей верхней части этой обуви. Мама умерла от туберкулеза лёгких, когда мне было 8 лет. Отец вскоре женился, так как не мог работать без заготовщицы.

Я жила пять лет с мачехой, которая была классического варианта, то есть, как в сказках. Плохо меня одевала. Я даже не могла надеть вторую пару чулок, ходила в 30-градусные морозы в туфлях и коротком пальтишке. Кормила кое-как. О том, как я живу, знала бабушка – мама отца. Она поехала в Ленинград, где жили три моих тётки: две маминых сестры и одна – отца. Рассказала им про мою жизнь. За мной приехала сестра отца и со скандалом забрала меня в Ленинград. Конечно, для них это была утрата – я же была нянькой для их детей, даже в школу не пускали, пропустила один год обучения. В Ленинграде я жила у маминой сестры, у которой было четверо детей, но была двухкомнатная изолированная квартира. А у других тёток были небольшие комнаты в коммуналках.

В 1941 году с отличием я закончила 7 классов. Директор школы просил тётку, чтобы она разрешила мне окончить среднюю школу. Та не возражала, но я не могла согласиться, так как все их старшие дети или работали, или учились в ФЗУ, как двоюродный брат – мой ровесник. Чтобы быстрее получить какую-нибудь специальность, я подала документы в престижную «Высшую школу машинописи и стенографии». Но начавшаяся война уравнивала отличников и двоечников – все мои одногодки 15-16-летние были мобилизованы в ремесленные училища. По повестке я попала в ремесленное училище №67.

Когда я приехала в Ленинград и стала жить в семье у тётки, Дарьи Андреевны Яковлевой, квартира которой находилась в доме №5 по ул. Колмовской, я поняла, что есть добро и любовь друг к другу. Я стала читать много книг, где находила лучший мир. Мне

нравилось учить наизусть стихи и читать их вслух в школе, делясь тем, что узнала сама, со слушателями.

Ленинград, ставший для меня городом-чудом, существующим на грани двух миров – реального и созданного любимыми писателями, великими зодчими, – до сих пор существует для меня как мечта. И вот к этому городу продвигались фашисты. В августе 1941 года нас направили рыть противотанковые рвы в районе Красного Села, под Ленинградом. Работали там до заморозков. Много ребят погибло от бомбёжек. А после бомбёжек 8 сентября 1941 года, когда были уничтожены продовольственные ресурсы Ленинграда, нас, ремесленников, направляли расчищать развалины складов и извлекать то, что осталось после пожара. На огромных Бадаевских складах мы видели, как взрывается сахар и летят горящие куски рафинада. А потом собирали землю на этих складах, заливали водой и, когда земля отстоится, пили сладкую воду.

На складах разрушенных маслозаводов мы разбирали штабеля расплюснутых кокосовых орехов, которые видели впервые и пробовали их на вкус. Мы ещё не понимали, что всё это значит для любимого города. В блокадном городе ремесленникам, как могли, старались сохранить жизнь. Мы получали «рабочие» 250 граммов хлеба в день, да ещё в завтрак и ужин суп, иногда на обед – второе. У нас было всего три дня, когда нам давали только хлеб и один раз- дрожжевой суп, который я из-за запаха есть не могла. И всё же из юных растущих тел медленно уходила жизнь. Особенно быстро сдавали мальчики. Девочки и женщины держались дольше – они начали умирать весной.

Зимой мы во время учёбы теорией занимались в бомбоубежище, а практические занятия проводились в цехе завода, который был эвакуирован. Готовили из нас слесарей-инструментальщиков. В перерывах между бомбёжками и обстрелами мы своими руками изготавливали кое-какие инструменты: молотки, рейсмусы, станки для наковок и др.

Нам помогла выжить эвакуация. 2 марта 1942 года целый эшелон ремесленников эвакуировали по «Дороге жизни». Многие, особенно ребята, получив перед отправкой роскошный паёк – полбуханки хлеба, ячневую кашу с американским жиром, сардельку, – тут же все это съели, и в дороге в первые дни умирали от заворота кишок. Когда эшелон отходил от станции, каждый раз на насыпи оставались лежать снятые с поезда трупы. А оставшиеся в живых налаживали в своих товарных вагонах сделанные ещё в училище буржуйки, добывали для них с великой изобретательностью дрова, что-то варили и пели под стук колес любимые песни. Молодость брала своё.

24 марта 1942 года товарный поезд привёз нас на Северный Кавказ, в город Георгиевск. Хотя за 22 дня дороги мы немного окрепли, но некоторых, наиболее слабых, выносили на носилках и отвозили в больницу. А вокруг ограды вокзала стояли женщины и многие из них навзрыд плакали. В Георгиевске мы жили по частным квартирам, а питались в столовой. И так до 18 мая мы были на отдыхе. А затем нас опять погрузили в товарные вагоны и повезли в город Куйбышев. Во время пути всякое случалось. Я была старостой группы, и надо было следить за девчонками, за их поведением. В Сталинграде искупались в майской

Волге, вода была холоднее некуда. Многие простудились, и я – в том числе. Ничего, оклемались.

В Куйбышев мы прибыли в ночь на 31 мая и выгрузились на станции Безымянка. Утром прибыли представители заводов и всех учащихся ремесленных училищ, эвакуированных из Ленинграда, разобрали по разным предприятиям г. Куйбышева. Нас взяли на авиационный завод и повезли в автобусе, сначала к барaku, где мы должны были жить, потом в баню и, наконец, в столовую. Когда нас подвезли к барaku, мы не поняли, как это люди смотрят из окон и сверху, и снизу. Это оказался барак на 100 человек с двухъярусными нарами. Мы взбунтовались, не хотели вселяться в такое жилище. Но когда приехали из столовой, наши вещи уже лежали на этих нарах. Надо было найти свои вещи и привыкать так жить и работать.

На заводе меня направили ученицей токаря в группу механика одного из цехов. Когда вошла в корпус – огромный, где располагалось несколько цехов, меня оглушил шум работающих станков. И я никак не могла понять, как же определяют, где какой цех, если нет никаких перегородок. Мой учитель – токарь высокой квалификации, добрый, внимательный человек. У него ежедневно были большие задания на изготовление деталей, необходимых для ремонта оборудования. Заниматься со мной у него не было времени, тем не менее он обучил меня основам токарного дела, умению обращаться со станком. Через некоторое время я стала изготавливать несложные детали – болты, гайки, шпильки, валики, втулки, – от изготовления которых освободила своего учителя. Но рабо-

тать я могла только во вторую смену, с 8 часов вечера до 8 часов утра, так как свободных станков не было, и я сменяла своего учителя. Очень трудно было бороться со сном, особенно перед рассветом. Казалось, вот-вот упадёшь головой на вращающийся патрон.

На станке я проработала с июня до середины сентября. Меня вызвал механик цеха, спросил, как я училась, попросил что-то написать и сказал, чтобы я на следующее утро пришла работать в кабинет подготавливателем. Я составляла дефектные ведомости на ремонт оборудования, получала необходимое оборудование со склада. Жить стало немного легче.

Война – особое состояние. Она не отпускает душу даже в глубоком тылу, когда не наваливается бомбёжка и смертельный блокадный голод. Опору и спасенье я нашла там, где обретала их раньше – книги. Жила я в общежитии, рядом с которым был клуб в бараке, где работали кружки художественной самодеятельности. Мне очень хотелось пойти туда, куда приходили люди после 12 часов работы, где пели, танцевали и ставили спектакли в театральном коллективе.

В конце 1942 года я подготовила композицию по поэме Маргариты Алигер «Зоя», прочитала её руководителю театрального коллектива, была принята в труппу и уже выступала на новогоднем концерте. Вскоре мне стали поручать главные роли в скетчах, спектаклях по пьесам А.Н. Островского. Я читала стихи в концертах и вела эти концерты. Тяжесть обычной жизни отступала перед этой магией театра, в то же время театральные страсти и коллизии очищали, выправляли душу, чтобы достойно могла пройти через реальные испытания.

В цехе из группы механика меня перевели в планово-диспетчерское бюро на должность плановика. А завод построил клуб, в который создателем театрального коллектива пришёл актёр из городского драмтеатра, и 1 апреля 1949 года первый раз собрал желающих работать в этом коллективе. В их числе была и я, так как в барачном клубе отношения разладились. И 27 ноября 1949 года мы уже играли спектакль по пьесе К. Симонова «Чужая тень».

Работая плановиком, я поняла, что знаний не хватает. В 1951 году пошла в школу и в 1954 году окончила 10 классов вечерней школы. И в этом же году поступила в плановый институт, который, учась на вечернем отделении и занимаясь в театральном кружке, окончила в 1959 году.

Все эти годы, сочетая работу с учёбой в вечерней школе, а затем – в вечернем институте, я активно продолжала заниматься в драматическом коллективе, которому в 1959 году, первому в области, присвоили звание «Народный театр». В этот период мною было сыграно несколько ролей. В 1957 году, к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции, был поставлен спектакль «Оптимистическая трагедия», по пьесе В. Вишневского, в котором мне довелось играть роль комиссара.

В начале 1963 года меня перевели работать в плановый отдел завода, на должность начальника бюро сводно-экономического плана завода. В нашем же бюро рассчитывалась цена выпускаемых заводом

самолётов. Работа была ответственная, напрямую связанная с Министерством авиационной промышленности. Ушла я на пенсию в 62 года.

В «Народном театре» играла много героинь трудных пьес М. Горького, Соньку в погодинских «Аристократах», Кручинину в «Без вины виноватые» и во многих других спектаклях. А со спектаклем по пьесе Александра Крона «Глубокая разведка» мы выступали в Москве, в Кремлёвском дворце.

С годами приходил профессионализм, но не иссякали и настоящие слёзы. Зрителям нравилась моя «искренность высказывания», как отмечали критики в СМИ.

В моей жизни 33 года отдано театральной самодеятельности.

Руководителю нашего «Народного театра» в 1965 году, первому в области, Указом Президиума Верховного Совета РСФСР, присвоено звание «Заслуженный работник культуры РСФСР». В 1966 году такое же звание было присвоено и мне.

В 1975 году сломали наш клуб, и распался коллектив. Но при встречах мы долго не могли разойтись. И с 1989 года, после смерти нашего режиссера Исаака Григорьевича Эстрина, с которым прошли по жизни 25 лет, мы решили каждый апрель у кого-нибудь собираться. В 2014 году собирались 26-й раз. Творческую часть встреч готовлю я.

Я награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

В настоящее время, в преддверии 90-летия, живу одна. Сказалось на состоянии здоровья моё детство. Детей у меня нет, и вообще в городе нет родственни-

ков. Сейчас я с переломом шейки бедра обслуживаю себя сама, езжу по квартире на коляске. Но с помощью ходунков и такси ездила в клинику, где мне прооперировали глаз, заменив хрусталик. Иногда выбираюсь к друзьям на юбилеи.

С покупкой продуктов мне помогают друзья, а после последней травмы, когда я не поднималась с постели более 4-х месяцев, меня подняли до коляски мои дорогие соседи. С тех пор всё делаю сама: уборку, приготовление пищи, глажу бельё, постиранное машиной, купаюсь, с трудом забираясь в кресло, которое вложено в ванну. Я всегда занята, нет у меня никаких стрессов.

Я радуюсь жизни, стараюсь ходить с ходунками или с двумя тростями по квартире, помогаю себе, чтобы продлить это великолепиие – ЖИТЬ!

НАД НАМИ «МЕССЕРЫ» КРУЖИЛИ

Валентина Николаевна Щербакова

От радости кружилась голова, я не ходила, а летала: окончена школа, впереди такая интересная жизнь – взрослая и самостоятельная... Свою будущую профессию мы с подружкой выбрали одну на двоих – мы станем врачами. Но до вступительных экзаменов ещё уйма времени, и мы решили всем классом отправиться в поход.

Только тому путешествию осуществиться было не суждено. Потому что через четыре дня грянула война.

Парни сразу же стали получать повестки в военкомат, а девушек собрали в школе и сообщили, что нужно поехать на болота – на торфозаготовки. Нам никто не приказывал, но разве мы, комсомольцы, воспитанные в духе преданности и любви к Родине, могли отказаться? Весь июль на огромных полях мы переворачивали для просушки «кирпичи» вырезанного торфа. Глыбы были такими тяжеленными, что поднять их можно было только вдвоём. Но мы знали: торф как топливо необходим для работы заводов, для отопления города.

А немецкие самолёты уже летали в ленинградском небе, сбрасывали листовки – сдавайтесь, все равно мы вас победим, не оставим от Ленинграда камня на камне.

Было страшно, но панике никто не поддавался. Город, казалось, жил довоенной жизнью, я даже поступила в институт. Пока не начался учебный год, студентов почти ежедневно отправляли на строительство оборонительных сооружений – противотанковых рвов.

А 8 сентября Ленинград узнал, что такое бомбёжка. К тому же загорелись крупнейшие в городе продовольственные склады, и ходили слухи, что это диверсия. Огонь и дым поднимались в небо несколько дней. Город остался без продуктовых запасов. Это было началом голода. И первым днём блокады Ленинграда. А уже в конце ноября грянули морозы. Ртуть в термометре приближалась к отметке минус 40 градусов. Замерзли водопроводные трубы, жите-

ли остались без воды. Небо было чистым, ясным, и фашистские «Юнкерсы», «Хейнкели» и «Мессершмитты» вольготно летали – улицы, площади, заводы были, как на ладони. Они этим пользовались по полной – случилось до тридцати нещадных налётов в день.

О мизерных ленинградских пайках наша страна наслышана. Но осенью сорок первого ещё как-то спасали крапива и лебеда. А ещё, росли во влажных местах какие-то растения, полые внутри, мы их называли дудки. Очищали их от кожицы и ели – мякоть была приятная на вкус, кисленькая. Так мы пытались хоть как-то заглушить голод. Однажды папа в мокрую чистую тряпочку насыпал соли, завязал узелком и положил в огонь. Когда соль обуглилась, у неё появился запах яйца. Мы посыпали кусочек хлеба такой солью – и казалось, что едим хлеб с яйцом. А ещё, помню, папа получил зарплату, мама взяла её и пошла на базар. Вернулась с буханкой хлеба. Одной-единственной, за которую отдала всю месячную зарплату. А мы радовались, что хоть вообще хлеб купила.

Первый раз в госпиталь я попала 7 ноября 1941 года. До больницы, где размещали раненых, трамвай вез меня два с половиной часа, делая бесчисленные остановки из-за воздушных тревог. А когда я, наконец-то, добралась до места, подкосились ноги – столько в корпусах было стонов, криков, боли... Подошли ещё несколько девушек, и мы начали переносить раненых, вчетвером с трудом поднимая носилки и стараясь не плакать и не кричать от страха от увиденного.

Отца на фронт не взяли – ему было уже за шестьдесят. Но ушли воевать мои четыре брата. Вернулись домой трое.

Николаю Лыткину, моему отцу, были свойственны не только хозяйственность как выходцу из работающей крестьянской семьи, но и высокая ответственность за близких людей, за своих шестерых детей. Поэтому

дров он всегда запасал на год вперёд – жили мы в деревянном доме на восемь квартир, с русской печкой. И эта запасливость спасла лютой зимой в первый год блокады. Потому что, когда не оставалось продуктов, чайник вскипятить они могли всегда и хотя бы горячей водой заглушить голод.

Пока мединститут, в котором я училась, был в Ленинграде, мне как служащей давали продовольственную карточку. Хлеба по ней полагалось меньше, чем по рабочей карточке, но побольше, чем по иждивенческой. Потом институт отправили в эвакуацию. Меня отец из дома не отпустил, словно что-то предчувствовал. А через какое-то время мы узнали, что институт увезли в Грозный, который вскоре начали бомбить фашисты...

С едой становилось всё хуже и хуже. Люди ели торф – его продавали на рынке и называли чёрным творогом. Торф макали в соль и запивали теплой водой... За девятьсот дней блокады умерло около 1 миллиона ленинградцев. На «иждивенческую» карточку прожить было невозможно. И если бы не отец, золотые руки которого очень ценили на заводе, семья вряд ли выжила бы в ту блокаду. Поэтому,

когда в апреле 1942 г. мне предложили устроиться на железную дорогу, я обрадовалась – там буду получать хлеб, как рабочая!

На станцию Ленинград-Сортировочная мы пришли втроём, три бывшие одноклассницы, бледные до синевы, с отечными лицами – результат безмерного употребления воды, которой пытались заглушить голод. Начинался февраль, стоял мороз и сбивал с ног ледяной ветер, а до сортировки несколько километров пришлось идти пешком – туда не ходил никакой транспорт.

Начальник станции посмотрел на нас с жалостью: *«Девчонки, и что я с вами буду делать-то? У нас работа для мужиков – составы нужно формировать, спускать с сортировочной горки, по столбам лазить, копать, паять, кабель прокладывать. Только выбора у меня нет...»*. Потом махнул рукой: *«Ладно, давайте попробуем»*.

Потихоньку мы стали осваиваться со своими обязанностями. Научились поддерживать в рабочем состоянии мощный трансформатор, от которого зависела работа горки, чистить всевозможные дроссели, сопротивления. На нашей ответственности была и работа динамиков – по ним на горку передавались все команды. И в снег, и в мороз, и в дождь, днём и ночью, мы выходили на повреждения. Нацепим пояс монтажника, повесим через плечо сумку с инструментами и тяжелой головкой к динамику и по вбитым штырям поднимаемся на столб. Хорошо, если просто порвался провод: достаточно его соединить – и связь налажена. А если неисправность в головке, то её нужно было менять целиком – открутить старую,

привернуть новую. До сих пор не могу понять, откуда у нас тогда силы на такую работу брались. Просто, наверное, очень хотелось выжить. А для этого надо было работать, чтобы получать по карточкам больше хлеба. Я, конечно, не открою ничего нового, но скажу, что война очень сильно меняла людей. Она делала человека не то чтобы жестоким, но стойким к виду смерти. На работу я ходила пешком, километра два-три, мимо кладбища. И каждый раз видела завёрнутые в какие-то одеяльца, простыни трупы – их везли, чтобы похоронить, но сил не хватало добратся до погоста, и их оставляли прямо на дороге. Мы не шарахались, не ужасались вида покойников. Только мысль мелькала: вот и ещё одного ленинградца не стало. И никто никому не мог помочь – все были в одинаковом положении, и завтра на дороге мог остаться ты сам... Страха перед трупами не было, родных не оплакивали: слёз тоже не было.

На протяжении всей блокады веру ленинградцев в победу поддерживало городское радиовещание. Из чёрных «тарелок» звучали патриотические песни, летели в эфир призывы, обращения. И это помогало городу не поддаваться панике, поверить, что фашисты будут отброшены от его стен. А музой блокадного Ленинграда стала поэтесса Ольга Берггольц. От голода умер её муж, на грани смерти от истощения была и она сама. Но не сдавалась. Её выступления, репортажи, стихи входили в замерзшие, мёртвые дома, вселяли надежду. Поэтессу, как и московского диктора Юрия Левитана, фашисты внесли в чёрный список людей, которые будут расстреляны сразу же по взятии города.

И когда 27 января 1944 года Ленинград салютовал в честь полной ликвидации блокады, прозвучали именно её слова:

*И снова мир с восторгом слышит
Салюта русского раскат.
О, это полной грудью дышит
Освобождённый Ленинград!*

О прорыве блокады 18 января 1943 года я узнала дома, вернувшись с суточного дежурства. А вот 27 января 1944 года была на работе. Часов в семь утра стучат ко мне в радиоузел: «*Валя, не работает динамик, а на горке состав стоит, ждёт сортировки. Беги срочно, проверь, в чём дело*». Я залезла на столб, заменила провод, и вдруг из динамика на всю горку раздаётся ликующий крик дежурного: «*Ура, блокаду сняли!*». Со столба я слезала в слезах от радости. Так же, со слезами и радостью, я принимала 11 мая 1944 года свою первую награду – медаль «За оборону Ленинграда». И только тогда по-настоящему осознала, насколько важное дело было и у меня, и у моих подруг, потому что раньше нам всегда казалось, что мы просто работаем, как все.

Со своим будущим мужем, Прокофием Рудичем, я познакомилась в 1943 году, в госпитале, куда регулярно ходила помогать медсёстрам и санитаркам. Имя, данное родителями, ему почему-то не нравилось, и он представлялся

как Пётр. Красавец-артиллерист с чубом волною мне приглянулся, и до самого конца войны длилась наша переписка. А в октябре 1945 г. он, уже старший лейтенант, нагрянул в Ленинград и сделал предложение руки и сердца, дав на размышление считанные минуты. Так у меня началась жизнь жены кадрового военного, которая длилась 33 года. Несколько лет в Белоруссии, где родились два сына, потом Камчатка, через несколько лет – Куйбышев. Когда Петра не стало, судьба свела меня с человеком, который стал вторым мужем и чью фамилию – Щербакова я сегодня ношу.

Сейчас за праздничным столом собираются восемнадцать человек – сыновья, внуки, снохи, правнуки. Последний раз такое многолюдное застолье случилось, когда мне исполнилось девяносто лет. Вот такие мы, ленинградцы, закалённые блокадой!

Глава 4

МЫ ВЫЖИЛИ В ОККУПАЦИИ

На оккупированной территории Советского Союза фашисты проводили политику геноцида. Уничтожению подлежала значительная часть населения страны. Нацисты планировали осуществить меры по уничтожению 30 млн. славян, нескольких миллионов евреев и представителей других народов СССР. Детей в занятых врагом районах убивали, они были лишены элементарных условий существования, голодали и мёрзли. Оккупанты вывозили всё, что можно было увезти, даже чернозём с наших полей.

Один из примеров происходившего тогда кошмара, описанный в отчёте немецкого офицера, – белорусская деревня Борки. Вот что он пишет:

«Удалось захватить и доставить к месту сбора всех жителей села, без исключения. На месте сбора царило спокойствие, количество постов было сведено до минимума. Команда могильщиков получила лопаты лишь на месте расстрела, благодаря чему населе-

ние осталось в неведении о предстоящем. Незаметно установленные лёгкие пулеметы подавили с самого начала поднявшуюся было панику, когда прозвучали первые выстрелы с места расстрела.

Расстрел начался в 9 час. 00 мин. и закончился в 18 час. 00 мин. Расстрел проходил без всяких осложнений. Конфискация зерна и инвентаря происходила планомерно. Домашняя утварь и сельскохозяйственный инвентарь были увезены подводами с хлебом.

Привожу численный итог расстрела. Расстреляно 705 человек, из них мужчин – 203, женщин – 372, детей – 130.

Количество собранного скота: лошадей – 45, крупного рогатого скота – 250, телят – 65, свиней и поросят – 450 и овец – 300. Домашнюю птицу можно было обнаружить только в отдельных случаях.

Из инвентаря собрано: 70 телег, 200 плугов и борон, 5 веялок, 25 соломорезок и прочий мелкий инвентарь.

При проведении операции в Борках израсходовано: винтовочных патронов – 786, патронов для автоматов – 2 496 штук. Потерь в роте не было».

И так было везде, где ступала нога оккупанта. Но даже в таких чудовищных условиях люди старались выжить и сохранить детей.

НА ПУСТЫРЕ НАХОДИЛСЯ КОНЦЛАГЕРЬ...

Ангелина Дмитриевна Бегун
г. Самара

Начало войны застало нас в Киеве. Отец ушёл на фронт. Мне хорошо запомнились его слова: «*Доченька, не бойся ничего, мы не допустим немца*». Но, увы, мы оказались на оккупированной территории. Начались для нас страшные годы – годы страха и голода. Нас у мамы было трое, всем меньше 4-х лет. Немцы собирали урожай с наших огородов, а нам приходилось питаться гнилой картошкой, ещё мы ходили на их солдатскую кухню за объедками со стола, собирали кожуру от картошки. Нас прогоняли, травили собаками. В любую минуту могли постучать в дверь солдаты СС и забрать любого из нас.

Во время бомбёжек прятались в погребе. На площади в 4 квадратных метра умещалось до 10 человек. Иногда мы прятались и под кроватью. Мама накрывала нас периной. А когда мы вылезали из-под кровати, по комнате разлетался пух, из перины мы вытаскивали осколки и играли ими. Но, невзирая на голод и страх, мама прятала в погребе еврейскую семью (бабушку и двух девочек).

Неподалеку от нашего дома, на пустыре, находился концлагерь. Оттуда слышались гортанные команды часовых, крики истязаемых, лай собак. В ту сторону было запрещено ходить. Перед отступлением немцы тот концлагерь подожгли, и мы, дети, вместе с родителями пытались вытащить из пожарища пленных солдат, обожжённых и раненых.

Немцы принесли нам зло, и по-детски хотелось, чтобы весь этот ад быстрее кончился. В 1944 г., когда части Красной Армии взяли наш городок, мы вместе с соседями, со слезами на глазах, встречали освободителей. На ходу наши солдаты открывали рюкзаки, раздавали нам хлеб, сахар, консервы. Один из них, подхватив меня на руки, сказал: *«Это ещё не победа, но мы вас уже не оставим!»*.

На улицах города появились освобождённые из концлагеря. Исхудалые, изнурённые, чудом избежавшие смерти, они и были похожи на смерть. Мы делились с ними кровом, одеждой, едой, чем только могли.

Спасённая еврейская семья и пленные, вытщенные из пожарища, после войны разыскали нас и благодарили за спасённую жизнь. В 1944 г. я пошла в первый класс. Нас объединили со вторым: детей было мало. Не было тетрадей, учебников, писали на газетах, листах сохранившихся книг.

Порой удивляюсь, как быстро летит время, ещё свежи детские воспоминания, а позади годы жизни, годы работы. Какая была гордость в сердце, когда повязывали мне алый пионерский галстук, вручали комсомольский билет. В 1961 г. я стала членом КПСС, и в настоящее время состою в рядах КПРФ.

Я очень горжусь своей профессией – строитель. Тысячи квадратных метров жилья, детсады, больницы, школы, железнодорожный и речной вокзалы, сотни километров железнодорожных путей – всё это построил трест «Куйбышевтрансстрой», где я проработала много лет.

В заключение хочу сказать: дети войны – пожилые люди, но что поражает в них – так это жизнелюбие, оптимизм, доброта. Годы их не сломили. Даже сегодня у них есть чему поучиться.

ВОЙНА ПРИШЛА НА БРЯНЩИНУ

Раиса Ефимовна Беспятова (Дыскина)

Родом я из Брянской области, станция Комаричи, 1937 года рождения. День 22 июня 1941 года хорошо помню. В детской памяти остался мой дом на окраине села. Во дворе, чувствуя беду, лаяла собака, мычала корова. Папа, Ефим Абрамович Дыскин, пришёл за нами. Он сказал маме: *«Дали подводу на две семьи, доехать до железнодорожного вокзала, а там будет эвакуация жителей. Враг приближается к нашей деревне»*. Отец стоял передо мной в гимнастерке, за плечами рюкзак, на голове – пилотка со звёздочкой. Он поднял меня на руки, поцеловал.

Везли нас долго, ночевали мы в школах, мама ходила рыть окопы. Привезли в село Ровное Саратовской области. Люди приютили нас, старшая сестра Ангелина за мной приглядывала. Мама работала. Папа пришёл летом 1944 года, инвалидом. Писем от него всю войну не было. Он был контужен и лежал в госпитале. Разыскал нас в селе Ровное. Я, сестра, мама шли из лесу: заготавливали хворост на зиму, чтобы топить печь. Впереди – телега, нас увидел папа, говорит извозчику: *«Останови. Вон мои идут»*. Я тоже несла из лесу хворостинку. Он поднял меня на руки, я его узнала, хотя прошло много времени. Папу как коммуниста послали работать на станцию Татищево (война ещё шла). Он работал на заготовке живсырья, его отправили на пошив тулупов, т.к. неизвестно, когда война закончится.

В первый класс я пошла в том же селе, первой

моей учительницей была Мария Васильевна. Так что село Ровное – это моя малая Родина. Сестра Лина окончила Саратовское медучилище, на работу её распределили в г. Куйбышев. Папа приехал к ней в 1944 году, а позже перевёз и нас в Куйбышев.

Мама умерла в 1954 г., папа в 1964 г. Я хотела стать врачом, но не прошла по конкурсу, решила учиться там, где примут с моими оценками. Получила специальность техника-технолога пищевой промышленности.

ДЕТИ – ФРОНТУ

Михаил Фёдорович Верёвкин
г. Самара

*В тылу врага мы – партизаны,
В тылу своих – Победы кузнецы.
По возрасту мы были дети,
А на работе – молодцы!*

*Мы в городах, порой ночами,
Без сна трудились у станков,
Так как на фронт мы проводили
Всех старших братьев и отцов.*

*Мы у станков в цехах ночуем,
В деревнях – на полях живём.
А в Ленинграде фрицы ждали,
Когда все с голода умрём.*

*В труде мы силы не жалели,
Хотя и были мы детьми.
При этом очень мало ели,
Но стали взрослыми людьми.*

*Мы добросовестно трудились,
Мы твёрдо знали – победим!!!
Мы до сих пор у вражьей стаи
На пути стеной стоим.*

*Нам силы и закалки хватит,
Чтоб лихолетье пережить.
Пока герои есть в России,
До тех пор и России быть!*

ПАПА ПОГИБ ПОД КУРСКОМ

Олег Александрович Дембровский

22 июня по радио (тарелка висела на столбе главной площади станицы Усть-Лабинской Краснодарского края) объявили, что началась война. В этой станице мы жили временно – здесь был небольшой завод, где работали папа и мама. Нас, детей, было четверо.

Папу с первого дня войны отправили на фронт. Писем-треугольников приходило мало. Но в каждом он волновался за нас, называл ласковыми именами: Алик, Милочка, Галочка, Светочка – и очень просил маму нас беречь. В мае 1943 г. принесли похоронку, папа погиб под Курском. Мама собрала пожитки, взяла нас троих (младшая Света умерла), и отпра-

вились мы пешком в родную станицу Платнировскую Краснодарского края, к дедушке с бабушкой. Позже станица была оккупирована немцами. После их изгнания здесь, как и во всей стране, продолжалась трудная жизнь.

Но даже во время войны наше государство заботилось о детях: мы учились, нам делали прививки, чтобы не болели, помогали одеждой, обувью, продуктами тем, у кого погибли родители. Я окончил в войну 4 класса. А потом надо было помогать колхозу: мы собирали колоски, пололи, принимали участие в посевной, убирали пшеницу, кукурузу, подсолнечник. Затем вывозили пшеницу от комбайнов на ток, работали на сеялках, вывозили зерно в закрома – крытые амбары, на элеватор. Со мной работали другие подростки, так как мужчины ушли на фронт, и остались старики, женщины да дети.

Бригадир дядя Гриша, вернувшийся с фронта без одной руки, дал мне задание подвозить воду на стан для заправки двух тракторов, питья лошадей, приготовления пищи и личной гигиены колхозников. Мне выделили лошадь, звали её Васька, одноколку-телегу, бочку на 500 литров. Я лошадь загонял в речку, наливал воду в бочку и закрывал её мешковиной, чтобы не плескалась. И так до конца войны, каждое утро и вечер.

В 1946 г. я уехал в Куйбышев, поступил в РУ №12, окончил с отличием десять классов и пошёл работать на авиационный завод. Попутно занимался прыжками с парашютом. Получил значок ГТО. Очень пригодилось для поступления в лётное училище г. Батайска. Стал лётчиком-испытателем, окончил институт. И всегда ощущал заботу Советского государства о де-

тях войны. Я получил удостоверение «Дети – фронту» в Куйбышеве. Горжусь тем, что внёс свой вклад в приближение Дня Победы, горжусь своим отцом и другими героями, отдавшими жизнь за Родину, за то, чтобы мы жили счастливо.

Я ТРИЖДЫ БЫЛА РАССТРЕЛЯНА!

Валентина Яковлевна Дрожжина

Мы жили в селе Русаново Черемисиновского района Курской области. Село было оккупировано немцами в июле 1941 года и освобождено только в феврале 1943 года. За это время я трижды была расстреляна, но, видать, судьбе было угодно, чтобы я приносила пользу людям.

Вначале Красная Армия отступала. У нас в селе был хороший дом, в котором селилось командование нашей армии, а впоследствии – немецкой. Помнится, после ухода нашей армии я (мне тогда было 13 лет) несла воду из колодца на коромысле. На бреющем полёте летел немецкий самолёт с большими черными крестами, это привлекло моё внимание. Что пилот подумал, неизвестно, но по мне была выпущена пулёмётная очередь. Пули свистели над головой. Я упала и дрожала от страха. Тут же самолёт вернулся и ещё дал очередь надо мной.

Спустя два-три дня появились немцы: такие самодовольные, лощёные, хорошо экипированные, много техники. В нашем доме поселились офицеры, заставили маму чистить картошку. Видят, что она плохо

справляется с делом, посадили денщика в помощь. Мама ругается: *«Чёрт вас принёс к нам, мы уже стали жить хорошо, в колхозе за наш труд стали хорошо платить»*. Немец: *«Was, Was?»*. Мама спрашивает: *«Валя, что он говорит?»*. (Я закончила 5 классов и кое-что понимала по-немецки). *«Он спрашивает, что ты говоришь?»*. Она: *«Да что я говорю?»*. И продолжает ругаться. Он: *«Сталина капут (показывает повешение). Гитлера капут, Wir nach Hause, а вы будете здесь»*. Я маме перевела, что он сказал, но тут вмешалась молодая тётя, которая была спрятана от немцев на печке: *«Замолчи, а то вместе со Сталиным, Гитлером и тебе придёт капут»*. На этом беседа закончилась. Да, ещё мама ответила: *«Гитлера капут, а нашего Сталина за что?»*

Вскоре немцы пошли на Воронеж. Но месяца через два вернулись и заняли оборонительный рубеж в нашем селе. Нас выселили в тыл, за 25 км. Так они простояли полгода. Потом поняли, что им невыгодно жить одним, т.к. на станцию, в 2-х км от них, приезжал наш бронепоезд и забросал их минами. Тогда они вернули население обратно в деревню. Мы жили по 5-6 семей в хатёнках. В наш дом нас не пустили, там находился их штаб. Когда мы съели все запасы, мама взяла меня, и мы пошли за картошкой к родственникам. Немцы заметили нас, и из нашего дома один из них стал стрелять по нам. Пули свистели, мы упали и лежали в снегу до вечера. Потом пошли обратно, задержал патруль и привели нас домой. Больше мы не ходили, было запрещено передвижение. Так жили мы с ними до мая.

Потом нас опять выселили, линия фронта прохо-

дила вдоль нескольких сёл. На выселках мы хватили лиха: еды не было, ходили на поля, выкапывали мышиные норки, в которых находили их запас – просо. Варили кулеш, потом стало совсем плохо. Вот тут моя тётя (учитель русского языка) и учительница немецкого языка пошли к немецкому коменданту на беседу. Он их хорошо принял, угостил кофе, хлебом с маслом и сказал, что помочь ничем не может, т.к. немецкая армия тоже не доедает, но в первых числах будет наступление на Воронеж, и мы сможем вернуться в свои сёла. На счастье, прилетели наши самолёты и разбомбили в лесу немецкое поселение. Фашисты пришли в село и разрешили забрать погибших коней. Люди взяли топоры и нарубили себе мяса. Так мы спаслись от голода. Но, как сказал комендант, 1 июля они пошли на Воронеж. Тьма самолётов, танки, мотоциклы, пехота, и мы за ними двинулись в свои сёла. Они, как ни странно, нас не тронули. Пришли домой, откопали картошку, вскрыли сало и наелись вдоволь.

Но посадить на огородах люди не могли – поздно. За нами, детьми, пришли мамыны сёстры и брат. Забрали нас к себе, поскольку они находились не на оккупированной территории, смогли посадить огород и сохранили скот.

По дороге нас поразило большое количество трупов наших бойцов, погибших при отступлении. Дожили до зимы 1943 года, немцы из нашего села и близлежащих сёл ушли, их функции стали выполнять старосты и полицейки, которые пороли женщин шомполами за то, что позволяли себе в карман положить горсть зерна с полей, на которых работали. Зимой немцы стали отступать.

Однажды ночью раздался стук в дверь, мама вышла. Это были военные, которые спрашивали дорогу на Щигры (городок). Мама растрогалась, запричитала, как нам трудно было без них. Они выругали её матом и пригрозили расстрелом. Мама испугалась и недоумевала, в чём дело. Дня через три пришли наши разведчики (5 человек), мама им рассказала о случившемся. Они сказали, что это были власовцы, они прикрывали отход немцев. Ребята были тепло одеты: полушубки белые, валенки, варежки и шапки. Они по-доброму отнеслись к нам. Меня возмущают оправдательные тирады в адрес власовцев, раздающиеся сегодня.

Дожили мы до лета 1943 года. Развернулись жестокие бои под Прохоровкой, где погиб мой отец. Через наше село двигалась на фронт Красная Армия, день и ночь.

Однажды ночью нас разбудил стук в дверь, стрельба: «*Выходите!*». Мама вывела нас с братом на улицу. Военный кричал ужасно, стреляя по саду и дому. Спрашивал, кто пустил ракету, грозился расстрелять нас и сделал бы это, если бы не пустили ещё ракету. Мама увидела это и сказала ему. Мы с братом так от страха кричали, что разбудили сельчан. Ракеты были сигнальные, но кто подавал сигнал, неизвестно. Наутро к нам пришли соседи, обеспокоенные нашим криком и стрельбой.

Курская битва закончилась победой, и мы зажили мирной жизнью. Я работала с мамой в колхозе, училась в школе. Но вскоре мама умерла, мы с братом остались сиротами. Добрые люди помогли нам выжить. Я после школы поступила в Курский педин-

ститут, на физмат. Окончила в 1951 году, и, по направлению, два года работала в школе, на границе с Польшей. Потом вышла замуж за военного, работала 9 лет в Саратове, потом – в Куйбышеве, проработала 23 года в школе №153. Я довольна своей профессией и люблю свой предмет.

Сейчас я – ветеран труда и войны, нахожусь на пенсии 30 лет. Довольна своими детьми, жизнью и очень сожалею о потере Советской власти. В то время было много хорошего и кощунственно это отрицать. То, что я перенесла, пережил и весь советский народ, досталось всем с лихвой.

МНЕ ВЫПАЛА ЧЕСТЬ НОСИТЬ ЭТУ ФАМИЛИЮ

Лидия Демьяновна Космодемьянская

Родилась я в 1937 году на Украине, в Винницкой области. Война ворвалась в нашу жизнь, когда мне было четыре года. И хотя говорят, что маленькие дети ничего не помнят, я помню каждый день этой страшной жизни.

Помню, как наши солдаты отступали. Они шли нескончаемым потоком. Женщины выносили им яблоки и попить холодненькой воды, т.к. было жарко, был август 1941 г. А в начале сентября приехали фашисты на мотоциклах, довольные, жирные, холёные. Остановились возле колодца – обливались холодной водой, пели песни. Позже пришла их пехота. Немцы размещались по домам, но наша хата была в глуби-

не деревни и мы этой кары миновали. Колхоз немцы тогда не разгоняли, а, наоборот, заставляли всех там работать по шесть дней в неделю. В каждом колхозе был наблюдатель, и если увидит, что кто-то работает на своём огороде, пригоняли лошадей, которые всё в огороде вытаптывали.

С местным населением немцы обращались очень жестоко, ходили по домам отбирали всё, что найдут: яйца, молоко, сало и др. Периодически делались облавы, забирали молодых людей, которые были ещё совсем подростками, и отправляли в Германию. В нашем доме искали брата, который спрятался на чердаке. В доме они всё перевернули вверх дном, протыкая штыками лежащую на кровати постель и в других местах. В сундуке всё перетрепали, лучшее забрали себе.

Конечно же, среди немцев встречались и добрые люди. Так, один солдат угощал меня маленькой шоколадкой и плакал. А другой пришёл поздно вечером и предупредил об облаве, в результате брат рано утром успел спрятаться, а меня переложили на его место. Когда немцы не нашли брата, маму поставили к стенке с поднятыми руками, мы с сестрой плакали, а они сказали, что, если найдут брата, то сожгут хату вместе с нами. Мама им ответила, что он там, где и все остальные дети (два старших брата были на фронте, а младшему было 16 лет.)

Наша деревня несколько раз переходила из рук в руки. Ложимся спать при Красной Армии, просыпаемся – крики, шум – это немцы. Наши уходили, но без

боя, чтобы не пострадала деревня. Около каждого дома люди копали окопы, днём мы сидели в окопах, а ночевать заходили в дома.

Помню, как однажды в нашем доме появились красноармейцы, около 20 человек, с продуктами. Мама приготовила им много еды, только они сели за стол, как прозвучала команда «*В ружьё!*». Все вскочили, побросали кое-что в вещмешки и умчались на санях с лошаадьми.

Недалеко от нашей деревни был районный центр Немиров, там проживало очень много евреев, их заставили выкопать огромный ров, потом всех расстреляли, и, кого мёртвого, кого живого, – закопали. Люди говорили, что ещё целую неделю земля шевелилась. Рядом с нашим домом проходила железная дорога. На одной из станций находилась водокачка с большой ямой, так фашисты в неё побросали детей из местного приюта.

Зима 1941 года была очень холодной. Немцы очень мёрзли, особенно солдаты. Спасаясь от холода, они отбирали у населения все тёплые вещи: покрывали голову шерстяными платками, подвязывали ими шинели.

У меня на протяжении всего этого военного времени было постоянное чувство страха, особенно зимой, когда на улице темно. А когда я слышала гул самолётов, то постоянно выбегала на улицу и находилась там, пока они не улетят.

Вот так мы жили с августа 1941 года до марта 1944 года, когда немцы отступали. Этот март я не забуду никогда. Фашисты за деревней установили дальнобойные орудия и стреляли по нашим войскам. Страшный

гул. Скотина мычит, собаки лают. Двери в дома не открывали, чтоб стёкла не повывлетали. Немцы ходили злые по деревне и убивали всех, кто попадётся на глаза: у друга нашего брата расстреляли родного брата и отца. Наши войска по деревне не сделали ни одного выстрела. Так у нас закончилась война.

Открылась школа – ни одеть, ни обувь нечего. Тетради делали сами из мешковой коричневой бумаги, а чернила делали из ягоды бузины. Из еды была постная пшённая каша и картошка.

Мой муж был двоюродным братом Героев Советского Союза Зои и Шуры Космодемьянских. Мне выпала честь носить эту фамилию. Всей семьёй мы ездили навестить их маму, Любовь Тимофеевну, посещали кладбище, где похоронены наши герои.

В свете последних событий на Украине, хочю кое-что добавить. Что собой представляют бандеровцы, мы знали во время войны и после: они были бандитами, и их нельзя возводить в ранг героев.

МЫ ПОМОГАЛИ ПАРТИЗАНАМ

***Павел Аврамович Кондратенко
г. Самара***

Родился я 26 августа 1931 года в с. Константиновка Курганского района Ростовской области. С 1933 по 1951 гг. жил в хуторе Орловском Ремонтненского района той же области. Наш хутор, с июля 1942 года по май 1943 года, был оккупирован немцами, которые наступали на Сталинград. В селе в период оккупации

мужчин вообще не было, кроме престарелых, больных стариков, женщин и нас, малолетних мальчишек. Было очень холодно и голодно, потому что всё продовольствие отправлялось на фронт для армии и флота, а то, что было в запасах, всё выгребли немцы при наступлении на Сталинград.

Фашисты жестоко расправлялись с мирными жителями, особенно с молодёжью, грабили колхозное и дворовое продовольствие. Очень сильно они зверствовали после отступления, когда армия Паулюса была разбита. Все сельскохозяйственные и животноводческие работы легли на плечи женщин и на нас, мальчишек 11-15 летнего возраста. Я и другие ребята со своими матерями пахали на быках, сеяли, убирали урожай, работали с раннего утра и до темноты. И усталости не замечали, потому что верили в победу!

Кроме вышеуказанных работ, я со своими сверстниками во время оккупации помогал партизанам, которыми командовал сельский учитель Иван Петрович Кубрак: доставляли им, в основном по ночам, информацию, которая их интересовала, и, конечно, приносили еду.

Отец мой, Аврам Демьянович Кондратенко, был призван на фронт с хутора Орловского. Он погиб при форсировании Днепра в 1943 году. Вместе с ним на фронт призвали старшего брата Иосифа и среднего – Алексея, которые являлись действительными участниками Великой Отечественной войны, их уже нет, они умерли. Мать, Василиса Семёновна, очень болела и умерла от голода.

После изгнания фашистов, и до призыва в армию, я продолжал трудиться там же, на благо Родины. После Великой Отечественной войны, в 1946 году, за активное участие в подпольной организации районные

власти, за счёт государства, направили меня в училище механизации сельского хозяйства. После окончания училища более двух лет проработал электриком в Краснопартизанском совхозе Ростовской области. В 1951 году был призван в армию, в Военно-Морской Флот. Сначала служил в Севастополе, в г. Николаеве, последние три года – в городе Советская Гавань – Тихоокеанский флот. После демобилизации работал и продолжал учиться. В 1966 году с отличием окончил Московский институт пищевой промышленности и был направлен в аппарат министерства хлебопродуктов Казахской ССР. В 1991 году вышел на заслуженный отдых.

После окончания войны хутор Орловский перестал существовать, сельчане разъехались, а глиняные землянки развалились. Райцентр с. Ремонтненское до сих пор существует, там, возможно, сохранились архивные документы, подтверждающие информацию о нашей помощи партизанскому отряду.

В данный момент я проживаю с женой в селе Покровка, Кинельского района. Возделываем огород в 30 соток, держим подсобное хозяйство. У нас 5 детей, 14 внуков и ещё больше правнуков.

ТАКОЕ НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ НИКОГДА!

Виталий Степанович Костюк

Это было перед войной. Город Днепропетровск. Мне – три года. Помню летний день, я – на руках у своего отца, который смотрит, как играют в домино,

и звучит песня «Любимый город». Помню, как провозжали отца на вокзал: он уезжал с заводом в г. Куйбышев. Завод эвакуировали эшелонами в тыл. Вскоре немцы захватили г. Днепропетровск. Мы остались втроём: мама, старший брат Вилен и я.

Возле вагоноремонтного завода немцы, итальянцы и румыны развернули свою часть. Нас, жильцов домов, прилегающих к заводу, оккупанты не очень трогали. Но, как рассказывала мама, случаев зверств и насилия было много, особенно на окраине города. Однажды на рассвете нас подняли полицаи, выгнали всех жителей из домов и погнали на рынок, где прилюдно повесили двух человек (говорили, что это партизаны). Все жители, и мы с братом, были сильно напуганы.

Но не все немцы были такие. Однажды мы, детвора, наблюдали любопытный случай: идут два молодых, аккуратно одетых немца, а навстречу им – пьяный мужчина. Подойдя к немцам, он дал одному из них пощёчину. Женщины, которые были рядом, и мы, дети, испугались за этого человека, а немцы повернулись и ушли, не тронув хабрца.

Жилось тяжело, было и холодно, и голодно. Правда, летом было немного полегче: в садах, ниже по Днепру, поспели яблоки, абрикосы, вишня. Помню, однажды брат принёс домой большое яблоко. Мы все его ели, после чего я сильно плакал, кушать хотелось ещё сильнее. Как-то немцы сжигали зерно. Мы побежали туда посмотреть, потом хватали это зерно и ели, а немцы нас отгоняли, кричали на нас, но не стреляли.

Было лето 1942 года, мне шёл пятый год, но я очень хорошо помню, что произошло. В нашем доме жила

еврейская семья: двое детей и мать. Кто-то донёс немцам. Приехала машина – «душегубка», забрала мать и младшего сына. Эта «душегубка» стояла и ждала, когда появится старший сын. Как только он появился, его схватили и втолкнули в машину. Люди говорили, что они там задохнулись.

Людей, способных работать, немцы гоняли на вагоноремонтный завод. Мать и брат работали там с утра и до позднего вечера. Летом целый день мы бегали у этого завода, возле проходной, ждали своих родных. Кормили работников один раз в день. Часто мама и брат приносили мне еду. Мама всё время думала о том, как нас прокормить. Порой ездила в деревни поменять вещи на что-нибудь съестное. Рассказывала, что это было трудное дело. Бывало, что-нибудь выменяешь, так полицаи отнимали. Иногда приходила без всего. Деньги были немецкие.

Хочу рассказать случай, который произошёл со мной. Однажды, когда я играл на улице, меня сшибла легковая машина. Немецкий офицер, который вёл машину, отвёз меня в госпиталь: у меня были переломаны ключица и бедро. Шрамы от травмы остались на всю жизнь. Мои родные, мама и брат, переживали за меня и очень были удивлены таким поступком немецкого офицера.

Осенью 1943 года, когда было уже прохладно, жителей стали выгонять из домов. Собралось много народу, и нас погнали в Германию. Маленьких детей посадили на подводы, мать и брат шли за подводой, где ехал я. Остальных гнали толпой калмыки, которые были в белых кителях, на лошадях и с нагайками в руках. Шли долго, мама говорила – около недели.

И вот, судьба наша: вдруг извозчик направил телегу с детьми в кусты. Меня подхватил брат, и все, кто был в телеге, их близкие, матери, сёстры, братья убежали дальше, в полесье.

Добирались мы до дома долго, несколько дней, шли по темному времени, а днём прятались в кустах. Когда дошли, то сразу не пошли в дом, а наблюдали, нет ли там полицаев или немцев. Вскоре мы зашли в дом и стали там жить, постоянно прячась от немцев.

Помню (это случилось через день или два после возвращения домой) нас с братом разбудил плач. Это женщины плакали от радости. Мы выбежали на улицу и увидели наших солдат, которые переправились через Днепр. Река была мелководной, т.к. немцы спустили воду с ДнепроГЭСа. Основные бои шли за город Запорожье. Я подошёл к одному солдату, который тащил пулемёт «Максим», и стал ему помогать. Мне шёл уже шестой год. Когда прошли довольно много, солдат сказал: *«Иди домой, а то заблудишься»*. И дал мне кусок хлеба. Радость освобождённых людей, взрослых и детей, была непередаваемой. Но жить не стало легче.

В начале декабря 1943 года за нами приехал отец. Когда я открыл ему дверь, (а дома я был один), то сразу узнал его и радостно закричал: *«Папа!»*. Вскоре мы уехали в Куйбышев. В канун Нового, 1945 года папа принёс мне билет на ёлку в клуб «Родина», что расположен на Безымянке, на улице Воронежской. И, впервые в жизни, я получил новогодний подарок, это были конфеты, печенье и один мандарин. Его я попробовал впервые. Перед самым Новым годом к нам приехал мамин двоюродный брат, его звали Николай

Остапец. Он ехал через Куйбышев на Дальний Восток, на войну с Японией. Он был лётчиком, погиб в бою. Мой родной дядя Дмитрий Леденёв, тоже лётчик, погиб под Ленинградом.

И ВОКРУГ ПО-ПРЕЖНЕМУ РАСТЁТ ПШЕНИЦА

*Антонина Николаевна Кузнецова
г. Жигулёвск*

В нашем селе Ракитное, Белгородской области, фашисты появились внезапно. Мне тогда было шесть лет. Фашисты сразу, для устрашения местного населения, повесили на воротах сахарного завода десятиклассника и старшего мастера завода, которых долго потом не разрешали снять.

Немцы быстро расселились по хорошим хатам, где было мало детей и стариков, и начались их лютые зверства: отбирали весь скот, забрали молодых девушек и парней и угнали в Германию. Они заставляли жителей грузить чернозём на платформы, с которых сгружали танки и другую военную технику, уводили население для рытья противотанковых окопов на 40 дней и более. Всех, кто отказывался выполнять их приказы, сажали в закрытую машину, пускали туда газ и увозили в неизвестном направлении, безвозвратно. Запрещались какие-либо передвижения по селу, даже к соседям. Немцы вырубали в селе все деревья и кусты, так как очень боялись партизан.

Наше село дважды переходило из рук в руки. Вра-

жеские самолёты постоянно сбрасывали зажигательные бомбы. Оккупация продолжалась до августа 1943 года. После Сталинградской битвы фашисты вновь прошлись по нашей территории. Во время оккупации нам отключили радио и народ не знал, что происходило на фронтах. Если кто-то узнавал новенькую информацию, то она передавалась мгновенно. Ну, а если кто-то сказал, что слышал речь Сталина, то этого человека считали просто счастливым. Поля опустели, запасы все закончились, и все люди очень голодали: питались мороженой картошкой, лебедой, крапивой и другой зеленью. Многие умирали от голода.

Красная Армия готовилась к наступлению, к великому танковому сражению, и нас стали эвакуировать в другое место, за 25 км от села. Всё это расстояние люди шли пешком. Стояла страшная, невыносимая жара. Меня несла на плечах старшая сестра, а 75-летняя бабушка несла наш скраб и следила за нами, детьми. Соседская девочка была очень слабенькой, и всю дорогу подходила к взрослым и говорила им, что сейчас умрёт.

Придя на новое место проживания, бабушка, обернувшись назад, увидела зарево, это горело родное село. Наутро бабушка собрала нас и мы пошли назад, в наше село. Проходя улицу за улицей, мы наблюдали сгоревшие хаты, стояла мёртвая тишина. Добрались до нашего дома уже поздно вечером. Как только разобрали вещи, начался артобстрел и бомбёжка. В погребе нас воздушной волной кидало из угла в угол. Утро следующего дня мы вновь пошли туда, откуда пришли. Шли мы по той же дороге, но за эту ночь на одной из улиц дома были все сгоревшие, торчали только дымовые трубы.

Рядом с нашим селом было огромное ровное поле, где предполагалось, что там развернётся битва. Однако сражение прошло восточнее, возле села Прохоровка, где наша Красная Армия в жесточайшем бою победила и отбросила врага на запад, в сторону Белгорода. В это время в Белгороде проживало всего около 150 человек, вместо 36 тыс., до начала войны, и встречать армию-победительницу и чествовать воинов-героев было практически некому.

В честь победы в танковом сражении на Курской дуге 5 августа 1943 года был дан салют. Город Белгород, как Орёл и Курск, названы городами первого салюта. В Белгороде улицы получили новые названия, в честь героев-освободителей. В селе Прохоровка построен мемориал воинской славы, а на поле битвы установлена часовня, и вокруг по-прежнему растёт пшеница.

МЫ СМОТРЕЛИ, КАК ПАДАЮТ БОМБЫ

Николай Егорович Мурченко

Мы жили в селе Цаца Сталинградской области. У матери было 7 детей, отец – на войне. Помню, полицай кидал маленьких детей в колодец, чтоб выслужиться перед немцами. После войны его опознали, судили и расстреляли. После немцев пришли румыны, зимовали. Я с другом Витей отрезали ремни с их лошадей – для коньков. Меня за это отстегали. Чтобы отомстить, дети кидали в дома с румынами зажигательные бутылки. Набили в гильзы пороха, тол,

шнур подожгли, а от озера шёл румын и увидел нас. Поймал и привёл в штаб. Заковали в наручники и повезли на станцию, чтобы с другой молодёжью отправиться в Германию. Поезд несколько раз бомбили, конвойные расстреливали тех, кто пытался убежать, или сильно били. После одной бомбёжки молодёжь разбежалась, в несжатое поле пробирались ползком. В жару, без воды и еды, только зерна из колосьев.

В подвале школы скрывались два лётчика. Сказали детям: *«Принесите нам что-нибудь поесть»*. Сходили, принесли от бабушки молока и хлеба. Лётчики дали нам за это гильзы. Попросили их довести до соседнего села. Мы проводили их до прямой дороги в то село.

Наши солдаты стали наступать, выгнали румын. Стояли мы около своего саманного дома под козырьком крыши и смотрели, как таранят друг друга самолёты, падают бомбы, летят осколки. Моего друга завалило стеной сарая, вытащил его, всего в грязи, во рту – песок и земля. Недалеко от дома лежало много раненых, изуродованных. *«Ребята, принесите попить воды»*. Я пошёл к бабушкиному дому. В сенях из бака зачерпнул два котелка воды, отнёс, не хватило, послали ещё. Бабушка ругает: *«Куда лезешь, убьют!»* Пришлось идти к колодцу. Набрал воды, пошёл посмотреть трофейный мотоцикл. Впереди разорвался зенитный снаряд, глаза залепило грязью, кровью, осколками ранило в обе ноги, руки, грудь (и сейчас осколок колет, пальцы не работают). В госпитале залечили.

Эвакуировали сельчан на лошадях, до Волги. Переправлялись на худой барже, откачивали из неё воду, чтобы не затонула. Завезли в лес – и живи, как хочешь. Дошли до какого-то села, приютили нашу

семью. Вшей было очень много: в голове, в одежде. Штаны мать сшила из крапивного мешка, с одной лямкой через плечо. Мальчишки и девчонки ходили по сёлам, собирали, кто что подаст: свёклу, картошку, сухари, объедки. Когда возвращались, я чуть не утонул в овраге в талой воде, вытащила какая-то женщина.

Из эвакуации мы, трое мальчишек, шли домой пешком, по воде со снегом, где – по колено, где – по пояс. Ботинки слетели, в носках изорванных. Мать с малышней в двухколёсной тележке тоже по воде вернулись домой. Отец вернулся с фронта без ноги.

Вот такое тяжёлое детство было у 5-10 летних детей в войну.

«Эти воспоминания Николая записала я в Пятигорске 20 лет назад. Мне сейчас 75 лет, а в войну было 3,5-7,5 лет, и тогда мне приходилось выполнять всякую домашнюю работу: чистить очень мелкую картошку, мыть посуду, полы, носить на коромысле из колодца воду, полоть грядки, поливать капусту, в 4 часа утра отгонять телёнка на луг. Играть на улице было некогда, только – когда начинает темнеть. Отец был на войне до сентября 1945 года, у мамы нас было четверо, все работали за взрослых, добывали пропитание и себе, и воинам Красной Армии. Налоги были большие: «Всё для фронта, все для победы!»

Считаю, что все дети войны заслуживают, чтоб власти их поздравляли с Днём Победы и радовали подарками».

*Надежда Дмитриевна Юлина,
учитель математики школы №14
г. Новокуйбышевска*

ЖИВОЙ ЩИТ

*Александра Ильинична Петрова
Кошкинский район*

Родилась я в 1936 году в селе Монастырь Епифановского района Тульской области.

Зимой 1941 года к нам в село пришёл немец. Всё село сожгли и стали выселять людей. Гнали нас долго.

Было очень холодно, стояли морозы. Многие люди падали от усталости и их убивали.

Всё это я хорошо помню. Нас гнали впереди, а фашисты шли за нами.

Их было очень много. Когда наши тоже начали стрелять, нас немцы поставили живой стеной перед собой. Тогда много полегло народа. У кого была возможность, разбегались, кто-куда, лишь бы спастись, по ним тоже стреляли. Мне повезло. Потом нас приютили в какой-то деревне, которую я уже не помню. Жили мы там всю зиму у чужих людей, за что им огромное спасибо. Весной вернулись в своё село, от которого ничего, кроме голых стен, не осталось. Всё сожгли фашисты. Люди остались без жилья и вынуждены были приспособливаться, кто как может, и так продолжали жить до 1946 года. Был голод. Выживали на траве и ходили собирать гнилую картошку, чтобы прокормиться.

КАРТИНЫ ИЗ ЖИЗНИ

Лидия Алексеевна Португальская
с. Ширяево

Трагические события, происходящие в настоящее время в Луганской и Донецкой областях, вызывают в моей памяти картины детства, когда эти же места, в 1941-1942 годах, бомбили немецко-фашистские захватчики.

Я родилась в 1938 г. на Украине. Мать – русская, отец – украинец. Познакомились они и поженились в Москве, когда учились в сельскохозяйственной академии им. Тимирязева. Мама была батрачкой и направлена в академию рабфаком г. Ульяновска, а отец – беспризорник, ученик школы А.С. Макаренко, которого направил на учёбу сельскохозяйственный институт. По окончании академии мои родители по распределению попали на работу в сельскохозяйственный техникум в д. Хомулец Полтавской области – это бывшее имение декабриста Муравьёва-Апостола.

Картина первая. Мирная. 1938-1941 гг. Я вижу огромный парк с вековыми и очень огромными деревьями, наверное, ещё и потому, что я была тогда очень мала. Яркое солнце и зелёный-зелёный луг, весь покрытый цветущими одуванчиками. Белые хаты с растущими рядом пышными и красными мальвами.

Картина вторая. Военная. 1941-1942 гг. Пыльная дорога, по которой нескончаемым потоком идут пешком и едут на волах испуганные люди с узлами и чемоданами. Над нами гул самолётов. По бокам дороги – ямы от разорвавшихся снарядов. Наконец, мы до-

бираемся до с. Мостики Ворошиловградской (ныне Луганской) области. Хата. На полу, на соломе, лежат раненные бойцы с забинтованными руками и ногами. Всю ночь – бомбёжка. Утром я выхожу на улицу и вижу картину, которая осталась в моей памяти на всю оставшуюся жизнь. Вместо соседнего дома – огромная яма, на краю которой – уцелевшая печка с трубой. Рядом с печкой, на табуретке, сидит старый дед и чинит валенок. Около ямы мальчишки дерутся из-за осколков бомбы.

Отца мобилизовали на фронт, мы с мамой остались в этом селе. Помню короткую каморку, печь с лежанкой, лавку у стены. Очень холодно. Я в пальто и завязана шалью крест-накрест. Мама на подённой работе, приходит поздно вечером и варит несколько картофелин в «мундирах».

Наступила весна. Через село в очередной раз прошли немцы. Я стою у школы, рядом с которой на лужайке – куча разорванных книг, тетрадей и альбомов, глобусы и другие наглядные пособия. Ветер разносит оторванные листы вдоль улицы. Идёт немецкий солдат с кнутом, от которого с криком разбегаются куры. Взмах рукой, и кнут обвивается вокруг ног курицы, ещё один миг, и она – на поясе у солдата. Я от удивления не могу сдвинуться с места.

Запомнился мне и ещё один случай. Пыльный чердак с сеном. Мама закрывает мне ладонью рот, чтоб меня никто не услышал. Здесь, на чердаке, с риском для жизни, украинские старик со старухой спрятали нас – молодую русскую женщину с ребёнком, от угона в Германию.

И я снова с другими детьми иду по улице. Сразу за

ней – кукурузное поле. Мы едим початки. Вдруг над нами – самолёт, и закружились в воздухе листовки. В селе взрослые отобрали их у нас. Все радостно повторяют: *«Наши близко. Конец войне!»*.

Появились первые советские солдаты. Они останавливаются отдохнуть у церкви. Среди них есть раненый. Вид у всех усталый, и мне их очень жалко. Я бегу к маме и возвращаюсь с сухарями. Солдаты с радостью стали их есть. На другой день на этом месте у церкви остался бугорок земли. На нём из палочек – крест с пилоткой. После мне мама сказала, что раненный боец умер.

Помню митинг у сельсовета. На краю братской могилы стоят гробы с погибшими в бою солдатами и с расстрелянными фашистами мирными жителями. Гробы опускают и засыпают землёй. Ставят деревянный памятник. Я вместе с маминими учениками кладу на чёрную землю полевые цветы, уже целое море цветов.

В этом селе мы с мамой оставались до 1946 года. Отец погиб на фронте.

Картина третья. Послевоенная. Возвращаемся с мамой на её родину, в Ульяновскую область. У меня счастливое пионерское детство и весёлая комсомольская юность. В 1954 году мы переезжаем в с. Ширяево. Мама работает учителем биологии. Я училась и исследовала окрестности. Необыкновенно красивое сочетание гор, лесов и величественной реки Волги заворожило меня. После окончания педагогического училища в г. Куйбышеве я вернулась в село и работала преподавателем начальных классов, а после окончания педагогического института преподавала историю старшеклассникам. У меня была очень инте-

ресная работа: мы изучали историю села, проводили вечера и диспуты, встречи с интересными людьми, каждое лето обязательно ездили на экскурсии по городам страны. Но это уже совсем другая история.

СПАСЛО НАС СЛОВО «ТИФ»

Василий Андреевич Телеш

Фашисты в нашу деревню Старина Копаткевичского района Полесской (ныне Гомельской) области въехали на мотоциклах в первый день войны – 22 июня 1941 года, в два часа дня.

По команде умудрённых жизненным опытом стариков жители деревни начали уходить в лес, забирая с собой скот. Остановились мы в четырёх километрах от деревни и начали обустроиваться. Копали землянки, в которых делали печки для обогрева. В этих землянках мы прожили больше года, до августа 1942 года, а потом вынуждены были переехать, так как начали беспокоить немцы. И мы ушли дальше в леса, в район непроходимого болота. Устроились на островке среди болот. Сделали шалаши из еловых веток. Немцы очень боялись заходить в леса и болота из-за партизан, и к нам не совались. Женщины постоянно готовили еду на костре. Однажды зимой был такой солнечный и ясный день, снежинки сверкали на деревьях, дымок от костра поднялся к небу. Послышался гул самолёта и на нас полетели бомбы. По чистой случайности никто не пострадал, только кастрюли с едой разлетелись во все стороны.

В марте 1943 года немцы всё-таки нашли нас в лесу и погнали в деревню, где мы находились до освобождения. В центре нашей деревни была площадь, на которой стояла школа. В ней был организован лазарет, где лежали больные и раненные партизаны. Однажды мама нас с братом отправила нарвать щавеля для щей. Мы потихоньку собираем щавелёк, вдруг видим дым и слышим выстрелы у школы. Немцы школу подожгли, тех, кто выбегал, пристреливали, а заодно – и тех, кто находился рядом. Мы прижались к земле и лежали, пока не исчезла опасность.

Как-то раз фашисты согнали всех на площадь, выстроили по одну сторону. Два немца шли вдоль рядов и выбирали молодёжь от 12 лет. Построили по другую сторону и погнали к железной дороге, а потом отправили в Германию. Какой плач, вой стоял над площадью! Из тех, кого тогда забрали, никто не вернулся. Бывало, что в деревне появлялась тёмная машина, которую мы называли – душегубкой. Фашисты ходили по домам, хватали детей, бросали их в душегубку и увозили. Жители пытались их искать, может, где выбросили или закопали, но так ничего и не нашли.

Нас у матери было трое, и спасло нас только то, что мать написала на калитке слово – «тиф», и немцы нас обходили стороной. Написать именно так маме подсказала женщина – врач, работавшая у немцев, но связанная с партизанами. Наша мама тоже держала с ними связь, она пекла хлеб партизанам. Как напечёт, мы выходим на улицу и караулим, а поздним вечером они приходили и забирали.

Эта же женщина информировала нас об облавах. Ночами мы часто не спали, т.к. немцы поджигали

дома. Особенно часто это происходило, когда их побьют партизаны. В деревне было три полицаей. Мы их боялись хуже немцев, т.к. они ходили по деревне и всё «вынюхивали», обшаривали, а потом, по их информации, фашисты устраивали облавы.

Когда Красная Армия начала гнать фашистов назад, то они очень торопились, шли почти бегом, но старались гнать с собой скот и технику.

После окончания войны я пошёл учиться в школу, в возрасте 8 лет. Учиться было очень тяжело, т.к. не было учебников и тетрадей, писали на газетах. Но всё же я окончил школу и переехал жить в г. Жигулёвск. Трудовой путь начал рабочим, в «Куйбышевгидрострое», в должности кровельщика-каменщика. Строил многие объекты в г. Тольятти и в г. Жигулёвске. Без отрыва от производства закончил Тольяттинский политехнический институт, получив специальность инженера-строителя. Работал прорабом, а затем начальником участка ПМК-2 «Жилстроя-2», затем заместителем директора по капитальному строительству МУП «Жилкомхоз». Награждён медалями «За трудовую доблесть», «Ветеран труда», знаками «30 лет Куйбышевгидростроя», «Ветеран стройки». Являюсь почётным жителем города Жигулёвска.

БЫЛА МЕЧТА О ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ

Ростислав Филиппович Фещенко

Северо-западнее Киева расположилась старинная деревня, где родились и жили мои предки, родители, мои братья и сестры. Когда началась Вели-

кая Отечественная война, мне было три года, я был самым младшим. Семья была большая: восемь братьев и две сестры, правда, в 30-е годы одного брата и сестры не стало. С объявлением войны три старших брата ушли защищать Родину. Все боялись фашистов, но многие семьи не собирались эвакуироваться, тем более, отец заверял, что немцы до нашего села не дойдут. Но когда стали слышны орудийные залпы и появились наши отступающие солдаты, отец велел собираться и уходить вглубь страны. Погрузили на небольшую телегу самое необходимое, в основном, продукты: мешок картофеля, небольшое количество фасоли, гороха, свёклы, несколько килограммов сахара и соли, трехлитровую бутылку рыбьего жира. В тележку запрягли каким-то образом корову и, вместе с соседями, мы двинулись в путь. Только меня и брата как самых маленьких посадили на телегу, остальные шли рядом. Мы, вместе с другими беженцами, направлялись в сторону Днепра, чтобы переправиться на левый берег. Надеялись, что уж туда фашисты не пройдут. Однако мы не успели.

Немцы обошли, а переправы нашими войсками были взорваны. И так мы остались на временно оккупированной фашистами земле. Местное население небольшой деревни помогло нашей и другим семьям разместиться в уже пустой животноводческой ферме. Это было страшное жильё. Немцы и местные полицейские запретили размещать беженцев в домах местного населения, считая нас просоветскими, подлежащими уничтожению. С помощью одеял разделили коровник на клетушки. Так мы жили, а точнее сказать, существовали почти три года, вплоть до освобожде-

ния Красной Армией. Невыносимо страдали от вшей. Препаратов для их уничтожения не было, пришлось применять народный метод: разжигали костёр и прожаривали одежду на огне. Это немного спасало.

Тяжело было с продуктами питания. То, что мы привезли с собой, быстро закончилось. Свою корову-кормилицу отец, как и другие беженцы, чтобы не досталась немцам, отвёл на партизанскую базу, которая находилась недалеко, в приднепровских лесах. Отец контактировал с партизанами, иногда приносил от них молоко, сухари и другие продукты. В основном мы кормились хлебом, изготовленным из муки перемолотых желудей, смешанных с отрубями, половой, разной травой. Здесь очень пригодился рыбий жир, им родители смазывали осьмушку так называемого, хлеба. Картофель добывали на полях, после основной уборки. Все, кто там работал, умышленно оставляли клубни в земле, чтобы потом, ближе к зиме, их выкопать для себя. Конечно, это было возможно, если не видели немецкие надзиратели. Эту работу выполняли дети, так как взрослых полицаи прогоняли.

Нам, детям, очень хотелось сладкого. Мы искали поля с сахарной свёклой, выкапывали клубни, резали их на маленькие кусочки, высушивали и употребляли вместо сахара. Выручал и камыш, который рос в поймах Днепра. Та часть камыша, которая находилась под водой, была сладкая. Мы камыш выдергивали, мягкую часть жевали, было приятно. От потребления такой пищи часто болели животы, а от длительного пребывания в болотной воде кожа на ногах трескалась, образовывались, так называемые «цыпки». Спасал нас от голода и лес, где мы собирали всё, что

можно есть. Но всё закончилось, когда в этих местах стали проявлять свою активность партизаны, и немцы расстреливали всех, кого замечали вблизи леса.

В коротком повествовании невозможно описать все трагические моменты из жизни одной семьи в годы Великой Отечественной войны. О некоторых расскажу. Однажды, идя с матерью по улице, встретили немца, играющего на губной гармошке. Поравнявшись с нами, он протянул мне шоколадку. Естественно, я хотел взять, но вместо этого фашист дал мне пинка, я отлетел, плача, а он загоготал и направился к леднику. Ледник – это подземный погреб, в котором колхозники летом хранили картофель, овощи и другие продукты, предварительно, зимой, частично залив его льдом. Так как ледник был пустой, немцы его превратили в туалет. Как только фашист присел, мы с мамой быстро захлопнули массивную дверь и закрыли на засов. Уж очень нам хотелось отомстить фашистам за обиду, надеялись, что он там замёрзнет. Конечно, мы не заметили, что всё это видел другой немецкий солдат, который подбежал и сильно избил маму. Она после этого долго и сильно болела.

Так случилось, что эта небольшая деревня на берегу Днепра, в которой мы находились, приобрела стратегическое значение. После того, как Красная Армия разгромила фашистов под Сталинградом и на Орловско-Курской дуге, чувствуя своё поражение, немцы стали готовиться к обороне на левом берегу Днепра. Вдоль реки они стали рыть, силами пленных красноармейцев, противотанковые рвы. К лету 1944 года они были готовы, а для того, чтобы наши их не заметили, немцы накрыли рвы настилами из камыша.

Рвы наполовину были заполнены дождевой водой, в которой развелось множество больших лягушек. В некоторых местах настил из камыша провалился. Рядом с этими местами мы, мальчишки, играли в партизан, войну, лупили лягушек, считая их фашистами. Немцы и полицаи рвы охраняли, но играющих детей не трогали, взрослых же не подпускали. Перед наступлением Красной Армии, чтобы открыть эту ловушку для танков, партизаны решили поджечь камышовые настилы, закрывавшие противотанковые рвы. Эту операцию поручили детям. В нашей группе был заводила – двенадцатилетний мальчишка, по прозвищу Батый. В один из тёплых летних дней, когда солнце клонилось к закату, а немецкая охрана ушла отдыхать, наш заводила раздал всем спички, мы подожгли настил и мгновенно разбежались. Огонь змейкой пробежал по всему рву, озаряя всё вокруг. Немцы опомнились, но было уже поздно. Потом мы узнали, что двоих мальчишек, которые были связаны с партизанами, в том числе – и нашего заводилу, немцы поймали и расстреляли.

Деревня на берегу Днепра, в которой мы находились, если я не ошибаюсь, называлась Котовкой. Несколько раз её освобождали партизаны, готовили место для переправы наших войск, но силы были неравны. С каждым новым захватом фашисты всё больше зверствовали. Последний раз, уже перед освобождением, немцы решили сжечь село, особенно те здания, где проживали беженцы. Партизаны об этом предупредили отца, а мы – других, для того, чтобы люди уходили в лес или прятались в камышовых зарослях. Все, кого мы предупредили, ушли. Кого же не

успели, фашисты согнали в коровник, где мы жили, заперли, облили бензином и сожгли.

Мне тогда было около шести лет, но до сих пор чувствую состояние женщины-матери, которая услышала крик дочери в пылающем коровнике. Она потеряла рассудок. После этого наша семья и другие, которые прятались в камышах, ушли в лес, на партизанскую базу. Там мы и встретили освобождение от фашистов. База перестала существовать. Бойцы влились в состав Красной Армии. Тогда мы узнали, что это была база всех партизанских отрядов, воевавших в тех краях. Нас снабдили всем самым необходимым, позволили забрать корову, которую потом отец почти три месяца перегонял к своему дому.

После освобождения Киева моя семья – мама и мы, пятеро детей, – вслед за наступающими нашими войсками, двинулась к родным местам. Нам удалось сесть на товарный поезд, который шёл в сторону города Житомира, но, при подходе к железнодорожному узлу города Фастова, налетела немецкая авиация и разбомбила станцию, а также и наш поезд. Семья наша чудом спаслась из горящего товарного вагона. Многие погибли, живые убежали в лес.

На этой станции почему-то скопилось много товарных вагонов с животными, которые предназначались для снабжения наших войск. Горело всё. Был страшный рёв и визг животных, крики людей. Животные выламывали двери вагонов, прыгали, ломали ноги, догорали на земле. Это был ужас. Когда всё сгорело и утихло, люди стали возвращаться на станцию. Погода была холодная, начинались заморозки. На остывавших металлических частях вагонов, на ли-

стах железа скопилось много застывшего жира, горелого мяса. Люди с котелками, кастрюлями собирали всё это. Конечно, для еды.

После этого нам опять пришлось скитаться больше месяца среди чужих. Но это были уже свои, родные, советские люди. Только к зиме 1945 года, без зимней одежды, без продуктов питания, мы добрались до родного дома. Война ещё продолжалась, но мы ждали победу над фашизмом и возвращения старших братьев.

Несколько слов о них. Двое братьев воевали с немцами в пехоте с начала войны. Один, при взятии Берлина, был тяжело ранен в голову, потерял глаз. После возвращения из госпиталя прожил недолго. Второй брат был ранен при защите Минска, попал в окружение. Спасла и выходила его польская семья. Он партизанил, закончил войну под Берлином. После демобилизации вернулся в те края, где был ранен, женился на польской девушке, которая его выходила и спасла. Третий брат также воевал с первых дней войны, был лётчиком. Имел много боевых наград. В 1943 году был сбит, тяжело ранен, но дотянул до своих. Остался в полку техником эскадрильи. Закончил войну в Берлине. После войны все взрослые вернулись в родные края. Отец работал врачом в районной поликлинике. Мама занималась детьми. Прожили они недолго, война их свела в могилу, не выдержал организм того, что выпало на их долю.

После победы много ещё пришлось пережить, голод и нищету. Но, самое главное, – была мечта о лучшей жизни. Мечтал и я. Рос и развивался вместе со страной, которая залечивала раны, нанесённые

войной. Поступил в школу, единственный из всей семьи закончил семилетку, десятый класс заканчивал уже без родителей. Затем – служба в рядах Советской Армии. Так как моя сестра вышла замуж за парня из города Куйбышева, который служил в танковой части, расквартированной вблизи нашей деревни, а затем, после демобилизации, переехал жить в город на Волге, сюда после службы переехал и я, и двое моих братьев. Здесь работал на заводе, параллельно учился на вечернем отделении авиационного института. Затем трудился на различных участках производства, партийной и хозяйственной работы. Я благодарен стране, Советскому Союзу, людям, с которыми довелось трудиться, судьбе, что сложилась благополучно.

Я рассказал о некоторых эпизодах той страшной войны, которые выпали на долю нашей семьи и других советских людей, которые не хотели и не могли жить порабощёнными, не жалели сил и жизни во имя Победы. Но вот что удивительно. Сейчас, получая информацию из СМИ о ситуации на юго-востоке Украины, где живут мои племянники и идёт война, я испытываю боль, потому что на Украине возрождаются бандеровские, фашистские, антироссийские настроения. Сразу всплывают в памяти все ужасы, которые мы пережили. Эти люди забыли, кто строил и восстанавливал ДнепрогЭС, моторостроительные, металлургические, тракторные, авиационные заводы, мосты, дома и другие объекты. Они забыли, сколько героев-солдат отдали свои жизни при освобождении Украины от фашистских захватчиков. Они забыли, что украинцы и русские, – действительно

братские народы, у нас общая культура, смешанные семьи, экономика. Ведь только совместными усилиями всех республик, всех братских народов Советского Союза мы смогли отстоять свою независимость и свободу.

Мне очень жаль, что мои предки, родители, братья, сёстры и другие родственники покоятся там, где стали процветать насилие и ненависть к большой Родине – России. Но память предков, их заветы священны и непоколебимы. Верю, что Россия возродится, как возрождалась всегда.

Глава 5

ГОВОРЯТ ПОТОМКИ...

Дети войны, пройдя через невыносимые испытания и трагедии, через все тяготы военного и послевоенного времени, внесли колоссальный вклад в восстановление и дальнейшее развитие страны. Они совершили ещё один подвиг: вырастили своих детей и внуков, обеспечили непрерывность жизни, преемственность поколений. Благодарные потомки гордятся ими и стараются рассказать о них.

*Совсем молоденькой девчонкой
Пришла к станку ты на завод,
Где шум стоял довольно громко:
В твоих руках нуждался фронт.*

*В две смены на заводе были.
Не покладая нежных рук,
Детали на станке точили,
Забыв про боль и про недуг.*

*Паек ваш был – чтоб сил хватило:
Картошка, свёкла и ботва,
И чёрный хлеб, всеми любимый,
И родниковая вода.*

*Вы ждали весточки солдата,
Что вас на фронте защищал.
Вы ждали от отца и брата,
От тех, кто с немцем воевал.*

*Сегодня все вы ветераны:
Кто был в тылу, кто воевал.
Ваш тяжкий труд, что был желанный,
Пора поднять на пьедестал.
Владимир Мурзин*

И ВСЁ ЖЕ МЫ НЕ УНЫВАЛИ

Заслуженным уважением у жителей п. Безенчук пользуется **Валентина Павловна Аистова** – активный член правления местного отделения ООО «Дети войны». Она грамотно отстаивает наши позиции по вопросам ЖКХ, ввязываясь в вопросы формирования тарифов. Много времени и сил отдаёт разъяснению грабительской политики правительства перекладывающего затраты по содержанию жилья на плечи квартиросъёмщиков. Валентина Павловна избрана старшей по своему дому.

О себе Валентина Павловна рассказывает так: «Родилась в 1941 г. в Чапаевске. В 1942 г. маму перевели на работу в Пестравский райисполком – начальником отдела госстатистики. Там я в 7 лет пошла в школу. С нами вместе проживали: свекровь, её мать и парализованный отец. На попечении находились также три племянника и две племянницы. Из-за отсутствия возможности получить собственное жильё, ютились у людей, которые соглашались пустить на жительство такую большую семью. За 10 лет пришлось сменить 11 домов.

Те годы, как и у большинства, были голодными и

холодными. Пользовались только небольшим пайком, который получала мать на работе, и плодами своего труда – выращивали на выделенном участке земли картофель и овощи, а также держали козу и десять кур.

По совету бабушки мы запасали травы. Она варила похлёбку с лебедой, лопухом и другими травами, добавляя чуть-чуть муки. Всё лето трудились на огороде. Порой утром нас поднимали в 5 или 6 часов, везли на подводах в ближайший колхоз, где собирали колоски пшеницы, убирали то, что скажут старшие. И всё же мы не унывали, ходили смотреть кино. Тогда шли такие хорошие фильмы, как «Донецкие шахтёры», «Волга-Волга», «Кубанские казаки», «Сказание о земле сибирской» и другие.

В 1953 г. – возвращение в Чапаевск. Там и окончила школу. Поступила на работу на завод п/я 630 в г. Куйбышеве (металлургический завод). Активно участвовала в комсомольской работе, в кружке художественной самодеятельности при Дворце культуры «Металлург». Выступала с песнями, читала стихи.

После окончания института торговли поступила работать в трест столовых, затем в п. Безенчук трудилась в ЖКО треста «Куйбышевканалводстрой».

Уже на пенсии преподавала экономику во 2-й безенчукской средней школе, многие выпускники которой поступили на учёбу в экономические вузы».

Л.Н. АРХИПОВА,
первый секретарь
Безенчукского РК КПРФ

МЫ КРЕПИЛИСЬ – НЕ КРИЧАЛИ

Елена Ивановна Бадьярова уроженка села Старое Юреево, что в Кошкинском районе нашей области. Свою взрослую трудовую деятельность она начала в десятилетнем возрасте, испытывая огромные трудности и лишения, недосыпая и недоедая, так же, как и другие её сверстники.

*«...Словно призраки бледны,
Мы крепились – не кричали,
Дети страшной той войны,
Дети гнева и печали....»
(В. Шамшурин «Дети войны»)*

Началась война, и вся трудоспособная часть колхозников была призвана на фронт. Ушёл воевать отец, был призван в ряды Красной Армии и старший брат. Тогда не было освобождённых ни по весу, ни по росту, по возрасту и состоянию здоровья. На фронт уходили все, кто мог держать в руках оружие.

Елена Ивановна – очень интересный собеседник, и в свои почтенные годы не только обладает отменной памятью, но и с гордостью ещё считает себя старшей в своей семье, хозяйкой, экономкой, и фактически сама распределяет семейный бюджет.

«Сейчас вот готовые, рубленные дрова возят, топи, а вот в те суровые, холодные годы валить лес было некому. Мы ходили по полям, ломали и собирали сухой подсолнух, возили на санках-повозках. Ведь топить надо было не только дома, но и в школе» – рассказывает Елена Ивановна. Работали, учились,

готовили подарки и отсылали на фронт. Письма на фронт писала она сама. Потом брат рассказывал, что получая и читая на фронте её письма, все однополчане подолгу смеялись. Она не писала о том, что всем трудно, голодно, холодно, а о том, что окотилась кошка, принесла столько-то котят, сообщала и другие сельские новости для поднятия настроения.

Пришла пора вступать в комсомол, вступила, не раздумывая. Комсомольцы работали наравне с коммунистами. Секретарём комитета комсомола был Иван Биктимиркин, парторгом – Алексей Акимов, он же заведовал свино-товарной фермой, а молоденькую Лену назначили старшей свинаркой. Вечерами, не зная устали, бегали в сельский клуб. Елена Ивановна была певуньей, и концерты всегда начинала с гимна. Вот и внук Павлик пошёл по её стопам, сначала пел в школьном хоре, в клубе, а теперь вот, закончив Самарский институт культуры, работает в музыкальной школе. В сельском клубе не только давали концерты, но и ставили спектакли. В одном из них она играла роль Зои Космодемьянской.

Трудовой героизм и самоотверженность Елены Ивановны, как и многих других детей и подростков войны, отмечен многочисленными благодарностями, медалями. Он будет вечно жить в великодушной памяти поколений. Здоровья Вам и благополучия, уважаемая Елена Ивановна и другие труженики тыла и дети войны!

**Майя Саламатина,
Кошкинский район**

НАДО ЖИТЬ ДАЛЬШЕ И НЕСТИ СВОЮ ПАМЯТЬ ВНУКАМ

Маргарита Сергеевна Борякова отметила восьмидесятилетний юбилей. Встреча с родными и друзьями согрела душу. Отзвучали речи, спеты любимые песни – гости разошлись. Сморила усталость, но сон не шёл. Память услужливо листала годы жизни, счастливые и горькие её моменты. Самыми тревожными, настойчивыми были картины далёкого сталинградского детства.

В 1941-м ей исполнилось семь лет, о далёкой ещё войне напоминали лишь родственники, эвакуированные к ним из Эстонии, да рисунки немцев в виде рогатых монстров. Никакого страха не было. А тут новогодний праздник, мама сшила ей платье из старых вещей, сама нарядилась Дедом Морозом, веселила всех, пела, плясала. На следующий день пошли к любимому фонтанчику-крокодилу, он был в центре, недалеко от универмага. Жизнь обещала девочке мир и счастье.

Война ворвалась внезапно: ушли на фронт папа и брат. Опустел дом, построенный отцом из старых брёвен недалеко от Волги. Пришлось самим рыть под ним убежище, так требовали военные.

Незаметно пришла весна 1942 года, закрылись и превратились в госпитали все детские сады и школы. Дети помогали выносить парты, столики, затаскивать койки.

В госпиталь бежали вприпрыжку, по дороге собирали для раненых первые цветы, пели им песню о бесстрашных морских «волках». Те подзывали к себе, гладили по голове, совали сахар, кое-что из еды. Запасы в доме быстро растаяли, всё время хо-

телось есть. Детей стали подкармливать в столовой. Каши гречневой Рита тогда наелась до седых волос.

Потом в госпиталь стали с утра до вечера привозить с передовой совсем молоденьких солдатиков, почти мальчишек. Такой стоял стон, они кричали, звали маму, а у них, девчонок, дрожало в груди и от страха кружилась голова.

Летом появились в небе самолёты с крестами на крыльях, без конца объявляли «воздушную тревогу». Идти в бомбоубежище не хотелось, и только когда снаряд взорвался рядом с домом, окна разлетелись в прах, бежали туда по первому сигналу.

Об эвакуации в Алма-Ату мама и слышать не хотела, оставить дом без присмотра она не могла.

Август 1942 года Маргарите Сергеевне всегда хотелось забыть, вычеркнуть из памяти. Сейчас же, как назло, вспомнилось чёрное небо, сплошной дым, грохот и самолёты, как огромные хищные птицы, сбрасывали бомбы, превращали центр в сплошные развалины. Рухнул от снаряда и их дом, ночевать было негде. Люди уходили в овраги, выдалбливали там пещеры, сверху закрывались уцелевшими досками. В конце месяца всех начали эвакуировать за Волгу. Мама собрала последние пожитки и отправилась с дочкой к берегу. На их глазах переворачивались и шли ко дну теплоходы и баржи с ранеными. В ужасе поползли они назад в свою пещеру.

В дождливую погоду пробирались к элеватору за полусожжённым зерном. Оно да ещё родничок в овраге спасли их от голодной смерти. Однажды не вернулась мама, соседи говорили: наверно, убили её, несчастную. Вернулась она только к утру – с тех пор Рита начала заикаться.

Трупы перестали пугать, они были повсюду. По развалинам и пещерам бродили немцы, искали еду и тёплую одежду. Однажды забрели в их пещеру, крутят на пальце пистолет, что-то говорят по-своему. Забрали последнюю одежду и побрели дальше, видимо, вид чуть живых ребёнка и матери не сулил им поживы. Когда в феврале стихли бомбёжки и разрывы снарядов, слышались крики: «*Фашистов поббили!*» – вышли они из пещеры. В каждой складочке, бороздке, рубчике кишели вши, до крови была расчёсана кожа, ноги не держали, хотелось только уснуть.

Навстречу бежали наши солдаты, один обнял Риту, сунул сахарок в махорке, поспешил дальше. Такой вкуснятины девочка больше никогда не ела.

Маргарита Сергеевна на всю жизнь запомнила лицо учительницы, которая по погребам и землянкам разыскивала уцелевших детей и уже через несколько дней после освобождения собрала их в крохотной комнатушке. Началась учёба. Дети разбирали первый этаж школы, мамы баграми вытаскивали из ледяной воды брёвна: начали восстанавливать центр города.

Похожие на тень люди находили силы помогать друг другу, утешать тех, кто получал похоронки. Такая похоронка пришла и к ним.

Мама узнала, что отец Риты пал смертью храбрых под Ржевом, а младший брат пропал без вести в Красноармейске, недалеко от Сталинграда, в самых жестоких боях. Как она выжила, трудно даже представить, но сильный нервный срыв едва не свёл её в могилу. Могилу отца, вернее кладбище у деревни Гусево в Калининской области, где похоронены 375 бойцов, Маргарита Сергеевна нашла только через 28 лет. Она до

сих пор не может вспоминать без слёз, как встречали её жители деревни 9 мая 1970 года, узнав, что приехала дочь солдата. Они выходили из домов, гладили, утешали её, приносили творог, сметану, молоко, звали к себе. Братская могила была ухожена, засеяна цветами. Такое забыть невозможно. Ей удалось наладить тесную дружбу между ребятами из нашей шестнадцатой школы и школой деревни Гусево. Они ездили, друг к другу в гости, переписывались. Могилу старшего брата найти так и не смогла: числится пропавшим без вести.

После войны судьба забросила Риту в Сызрань, Сосновый Солонец и, наконец, в Жигулёвск. Она закончила медицинское училище, 46 лет отдала медицине города, из них 40 лет работала на «скорой помощи», откуда ушла на заслуженный отдых. Ночь пролетела в воспоминаниях, на востоке загоралась заря нового дня. Надо жить дальше, нести свою память внукам, чтоб не забывали о солдатах – прадедах, что лежат в братских могилах.

И. Кунина

ОНА ИСПЫТАЛА И ГОЛОД, И ХОЛОД

Жила мирная семья Алёшиных в Сталинграде. Александр Кузьмич работал на заводе, а мама, Татьяна Трофимовна, воспитывала дочерей. Они все погодки, требовали ухода и догляда.

Когда началась война, отца четырёх девочек эвакуировали как знающего специалиста. Фронт требовал оружия. Татьяна Трофимовна осталась с девчонками

одна. Фашисты, как только ступили на сталинградскую землю, готовы были расстрелять всех пионеров, комсомольцев и молодых женщин. Среди них оказалась и мама Валентины и трёх её сестёр. Татьяна Трофимовна прислонила детей к завалинке хаты и сказала: *«Держитесь вместе!»*. Сама пошла на площадь, чтобы спасти своих малышей. Сберегла её воздушная тревога – советские лётчики начали бомбить город. Татьяна быстро собрала детей и сказала: *«Пойдёмте к Волге – там наше спасение»*. Девочки, как утята, пошли вслед за мамой.

Наша героиня Валентина – с 1935 года. Она помнит, сколько мёртвых людей попадалось на пути: обстановка не располагала к похоронам.

Так получилось, что Валя отстала и потерялась в небольшом перелеске. Её подобрал раненый, которых везли на лошадях. Их распределили по квартирам. Она, маленькая девочка, старалась им помочь. Просили воды – она приносила. Её гладили по головке, каждый вспоминал своего ребёнка, оставленного далеко от дорог войны. Офицер отправил Валентину Алёшину в детский дом города Чапаевска. Она не знала, что мама её найдёт. Дело в том, что в одежде была зашита записка: как звать, с какого года. По этой записке её мама и нашла, когда оказалась с другими детьми в одном из колхозов Ульяновской области.

«Как мы бедствовали! Жить негде, люди старались помочь друг другу, но у каждого свои беды, своё горе. Мама набирала соломы, протопит землянку, но к утру все дрожим от холода. Кто кусочек хлеба даст, кто картошечку, кто кусочек тыквы. Потом мама заболела, но бабушка была рядом с нами».

Наконец война закончилась. Вернулся отец, маленькую избушку из камня сделал. Девчонки стали замуж выходить. Валентине приглянулся Анатолий, паренёк из соседней деревни. Он увёз молодую жену в Москву. Муж много работал.

Вскоре семья переехала в Жигулёвск. Варжниковы устроились работать на «Энерготехмаш». Настоящие труженики, они ценили своё производство. Анатолий Иванович Варжников был мастером на все руки.

Валентина Александровна устроилась маляром, потом стала штамповщицей. У неё – только одна запись в трудовой книжке. Она ветеран труда, имеет много наград за добросовестный труд. К сожалению, уже 14 лет она вдова. Вместе с Анатолием Ивановичем они воспитали двух дочерей, Татьяну и Анну, а теперь внуки и правнуки пошли.

Валентина Александровна в годы войны много хлебнула горя, но через все испытания и трудности пронесла любовь к жизни.

Э. Томазова

ИХ ДЕТСТВО УКРАЛА ВОЙНА

Когда началась Великая Отечественная война, моему дедушке Христиану шёл тринадцатый год. Это сегодня у него плохая память, но то, что было 70-75 лет назад, помнит, как будто это было вчера: всех де-

ревенских, кого когда забрали на фронт, как проводили, как ждали вестей, кто после ранения приходил в отпуск, а потом опять уходил и уже не возвратился никогда... Рассказывает дед, как все трудились для фронта, для победы от зари до зари, и стар, и млад.

Летом 1941 года, после шестого класса, дедушка работал на уборке урожая. Убирали хлеб лобогрейкой, запряжённой тройкой лошадей. Управляла ею во время войны самая сильная женщина или девушка. Технология уборки была такая. Лобогрейка скашивает стебли с колосьями, которые падают на её площадку, на которой находится женщина с вилами. Она подгребаёт стебли в кучу и, когда набирается достаточно для одного снопа, быстро скидывает их на землю. Подбегает к кучке женщина и ловким движением рук с помощью завязки вяжет сноп и уже бежит к другой кучке, на ходу вытаскивая из-за пояса следующую завязку. Материал для этих завязок готовили пожилые женщины, которые, в силу своего возраста, не могли на равных работать вместе с молодыми женщинами и девушками в поле за лобогрейкой. Они серпами жали рожь, вязали снопы и отвозили на ток. Там цепями выбивали зёрна из колосьев. Стебли с пустыми колосьями опять вязали в снопы.

Дедушка мой, тогда 12-летний пацан, грузил их в колымагу и вёз на озеро. Там он заезжал в воду прямо с колымагой, черпая воду ведрами, обливал снопы так, чтобы они хорошо промокли. Затем вёз свой груз в поле, где шла уборка, и раздавал вязальщикам снопы. Женщины разбирали снопы ржи и делали из них завязки. Для этого они брали по 10-12 стеблей в каждую руку и в том месте, где пустые колосья, завя-

зывали узел. Завязка получалась в две длины ржаного стебля. Завязки делали из ржи, потому что из всех зерновых ржаной стебель самый длинный и прочный. Ну, а парень, раздав свой груз, снова ехал на ток за следующей партией ржи – и так каждый день, до конца уборки.

На следующее лето его взял к себе, молотобойцем, отец, Степан Илларионович Светкин, колхозный кузнец. Тогда сварки не было и всё – и домашняя утварь, и сельхозорудия – ремонтировалось в кузнице. А во время учёбы Христиан продолжал работать в кузнице, после школы. И, когда его отца перевели кузнецом в Новокармалинскую МТС, вместо него в колхозе остался сын, которому шёл всего пятнадцатый год. Молотобойцем стал его друг и ровесник Венка Родионов. В школу им больше не пришлось ходить. Дедушка проработал в кузнице до армии, а Венку в 18 лет избрали депутатом сельсовета и назначили секретарём сельсовета. Но в армию их призвали вместе, в 1948 году, когда им было уже по 20 лет.

У дедушки была сестра Мария, которая старше его на полтора года. Во время войны она работала «водителем быка», на котором перевозила различные грузы. Но иногда зимой, когда надо было ехать на «дальние рейсы», она просила своего братишку съездить вместо неё. И вот однажды надо было отвезти шкуры крупного рогатого скота в Кошки, а на обратном пути – заехать в Романовку, на мельницу, и привезти муки в сельпо. Поехали на двух санях: один мужик из Новой Кармалы, на лошади и он – на быке. Выехали затемно. Кожу доставили на место и сдали. Заехали в с. Романовку, загрузились мукой и поехали

домой. Лошадь, служившая на пожарке, была не заезженная, как другие лошади, работавшие на полях и фермах. Она спокойно тащила свой груз, а вот бык устал. Он лёг и не хотел вставать. Уже стемнело. Воз, запряжённый лошастью, ушёл. А дедушка с лежащим на снегу быком остался посреди Грачёвки. Недалеко от воза стоял один домик. С горем пополам удалось поднять быка и подвести к хате. Постучался в окно и попросился переночевать, а быка поставить в хлев. Но быка надо было накормить. Попросил у хозяйки сани и пошёл воровать колхозное сено. Стог он увидел ещё днём на колхозном поле. И вот уже нагрузил сани и потащил добычу, как вдруг наткнулся на жителя посёлка, тот поднял крик, обозвал вором, угрожал тюрьмой, на что парень ответил: *«За колхозное сено мне тюрьма, но сдохнет колхозный бык – тоже тюрьма!»* – и не стал скидывать сено, а притащил и дал быку. Но бык был настолько слаб, что даже не мог встать и есть. Так и съела хозяйская корова почти всё сено. Ту ночь в Грачёвке он почти не спал, охраняя свой груз с мукой. Утром приехал напарник на лошади. Они перегрузили мешки на его сани, и тот уехал. Отдохнувший бык встал и потащил легкие сани домой.

Ещё мне запомнился рассказ дедушки про фаэтон – повозку для перевозки людей. Он запрягался парой лошадей, имел четыре колеса на рессорах, два сиденья: передние, дощатые, и задние, мягкие. Повозка – длиннее, шире и выше тарантаса, который запрягался одной лошастью. Чтобы подняться на фаэтон, имелась ступенька. Усесться могли по три взрослых человека на каждое сиденье, при желании могли усесться и по бокам повозки. Колхоз в Ульяновке

приобрёл фаэтон у проезжавших цыган. У них сдохла одна лошадь, и они предложили обменять фаэтон на тарантас.

После окончания 3 класса Христиан, вместе с другими хорошистами и отличниками, был поощрён поездкой на фаэтоне в Кошки, на сеанс звукового кино. Тогда в деревню привозили только немое кино. Учитель, Сергей Кузьмич Кузин, очень заботился о всестороннем развитии своих учеников. Он часто водил их на экскурсию в лес, на луга, а однажды побывали даже на заводе «Дубитель», в Салаване, нынешнем Новочеремшанске. А когда дедушка уже работал кузнецом, он со своим другом Венкой Родионовым отремонтировал сломанный уже к тому времени фаэтон. Починили «кузов», заменили колеса. Короче, получился, как новенький. После войны на свадьбах молодожёны с друзьями ездили на фаэтоне. Это было так же престижно, как теперь на лимузине.

В мае 1945 года, когда закончилась война, дедушке было 16 лет. Ровно столько сейчас мне. Но он к тому времени уже два года работал кузнецом и год до этого – молотобойцем. Если честно, мне это даже трудно представить. Но это было так!!!

Миллионы его ровесников во всей огромной стране трудились у станков, на торфоразработках... Они ковали Победу, наравне со взрослыми, а потом поднимали страну из руин, восстанавливали народное хозяйство.

А дети помладше делали свою работу по дому, нянчились со своими младшими братишками и сестрёнками для того, чтобы их мамы, старшие сёстры и братья могли работать на производстве. Часто голодали, жилось им нелегко. Их детство украли война. Мы ни на

минуту не должны забывать об этом!!! Ведь сегодня все дети войны – пожилые люди, и им требуются и лечение, и питание, и забота наша и всего государства.

**Никита Грехунов,
Кошкинский район**

ВОСПОМИНАНИЯ БЛОКАДНИЦ

27 января 1944 года была снята блокада Ленинграда, которая продолжалась 872 дня.

Помню, как во время обзорной экскурсии по городу самое сильное впечатление произвели на нас следы войны – посечённые осколками колонны Исаакиевского собора, рассказ экскурсовода о том, как прямо здесь, посреди города, на месте скверов, ленинградцы разбивали огороды, выращивали капусту, картошку. И, конечно, долго не могли отойти мы от вида Пискарёвского кладбища. На первый взгляд, всё здесь так мирно, зелено – бесконечные газоны: трава, цветы... На самом деле не газоны это – братские могилы. Ни имён, ни фамилий на них, только годы захоронений.

– *И Таня Савичева здесь похоронена?* – спросила я экскурсовода. Тогда ещё не было Интернета, и мы знали только знаменитый «Дневник» Тани, но почти ничего – о её дальнейшей судьбе.

– *Нет, она умерла уже в эвакуации, в Горьковской области... В больнице её очень старались выводить, но силы девочки были слишком подорваны, у неё начался туберкулёз.*

Позже записывала я рассказ жительницы Жигулёвска **В.В. Дворниковой**, пережившей блокаду.

– С началом войны отца сразу мобилизовали. В лесах под землёй был построен военный завод, где ремонтировали танки, самолёты. Там он и работал. В феврале 1942 года папу на санках привёз рабочий, сказал: «Ксения, Володя всё равно не жилец, так пусть умрёт среди своих». Когда папа скончался и лежал дома, мы не плакали, не страшно было, все чувства притупились. Не сразу его смогли похоронить, только через некоторое время.

Мне двенадцать лет тогда было, сестре Вале – десять, а Витеньке – три годика. Он вскоре после папы умер. Сидел на стуле, укутанный, и просил: «Мама, дай корочку хлеба...». Так с этими словами и умер.

Вера Владимировна заплакала навзрыд.

– Первое время, как только радио предупреждало о бомбёжке, мы бежали в убежище, – продолжила она. – А потом, когда папа и братик умерли, мы уже никуда не ходили – уьёт так уьёт. Ни тепла не было, ни воды, ни света. Мама ходила с ведром и саночками на Неву. Съели мы и собаку нашу, и кошку. Когда ещё папа был жив, он принёс буржуйку, и мы в ней всю мебель стопили, какая была.

Папу и братика мы хоть знаем, где похоронили, а дедушка с бабушкой ушли и не вернулись. Наверное, умерли где-то по дороге, их потом подобрали.

А **Л.Н. Никифорова** вспоминала о времени, когда ленинградцев стали эвакуировать, у неё там оставалась сестра:

«Мы жили в Куйбышеве, рядом с вокзалом. Мама каждый день после работы ходила встречать поезда. Ленинградцы казались похожими на инопланетян – огромные глаза, а плоти совсем нет. Они снимали последнее, что

у них было, протягивали – кто серьги, кто золотую цепочку – и только еле слышно просили: «Хлеба, хлеба...».

А хлеб мы получали по карточкам, за три дня вперёд. Поделиться было нечем. Но эти несчастные люди всё равно умирали, потому что у них была ещё и дизентерия. Помню ужасный запах – до самой Волги было нечем дышать. А уж если проходишь мимо платформы... Мы всегда закрывали носы, потому что пахло трупами. Сложены они были, как поленья. И мама перекладывала эти кучи, раскидывала штабеля, искала среди тел Нину. На что можно было надеяться? Девочка осталась одна в Ленинграде.

Что помогло выжить ленинградцам? Мужество. Ирина Головкина, автор знаменитого романа «Лебединая песня», работала в те годы в госпитале. Она вспоминала: «Как-то раз в здание госпиталя попала бомба. Пробив два этажа, она остановилась в операционной, где убила хирурга и двух медсестёр, и осталась лежать, тикая часовым механизмом. Весь персонал, сохраняя хладнокровие, переносил и переводил раненых в находящееся рядом здание театрального училища. Бомбу удалось обезвредить, а госпиталь вернулся на своё место. В годы блокады не видела в городе паники».

Т. Свичкарь

УКРАИНСКИЕ КОРНИ

Анатолий Тимофеевич Заричный родился в 1938 г., поэтому времена Великой Отечественной войны помнит, как отдельные картинки. Вот они с мамой пахнут огород: она идёт за плугом, он – верхом на ло-

шади, привязанный к упряжи. Вдруг прибегает отец, другие взрослые, все что-то кричат... Война началась! На следующее утро папы, звали его Тимофей Леонидович, уже не было: ушёл на фронт. Больше семья его не видела. Отец погиб в 1945 г., и только через десятилетия внук (сын Анатолия Тимофеевича) в Германии отыскал братскую могилу, в которой похоронен дед.

Великая Отечественная застала их в городе Жашков, на Украине. Отца призвали, а мама, Александра Константиновна, работала на заводе по производству растительного масла. Она приносила макуху (прессованный жмых) – настоящее лакомство для Анатолия и знакомых ребят! И тут же неприятную картину подсовывает память. После начала войны город заполонили румынские солдаты. И вот один, рыжий и худой, зашёл в их барак. Вынес всё, что захотел. Мальчишке было особенно жаль живых кур, которых он украл всех, до единой!

Надолго они в Жашкове не задержались. Бомбёжка уничтожила дом, сами успели схорониться под горой – в дыре, где зимой хранились пчелиные ульи. Перебрались к бабушке, в село Бубновка Хмельницкой области. Приехав, застали у неё на постое с десятков немцев. Мать оставила Толика, а сама где-то скрывалась, пока они не ушли. Началось наступление, и немецкие солдаты в спешке покинули бабушкин дом, в котором находился и их продуктовый склад. Всё забрать не успели. Осталась их тонкая-тонкая колбаса и картошка сухая. Радости было!

Когда война закончилась, Анатолий пошёл в первый класс. Мама в то время работала на богатую «пани», которая имела большое хозяйство. Местность располагалась на границе Западной и Восточной Украины.

Вокруг были сёла Липовка, Зайчики, протекала река Збруч. Она не замерзала зимой, и он до сих пор видит, как мама в стужу разувается, чтобы перейти её и попать на работу: «пани» жила на другом берегу. Их семья смогла пережить голод 1946-1947 годов. Спасло то, что удалось сохранить коров: сначала было две, потом осталась одна. Мамина хозяйка помогала, платила курами, гусями, продуктами.

Была ещё одна напасть – бандеровцы! Её смогли побороть только лет через десять, а до того житья не было. Они базировались в лесу и грабили всех, кто в него заходил: путников, крестьян, ведущих скотину на продажу. Маму, например, всегда хозяйка проводжала до реки, иначе несдобровать. Помнит, что председатели колхоза у них менялись каждые две недели. Только назначат нового, бандеровцы тут же убьют – он же коммунист! В лесу росло огромное дерево. Так вот, под ним эти бандиты устроили настоящий подземный город, со складами, мастерскими. Советской Армии пришлось развернуть большую операцию и удалось их оттуда «выкорчевать».

Переехали жить во Львов, и мама устроилась в «Почтовый ящик №49». Нет, это не отделение почты. Так назывался львовский секретный завод. Проживали на ул. Нечуй-Левицкого... Вспоминает Анатолий Трофимович свою родину, украинские названия, «мову», и сердце давит. Какое безобразие сейчас там творится, брат на брата пошёл! А после войны-то голодный украинский народ помогал другим. Через село постоянно шли белорусы, молдаване с мешками за плечами, просили еды и её получали. Хотя сами были еле живы. Раз они с бабушкой (во време-

на голода) увидели на улице высокого полного мужчину. Ещё удивились: откуда это он, такой плотный? И вдруг тот упал. Подошли поближе, рассмотрели, а он весь, как водяной – пухлый, но от голода.

Во Львове мама вышла замуж, и они переехали в Новую Каховку, где развернулось строительство гидроэлектростанции. Вырос, пошёл работать в каховский «Гидромонтаж», а в 70-е годы приехал в Тольятти, на строительство ВАЗа. Он сварщик, участвовал в строительстве самых разных тольяттинских и жигулёвских объектов, ездили в командировки по стране. Освоил работу с промышленными холодильными установками, так называемый «большой холод». Как специалист всегда ценился. Правда, супруга, Инна Александровна, любит повторять, что «от трудов праведных не построили палат каменных», но жизнь-то прожили хорошую и интересную.

Н. Зимин

ЖИЗНЬ БЕЗ ДЕТСТВА

«Беззаботное детство для меня навсегда прервалось 22 июня 1941 года, в день вероломного нападения Германии на СССР. Война многим моим сверстникам сократила жизнь» – вспоминает **Анатолий Николаевич Заусаев**.

У них, в маленьком иркутском колхозе, о начале войны узнали вечером. Гонец из райцентра прискакал на лошади. Тут же объявили сбор всех колхозников. Без промедления стали составлять списки очередников в военкомат и списки автомашин, лоша-

дей, тягловой силы. Через неделю деревня опустела. Остались престарелые, вдовы, подростки.

Вся работа – от сенокоса до обмолота зерновых – легла на пожилых и женщин. К ним прикрепили подростков с требованием обязательного выполнения дневного задания. Вскоре подростки, от 7 до 14 лет, втянулись и, вместе со взрослыми, днём и ночью занимались сенозаготовкой, подошедшей жатвой хлебов. Обмолот начали с осенними заморозками, а закончили в феврале. Всё заготовленное зерно отвозили в райцентр на элеватор. От непосильной работы силы взрослых истощались, дети недомагали. Участились случаи смерти пожилых и детей. Почти всех лошадей забрало государство на нужды фронта. Крупный рогатый скот приходилось использовать на всех видах сельскохозяйственных работ – пахоте, вывозке зерна, дров.

В 1941-1942 годах мимо пролетали эшелоны с сибирскими солдатами – защищать Москву, Ленинград, Сталинград. В газетах сообщалось, что сибиряки пошли в наступление на всех фронтах. Но стали появляться похоронки и сообщения о без вести пропавших. Много погибло сибиряков на войне.

В 1943 году всех 16-17-летних подростков забирали на фронт. Редкие раненые прибывали на долечивание. Они просили колхозников больше отправлять фронтовикам тёплого белья, рукавиц, носков. Обещали, что скоро фашистов погонят восвояси. Но население в деревнях редело, и всё больше работы ложилось на плечи моих сверстников, на девчонок.

Осенью 1943 года всех детей после сбора урожая посылали собирать замёрзшие колоски. Днём они

учились, а вечерами участвовали в обмолоте зерна, в других необходимых работах. Весной 1944 года с утра они учились, а после шли грабить вороньи гнёзда, собирать дикий щавель, лук, наполняя свои годные желудки. Но задания выполняли. В 1944 году новый председатель установил более трудную задачу на зиму 1945-1946 годов. Сказал, что работать и старикам и детям придётся ещё больше, но обещал часть урожая 1945 года выдать на трудодни, если справимся с госпоставками.

Вместе со взрослыми дети радовались каждой победе на фронтах. 19 мая 1945 года после школы мальчишкам встретилась животновод-зоотехник Варвара Иннокентьевна Файберг и сказала, чтобы 20 мая, к восходу солнца, Анатолий с другом Пашей Фроловым были на ферме. Там председатель поручил нам уход за телятами. Обязал выгонять на выпас до восхода солнца, днём содержать на ферме, подкармливая скошенной травой, поздним вечером загонять с пастбища. Какая это была трудная работа! Но они с ней справились. 31 августа 1945 года телят сдали с хорошим привесом и приростом. Толя с другом радовались, когда при встрече стада многие телята мычали в их сторону, как бы благодаря.

Председатель сдержал слово, и по итогам 1945 года правление колхоза наградило Толю и Пашу молодыми ярками. Ребята долго помнили об этой первой награде за хороший уход за телятами.

Война кончилась, но бесплатный детский труд в колхозных деревнях с ранней весны до поздней осени, сохранялся ещё многие годы. Последнее лето в колхозной деревне мальчик отработал, набравшись

взрослого опыта трудной сельской жизни. В 1954 году, после окончания техникума, уехал работать на Уральский машзавод. Труд оказался ему не в тягость.

Он с благодарностью вспоминал всех колхозников и колхозниц, научивших ребят в раннем детстве не бить баклуши, а помогать фронту. К сожалению, тот колхозный каторжный труд не оценён до конца, как и его вклад в общую победу.

Т. Николаева

СЕМЬЯ ИСМАГИЛОВЫХ ПОМОГАЛА ТАК...

Меня зовут Алия Шакурова, я ученица 7 класса. Решила написать про своего дедушку – **Гумера Мисалимовича Исмагилова**, ребёнка войны.

Он родился 6 июля 1933 года в деревне Моисеевка, Кошкинского района, Куйбышевской области. Я попросила деда рассказать о том, как им жилось в военное время.

Сначала всё было хорошо, он учился в школе, но вдруг началась война! В 1942 году он закончил 4-й класс. И в этом же году, когда деду было 12 лет, он начал работать в колхозе «Красный Восток». Его родители работали с утра до ночи, не покладая рук, даже не обращая внимания на время и усталость. Во время Великой Отечественной войны было очень трудно жить, потому что нужно было прокормить свою семью, но ещё и помогать солдатам, фронту. Хлеб и другие продукты давали по норме. Каждый старался чем-нибудь помочь. Семья Исмагиловых,

где жил дед Гумер, помогала так: сушили овощи и фрукты, растили картошку, вязали тёплые вещи и это отправляли на фронт. Во время войны погибло много людей, в том числе и его родители.

*В поход ушли отцы с мужьями.
Потом забрали сыновей.
Немало было проводивших
Своих подросших дочерей.*

*Работа в поле, на заводах
И всё: – Давай, давай живей!
А дома малые детишки –
Три, пять и более детей.*

*Одежда старая, в заплатах...
Нужда калечила людей!
И день, и ночь – одна забота:
Чем накормить своих детей.*

*Нет меры, чтоб их труд измерить.
Всё описать я не могу.
Зимой, в мороз, дрова рубили,
Возили в снежную пургу!*

Михаил Верёвкин

Заканчивая своё повествование, я хочу обратиться ко всем: «Помните своих дедушек, бабушек, прадедов и прабабушек, ведь если бы не они, то мы не смогли бы свободно жить. Хотя многих из них уже нет сейчас, но знайте: они навсегда останутся в наших сердцах, как герои, отдавшие свою жизнь ради Родины, Отчизны, ради нас ...»

Алия Шакурова

И ГОРЬКО, И СВЕТЛО

Борис Дмитриевич Пискунов
г. Самара

*Порою плачу в День Победы
И не стесняюсь этих слёз.
Родные дяди – Лёня с Федей
Ушли на фронт, как на покос.*

*Но с сенокоса возвращались,
В мозолях руки, мужики.
Их жёны, ребятишки ждали,
Неслись встречать вперегонки.*

*Был я мальчишкой несмышлёным,
Когда нагрянула война.
Мужало наше поколение –
Кто в борозде, кто у станка.*

*Но горше было мамам нашим,
Когда легло на плечи их
Известие о без вести пропавших
Мужьях и сыновьях родных.*

*Прошло уж больше полстолетья,
Но боль в душе – не торжество.
Когда я слышу той Победы песни,
На сердце горько и светло.*

ДЕТИ И ВОЛКИ СМОТРЕЛИ ДРУГ ДРУГУ В ГЛАЗА...

2 июля 1941 года навсегда запомнился маленькому Саше, жившему со своей семьёй в деревне Красная Сопка, Оренбургской области. Под звуки гармонии, плач, крики собравшихся Сашиного отца и почти всех мужчин призывного возраста отправили в Бузулук, а затем – на фронт. *«Война, война! Напал немец»* – слышалось со всех сторон.

Отец оставил четверых детей (Анна, Володя, Саша, Николай), а после его отъезда родился ещё один сын – Витя. Семья жила в деревенской избе 4 на 4 метра, четверть которой занимала русская печь. Летом дети ожидали мать с полевых работ, а осенью – из с. Колтубановка, куда колхозниц направляли в качестве работников госпиталей, а также на сортировку овощей.

Зимой в избе проживала не только их семья, но ещё, зачастую, и 3-4 солдата, работавших на строительстве инженерных сооружений. Летом солдаты размещались на сеновале.

Большим подспорьем для семьи был огород, вот только копать землю было нечем и некому. Иногда огород помогали перекапывать солдаты. Паёк их был скудным, и мама, как могла, подкармливала их всем, что у них выросло на огороде и было заготовлено на зиму.

В январе 1943 года старшую сестру Анну, няню младших ребятишек, забрали с такими же девчонками, как и она, на строительство Новотроицкого металлургического комбината. Работали они бетонщиками, шту-

катурами, малярами. Матери стало невольно без помощницы, и, по её просьбе, Сашу отправили к бабушке в с. Колтубановку. Бабушка жила с дочерью Марией и сыном Николаем, которого потом забрали на фронт танкистом. При наступлении на Харьков он погиб.

В войну дети быстро выросли. Весной собирали яйца уток, гусей, не брезговали и сорочьими. В речке Боровке ловили раков, пескарей и щук. На лесных полянах созревала щавель и луговой лук, дикая морковь и ещё многое другое из зелени, это был источник витаминов.

Зима запирала детей в избушке. Одиночные рамы были обычно покрыты инеем. Дети своим дыханием прогревали пятки на стёклах и следили за тем, что делается на улице. Особенно нравился им вечерний солнечный закат. Садилось солнце, и на улицах появлялись стаи волков. Они ловили собак, забирались в сараи сельчан. Иногда дети и волки смотрели друг другу в глаза.

Была у них корова-кормилица, её украли, увели в соседнее село. Нашли её, уже зарезанную, и забрали. Продали мясо, и на вырученные от продажи Бурёнки деньги мать купила молодую тёлку, но пока она выросла, дети более года оставались без молока.

К лету 1944 года в деревне появились пленные немцы. Они работали в основном в бору, на заготовке леса, а также на колхозном огороде, где ремонтировали поливные сооружения, копали картошку, рубили капусту и т.п. Их водили строем под командованием своих же офицеров. Из наших их сопровождали только руководители работ. Жили немцы в бараках, в бору. Однажды отряд немцев выкапывал картофель

в поле, вблизи деревеньки. Увидев это, ребяташки начали кидать в них картошкой. Бабушка Саши начала разгонять их веником, приговаривая: «*Озорники, нельзя так делать! Они же люди!*». Саша с мальчишками часто ходили на станцию, которая находилась на расстоянии трёх километров. Дети смотрели, как проходят поезда, в том числе с горелой и разбитой техникой.

В самом начале 1945 года из госпиталя к семье Поповых приехал дядя Толя, брат отца, которому было тогда всего 19 лет. Одну ногу ему ампутировали, и он ходил на протезе, который помогали снимать и надевать ему дети. Дядя Толя очень страдал от своего ранения: оно отбирало у него много сил, он часто хандрил. Любовь Максимовна, мама Саши, как могла, успокаивала его, старалась поддержать заботой и питанием. Но, не прожив и полугода, дядя Толя умер.

На каждую деревенскую семью летом выделяли гектара два земли для выращивания огородных культур. Мать выводила в поле всех детей и показывала, что нужно выдёргивать, а что оставлять. Выдернутую траву сушили и везли на тележке домой, на корм коровке. Так же дружно, всей семьёй, шли в лес на заготовку дров для зимы.

День Победы Саша встречал вместе со всей деревней. На улице раздавались крики женщин, несколько инвалидов играли на гармонии, слышались радостные крики детворы. Отец, Пётр Иванович, вернулся домой только в начале 1947 года, дважды контуженный, но, к счастью, живой.

**Татьяна Попова,
г. Самара**

ПОТОМКАМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ (В СОКРАЩЕНИИ)

Егор Ремнёв
г. Самара

*Ушла в историю Великая война.
Прошло уж больше полстолетья.
Пришли другие времена,
Не времена, а лихолетье.*

*«За Родину, За Сталина – вперёд!»,
«За честь и славу дорогой Отчизны» –
На фронте и в тылу народ
Сражался, не жалея жизни.*

*И наглый Запад пусть не врёт,
Что мир ему обязан жизнью.
Советский, русский в основном, народ
Сломал хребет немецкому фашизму.*

*Пройдёт затмение в мозгах,
Наступит в мыслях просветленье.
История расставит по местам:
Октябрь, Победа, Сталин, Ленин.*

МАША С ВИТЕЙ – НАСТОЯЩИЕ КОЛХОЗНИКИ

Мария Александровна Чибилюткина была одной из тех, на чьи плечи легла вся тяжесть сельского труда во время войны. Это – жительница села Андросовка

Колдыбанского, а ныне – Красноармейского района Куйбышевской области.

Пионерка Маша закончила пятый класс и перешла в шестой, когда началась война. Ей только исполнилось 14 лет, а её брату Виктору было 10. Их отца, Александра Ивановича Добровидова, забрали на фронт, а мать, Евдокию Васильевну, послали рыть окопы. Четырнадцатилетняя девочка должна была прокормить себя и своего десятилетнего брата. Мать оставила немного муки, Маша сама пекла хлеб, добавляя в него толчёную лебеду, а когда кончилась мука, то пекла из этой лебеды лепёшки. Однажды пришёл к ним заместитель председателя колхоза Алексей Горбачёв и спрашивает: *«Ну, что, ребяташки, никто вас не обижает?»* – *«Нет!»* – хором ответили брат с сестрой. *«Пришёл я вас просить о помощи»*, – продолжил Горбачёв. – *«Молотить снопы некому»*. Тогда началась уборочная страда, и Маша вместе с Виктором пошли работать на молотилку. Когда все работники сели обедать, сестра увела брата в сторонку, чтобы никто не видел, что им есть нечего. Но люди, заметив голодных ребяташек, стали отламывать по кусочку от своего скромного кушанья. Вечером приехал дядя Лёня, так называли дети заместителя председателя Горбачёва, и привёз им буханку хлеба. Виктор не видел, как Маша получала из рук дяди Лёни хлеб, а увидев в руках сестры такое богатство, закричал: *«Маша, ты зачем хлеб ukrала?! Тебя ведь посадят! Как же я один?»* – и заплакал... Девочка еле успокоила брата, рассказав, что этот хлебушек они с братцем заработали сами. Это был первый рабочий день в колхозе, и с этого дня Маша с Виктором стали настоящими колхозниками, помогая односельчанам

отправлять хлеб на фронт и получая за свою работу трудодни. Позднее на заработанные «палочки» им выдали зерна и муки. Наступила весна 1942 года. В 14 лет Марию поставили прицепщицей на трактор. И брат от неё не отставал: помогал чистить бороны и плуги от сорняков и чернозёма. Работали с раннего утра до позднего вечера. Однажды напарница Марии Шура Дёмина, такая же девочка-подросток, устав от непосильной работы, легла вздремнуть в борозду и больше уже не проснулась, погибнув под колёсами трактора: в темноте тракторист не заметил спящей девочки... И ещё одну подругу потеряли юные колхозницы – Шуру Юдину, которая также погибла от несчастного случая, работая прицепщицей на тракторе...

Вскоре в колхоз пригнали новые тракторы «Универсалы», а работать на них было некому. Посадили на них четырнадцати-пятнадцатилетних девчонок, показав, как управлять техникой. Так стала Маша трактористкой. Моторы на тракторах очень быстро нагревались, и их надо было остужать. Для этого в специальные люки заливалась вода из бочек, которые стояли по обоим концам поля. Однажды Машу в лицо обдало горячим паром из люка, она получила серьёзные ожоги. Благодаря своей тёте Маша быстро пошла на поправку и снова села на трактор...

Тяжело было, но очень хотелось, чтобы поскорее закончилась проклятая война и отец с матерью домой вернулись. Зимой Мария, на запряжённых быками подводах, с подругами ездила в поля за соломой для колхозных коров. Каких усилий требовалось детским ручонкам, чтобы выдернуть навильник соломы из осевшего стога... Однажды, полуголодные, невыспавшиеся девчонки, решив немного

передохнуть, закопались в солому и уснули. Хватились их в деревне, когда уже стало темнеть. К счастью, нашли, замёрзших и испуганных. Но на другой день юные труженицы снова были на работе. Так день за днём, четыре долгих года, Маша со своими односельчанами трудилась в родном селе, где колхозное поле чем-то напоминало фронт. Там тоже ковалась победа. Правда, там не свистели пули и осколки, однако доставалось и им, сельским труженикам, сполна, так же, как и бойцам переднего края.

Учиться после войны Маша никуда не пошла, осталась в родном колхозе, где 22 года проработала: сначала трактористкой, потом учётчицей в тракторном отряде, весовщицей... А галстук пионерский берегла. Достанет его иногда, вспомнит былое и заплачет... Потом уже дочери Марии Александровны убрали его подальше от матери, чтобы она не волновалась. Тяжелы воспоминания о детстве. Сейчас Марии Александровне 87 лет. *«Как один день, промелькнула моя жизнь, – рассказывает она. – Слово вчера всё это произошло со мной...».*

Совсем уже мало осталось тех, кто с оружием в руках победил фашизм, и тех, кто обеспечил эту Великую Победу своим трудом в тылу. Она далась ценой огромных усилий, невероятных лишений и, самое главное, миллионов жизней людей. Об этом нельзя забывать никогда. Мы, молодое поколение, должны всегда помнить об этом и гордиться своим народом, своими земляками. Они, защитившие Родину на полях сражений и самоотверженно трудившиеся в тылу, стали для нас примером настоящей воинской доблести, огромной силы духа, истинного мужества и самопожертвования.

А. Горшков,
учащийся 8 класса ГБОУ СОШ с. Андросовка

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Наша страна и весь мир в 2015 году отмечают 70-летие Великой Победы над фашизмом и завершения Второй мировой войны, в которой участвовало полмира и погибли десятки миллионов людей разных национальностей.

Советский Союз, принявший на себя самый жестокий удар фашистских войск, понёс огромные потери, несоизмеримые с другими странами, и подвиг советского народа должен остаться в памяти благодарных потомков.

Страна признательна участникам войны, труженикам тыла и всем тем, кто на фронтах и в тылу ковал Великую Победу. Но остались незаслуженно забытыми невольные свидетели и малолетние участники тех героических лет, детство которых унесла война, а старость пришлась на перестройку.

Детям войны пришлось отложить игрушки и идти работать по-взрослому. Это на их неокрепшие плечи легла обязанность сеять и пахать, вытачивать гильзы, штамповать патроны, стоя на снарядных ящиках из-за недостатка роста. А потом, уже выросшим – восстанавливать разрушенное войной хозяйство, то самое хозяйство, которое служит стране и сейчас.

МЫ РУСЬ СПАСЛИ

*Когда страна с врагом сражалась
Мы, дети, встали у станков.
Мы за любое дело брались,
Чтоб заменить своих отцов.*

*Мы в деревнях, в полях всё лето,
Растили хлеб, пасли коров,
А в городах, поставив ящик,
Весь день стояли у станков.*

*Трудились яростно, с азартом,
Шли на работу, словно в бой,
Минутку, постояв у карты,
Висевшей возле проходной.*

*На ней мы красными флажками,
Обозначали отступление,
И лишь в начале декабря,
Вздохнули с лёгким облегченьем.*

*Нам тяжело сегодня вспомнить,
А внукам просто не понять,
Как мы могли в цехах холодных,
Две взрослых нормы выполнять?*

*Сестёр и братьев, что поменьше,
Мы оставляли на печи,
Те грели тощими телами
Холодной печки кирпичи.*

*Но мы не зря в цехах трудились,
Растили хлеб и скот пасли,
В те годы Армии Советской
Мы очень крепко помогли!*

*Нам иногда, утратив совесть,
Нашист из партии «ЕдРос»:
– А что вы сделали в те годы? –
С улыбкой задаёт вопрос.*

*Мы Русь спасли от вражьей силы,
Послали в космос корабли,
Вы двадцать лет наш труд крадёте,
Но всё разgrabить не смогли!*

М.Ф. Верёвкин, дитя войны

МЫ – ДЕТИ ВОЙНЫ

*Мы – дети войны. Мы не видели детства.
Мы голод и холод узнали с пелёнок.
И мы от войны получили в наследство
И радость побед, и тоску похоронок.*

*Мы – дети войны. Мы росли и мужали,
Упорно учились, труда не боялись,
Крепили могущество нашей державы
И мирное небо страны защищали.*

*Мы – дети войны. В наши зрелые годы
Мы жизнь обустроили, в Космос взлетели.
Мы мир на планете дарили народам.
Вот только предателей не углядели.*

*Мы – дети войны. Мы в жизни познали
И горечь утрат, и восторг достижений,
Великие радости и печали,
И славу страны, и её униженья.*

*Но нас не сломили невзгоды и беды.
Из рук мы не выпустим Красное знамя!
Мы – дети войны, мы – дети Победы.
Мы верим, что будет победа за нами!*

Я. Зуперман, г. Самара

К детям войны обращены слова современного Ленинского Комсомола:

«Мы представители молодого поколения, ваши внуки и правнуки, обещаем хранить память о подвиге советского народа, помнить какой ценой завоёван мир и обеспечена независимость нашей Родины.

Обещаем беречь трудовые традиции, заложенные вашим героическим поколением.

Заверяем, что будем любить свою Родину так, как любили её дети военной поры.

Мы отдадим все силы возрождению величия и могущества нашей страны!»

*Держитесь! Крепите силы.
Вам уходить нельзя:
Россия ещё не погибла,
Пока вы живы – друзья!*

Хроника решений органов власти Куйбышевской области по оказанию помощи детям в годы войны

1941 г.

4-6 июля. Размещено 11 тыс. рабочих и их семей, прибывших с эвакуированными заводами. [ЦГАСО, ф. 56. оп. 39]

18 июля. Облисполком принял постановление о расширении детсадов и детдомов на время войны. [ЦГАСО, ф. 1923. оп. 6]

Июль. В Ставрополь-на-Волге стали прибывать первые группы эвакуированных из пограничных районов страны. Большинство из них семьи офицеров. В летних платьях, с ребятишками на руках. [В.А. Овсяников Ставрополь-Тольятти. – Тольятти, 1997]

Октябрь. В Куйбышеве на углу Садовой и Вилоновской улиц открыта детская больница на 100 коек. [«Волжская коммуна» (далее ВК), 1941, 4 окт.]

Октябрь. Для размещения эвакуированных детей открыто 4 детдома в селах Ст. Буян, Екатериновка, Борское, Тимашево и 3 интерната. [Годы и события (далее Г и С). – Хроника. – т. 2. – Самара, 2000]

Декабрь. По всей области работают детдома: в Ставрополе, Смышляевке, Чапаевске, Челно-Вершинах, Клявлине, Камышле... В них воспитываются эвакуированные ленинградские, минские, орловские, тульские, смоленские, полтавские дети... [Волга в гневе. – Куйбышев, 1970]

1941-1945 гг. При исполкомах работали комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей. За годы

войны через систему детдомов прошло 12 252 ребенка, 1 907 были устроены в порядке патронирования и усыновления. [Самарская летопись (далее СЛ). – С., 1977. – т. 3]

1941-1942 гг. В сельских районах некоторых эвакуированных детей брали на воспитание колхозы, этих детей так и стали называть: «сыны колхоза». Жительница с. Отважное Ставропольского района А.А. Деревенских взяла на воспитание 15 детей. Семье Деревенских помогали жители села. Райисполком выделил 30 тыс. руб., помог приобрести корову по госстоимости. [В.А. Овсянников Ставрополь-Тольятти]

1941-1945 гг. На Безымянке сдано в эксплуатацию 129 006 кв. м жилья, открыто 4 школы на 2 080 мест, 5 клубов на 3 800 мест, 6 детсадов и яслей, 4 магазина, 10 столовых и 6 мастерских бытового обслуживания. [Пути созидания – 1993]

1942 г.

Январь. Во всех районах области действовали комиссии по проверке бытовых условий семей военнослужащих. В Приволжском районе была оказана помощь 1 850 эвакуированным семьям военнослужащих. Им было выдано 51 пара валенок, 2 241 метр мануфактуры (ткани), роздано 300 куб. м дров. [СО- ГАСПИ.2159.1.40.1]

23 марта. В Ставрополе начата работа по расширению имеющихся детдомов и строительство дополнительных помещений для сирот. [ТГА, ф. Р-19, оп. 6]

3 апреля. Совнарком СССР издал распоряжение об организации в Куйбышеве в апреле 1942 г. авиатехникума для 1200 чел. [Г и С. – т. 2]

Май. Область приняла к размещению 35 000 человек, в т.ч. 5 000 детей-сирот без родных. [ГАСПИ, ф.656, оп.6]

2 июня. В Сызрань прибыли 620 эвакуированных детей из Ленинграда, размещены по детдомам №21, 22, 23. [Госархив г. Сызрань, ф.Р-187, оп. 1]

14 июня. В Сызрани открыт государственный театр. [Архив г. Сызрань, ф.Р-187, оп.1]

Июнь. Обком ВЛКСМ открыл в Госбанке счёт для сбора средств в фонд помощи детям. [ВК, 1942, 20 июня]

10 августа. На куйбышевских авиазаводах размещено 5 448 учеников ремесленных училищ, эвакуированных из Ленинграда. Все обеспечены общепитаниями, работой и питанием в заводских столовых. [Г и С. – т. 2]

Август. В ставропольском детдоме №6 размещена большая группа детей из блокадного Ленинграда. Документы свидетельствуют: 80% из них дистрофики, больны цингой и др. болезнями. В ставропольском детдоме №28 воспитывалось 270 эвакуированных детей. Всего в ставропольских детдомах воспитывалось около 500 детей. [В.А. Овсянников Ставрополь-Тольятти]

Сентябрь. В Кировском районе открылась больница на 400 коек, расширились роддом, детская больница, женские консультации. [Самарская летопись. – т. 3]

1942 г. Область приняла 3 211 детей из Ленинграда, 1 580 из Смоленской области, 4 110 детей из др. областей. [СЛ. – т. 3]

1942 г. Молодёжные организации области в течение года собрали в фонд помощи детям фронтови-

ков 5 млн руб., 55 тыс. пар обуви, 5 тыс. пар белья и эвакуированным детям 32 тыс. теплых вещей. [ЦГАСО, ф.2521, оп.7]

1943 г.

13-14 марта. В Куйбышеве проведён декадник по оказанию помощи семьям фронтовиков. Учтено 61 260 семей, обследовано 17 440 и оказана матпомощь 15 687 семьям. Отремонтировано 215 квартир, устроено в ясли 1 073 ребенка. [ГАСПИ, ф.656, оп.22]

1 июня. В областном театре юного зрителя состоялась премьера спектакля «На заре туманной юности». [ВК, 1943, 1 июня]

4 июня. В Куйбышеве организовано Суворовское военное училище. Для размещения училища предоставлены здания школы №1 по ул. Обороны (ныне ул. А.Толстого) и бывшего исторического музея по ул. Пионерской. [ЦГАСО, ф.56, оп.47]

Июль. В Куйбышеве сформировано подготовительное военно-морское авиаучилище для подготовки офицеров. Учебный корпус располагался на ул. Красноармейской, 12. [Г и С. – т. 2]

18 августа. В с. Ст. Ермаково Камышлинского района размещен Касымовский детдом из Орловской области. [Г и С. – т. 2]

Декабрь. Открыт индустриальный техникум. [ВК, 1943, 24 дек.]

В 1943 г.:

Возникла новая сеть вечерних школ обучения рабочей молодёжи без отрыва от производства. В 1943 г. таких школ в области 6, в них обучалось

1 011 чел. В 1945 г. вечерних школ было 15, в них 2 500 учащихся. [ЦТАСЮ. ф. Р-2551, оп.1, д.76]

Открыт Дворец пионеров на ул. Куйбышевской.

Открыт кукольный театр на ул. Л.Толстого.

На стадионе «Спартак» открылась детская спортшкола. [СЛ. – т. 3]

С начала 1943-1944 учебного года в школах введена школьная форма, выдававшаяся по спискам, представленным школами в магазины, первый год бесплатно, в последующие годы за незначительную сумму. Местные Советы стремились обеспечить школьников из семей фронтовиков обувью. [По материалам районных газет]

В области работало 16 ремесленных училищ, 2 ж/д и 29 школ фабрично-заводского обучения с контингентом учащихся в них 18 453 человека (Г и С. – т. 2)

1944 г.

Март. Коллектив драмтеатра им. А.М. Горького передал 40 тыс. руб. в фонд помощи детям фронтовиков. [ВК, 1944, 29 марта]

9 апреля. В драмтеатре им. А.М. Горького состоялась премьера спектакля по комедии А.С. Грибоедова «Горе от ума». [ВК, 1944, 9 апр.] Организованы коллективные посещения школьниками этого спектакля.

23 апреля. В театре оперы, балета и музкомедии состоялась премьера оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин». [ВК, 1944, 23 апр., 21 мая] Организованы коллективные посещения школьниками этой оперы.

11 июня. В Куйбышеве открылся детский городской парк культуры и отдыха. [ВК, 1944, 13 июня]

Август. В Куйбышеве открылась городская станция юных техников. [ВК, 1944, 15 авг.]

Октябрь. Начались занятия в Сызранском педучилище, в которое поступило 145 учащихся. [Годы и события, – т. 2]

Вторая половина октября. В Куйбышеве сдан в эксплуатацию новый кинотеатр «Победа». [ВК, 1944, 20 окт.]

Октябрь-ноябрь. На основании Указа Президиума ВС СССР от 08.06.1944 года райотделы по госпособиям исполкомов области приступили к выдаче пособий одиноким и многодетным матерям. [ВК, 1944, 16 нояб.]

Ноябрь. Райпотребсоюзом Приволжского района завезено тканей для новорождённых на сумму 9 100 руб. [Красное Приволжье, 1944, 16 нояб.]

1944 г. Создана сеть вечерних школ сельской молодёжи. В области их было 107 с числом учащихся 3 297 чел. [Г и С. – т. 2]

1945 г.

Май-июнь. Выпускники средних школ области впервые держали экзамены на аттестат зрелости. Сдавшие все экзамены на 5 награждались золотой медалью, серебряной медалью награждались те, кто имел по всем предметам на экзаменах «отлично» и 2-3 четверки в году. [ВК, 1945, 10 июня]

Осень. В Чапаевске организована спортшкола. [Г и С. – т. 2]

Подготовила Р.П. Поддубная,
кандидат исторических наук

Памятная медаль ЦК КПРО «Дети войны»

УДОСТОВЕРЕНИЕ

ЦК КПРО награждает
памятной медалью
«Дети войны»

ТОВ. _____

Председатель
ЦК КПРО *М. Сидоров*

Руководитель по изданию книги
председатель Самарской
региональной организации «Дети войны»,
секретарь Самарского обкома КПРФ
Ерина Марина Анатольевна

Главный редактор
Петров Александр Дмитриевич

Члены редакционного совета:
Бородина Людмила Сергеевна
Михайлова Ирина Константиновна
Панарина Валентина Васильевна

Корректор
Шапошникова Людмила Александровна

Компьютерная вёрстка и дизайн
Дроздов Евгений Вячеславович

Книга воспоминаний детей войны «Детство, опалённое войной» издана при помощи и финансовой поддержке Самарского областного отделения политической партии «КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

